

ДЕТИ СИБИРИ

МЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ОБ ЭТОМ РАССКАЗАТЬ...

Воспоминания детей, вывезенных из Латвии
в Сибирь в 1941 году, обобщила Дзинтра Гека

2-й том

М-Я

Перевод письма с первой обложки книги

Письмо. 1944 г. 24 декабря

«Здравствуй, дорогой дядя, добрый вечер или утро. Я сажусь за стол со слезами на глазах и с тяжелым сердцем. И не могу рассказать о своих бедах и муках, как мы мучаемся в далекой Сибири. Мы приехали в маленькую деревню, и там была лесопилка. Я с мамой работал – пилил дрова и зарабатывал хлеб, и мама измучилась и заболела легкими, и потом перестала работать, и я один только работал и зарабатывал хлеб, а мама дома шила и зарабатывала хлеб. Но мама стала все больше болеть, и началась чахотка, и мама два года болела и 20 марта 1944 года дорогая мама умерла, и мы стали сиротами. Нету ни матери, ни отца, а здесь много латышей, и многие умерли. Все больше старые и больные. Живем плохо. И сейчас я со своими братьями в детском приюте. Отправили нас в Красноярск. Теперь, известное дело, не так трудно, и только грустно за маму и других добрых родственников, и за папу, не могли бы вы как-нибудь нам помочь или прислать денег, тогда напишите, можете ли вы взять нас домой».

UDK 94(474.3)(092)+929

Si 025

ДЕТИ СИБИРИ

мы должны были об этом рассказать...

724 интервью, взятые за период с 2000 по 2007 год, обобщила Дзинтра Гека

Интервьюировали Дзинтра Гека и Айварс Лубаниетис

Интервью расшифровали и правила: Юта Брауна, Леа Лиспиня, Айя Озолиня,

Маргарита Калнаварна, Майрита Крауле, Ивета Стабулниеце, Майя Тренце, Иварс Вимба

Редакторы: Инта Чакла, Вия Югане, Инта Карклина

Перевод на русский язык, редактирование: Жанна Эзите

Фоторедактор Айварс Лубаниетис

Координатор Санита Бломниеце

Обложка книги: Линда Лусе

Художник Индулис Мартинсонс

Макет: Ванда Войциша

Отпечатано sia **TALSU TIPOGRĀFIJA**

Министерство культуры Латвийской Республики

Латвийский Фонд
капитала культуры

Рижская Дума

Талсинская
типография

Посольство Латвийской
Республики в Российской Федерации

Объединение политически
репрессированных Латвии

Музей оккупации Латвии

ООО «Лачи»

ООО «Сабиедриба
Марупе»

Дума Бабитского
края

Дума города
Вентспилса

Дума города
Екабпилса

Дума Елгавского
края

Дума Гробиньского
края

Дума Кекавского
края

Дума города
Лиепая

Дума Преильского
края

Дума Резекненского
края

Дума Тукумского
края

Полностью имена тех, кто оказал поддержку изданию, смотрите в конце книги.

© Издатель Fonds Sibīrijas bērni

© Дзинтра Гека

© Линда Лусе

ISBN 978-9934-8219-3-6

ДЕТИ СИБИРИ

МЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ОБ ЭТОМ РАССКАЗАТЬ...

724 детей Сибири Дзинтра Гека и Айварс Лубаниетис
интервьюировали в период с 2000 по 2007 год

2-й том

М—Я

ПРЕДВАРЯЯ КНИГУ «ДЕТИ СИБИРИ»

Голод, холод, страх, насилие, отчаяние и упорство, надежда и борьба за жизнь и собственное достоинство объединяют всех детей трагических событий XX столетия – тех, кто помнит утрату Латвией свободы в 1940 году, две оккупации страны во время Второй мировой войны, депортацию, беженство, вторичную депортацию и вторичное беженство.

Суровые ветры судьбы оставили в сердцах этих детей глубокие шрамы, и пережитое всплывает в памяти как бесконечный гул железнодорожных рельсов, или промозглый холод барака, то как обещанные на завтра картофельные очистки или корка хлеба, но всего явственнее и прежде всего – как жажда человеческого тепла, знаний, игр.

Сибирь или лагеря беженцев в западной зоне, ужасы войны на территории Латвии или где-то в Европе – эти раны и способность залечить их и стать успешными и в своей человеческой сути, и в своей жизни – вот что роднит этих людей.

Я бы назвала святой инициативу фонда «Дети Сибири», как и тех энтузиастов, кто в рамках Музея оккупации или как-то иначе проделал огромную работу по фиксации в аудио- и видеоматериалах, в письменных свидетельствах жизненные истории представителей разных народов, ибо это очень важно для понимания общей истории нашей страны и нашего народа. В своей жизни я попыталась выслушать и осознать рассказы всего лишь нескольких десятков живших в ссылке детей и была бы искренне рада, если бы работа эта продолжалась.

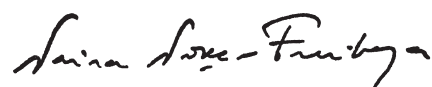
Чем многогранней предстанет перед нами наша история, тем реалистичней и целенаправленной мы будем созидать наше будущее – государство, которое само осознает свои возможности и активно формирует свою повседневную жизнь, а на внешнеполитической арене не даст забыть миру о случившемся, столь трагично и безжалостно изменившем судьбы многих государств и жизнь каждого.

Поражает, как многие из тех, кто прошел через невероятные трудности и испытания, сумели сохранить светлый взгляд на мир, как, пройдя через страдания, закалили характер и волю, как смогли все это пережить, добиться успеха, не поддаваться боли и направить все усилия на то, чтобы превратить эту боль в силу, в надежду, в луч света пульсирующего сердца.

Всем нам, каждому своей дорогой, суждено было вернуться в восстановившую свою независимость Латвию. И сегодня наш долг и наша ответственность – продолжать активно собирать и записывать повествования о судьбах людей – это нужно не только для истории, но и для того, чтобы наш народ, выслушав и поняв друг друга, продолжал крепить узы сплоченности.

Рассказы людей, их характеры формируют душу и совесть народа. Как бы ни были рассеяны они по свету, всех их объединяет Латвия. Рассказы о жизни народа – это возведение моста, по которому все могут вернуться домой. В Латвию.

Вайра Вике-Фрейберга
Президент страны (1999–2007)

ПРЕДВАРЯЯ КНИГУ «ДЕТИ СИБИРИ»

14 июня 1941 года из Латвии были депортированы 15 425 жителей (латыши, евреи, русские, поляки), в том числе 3750 детей в возрасте до 16 лет. Мужчин разлучили с семьями и угнали в лагерь ГУЛАГа, где отцы и братья погибли от голода и болезней.

Женщин и детей на условиях спецпоселения разместили в основном в деревнях и поселках Красноярского края и Томской области. Особенно тяжелым был первый период ссылки – годы Второй мировой войны, когда от непосильного труда и голода многие умерли.

Под воздействием лживой пропаганды сосланных называли фашистами, и в условиях священной войны, как пелось в одной из советских песен, к ним и отношение было соответствующее. В нижнем течении Енисея есть место, которое называют Островом смерти, — Агапитово. Осенью 1942 года здесь высадили 700 человек, среди них были и матери с детьми. Весной в живых осталось 70 человек, спаслись шестеро детей, интервью с которыми есть в книге.

В 1946 и 1947 годах, благодаря настойчивости и усилиям работников Отдела детских домов Министерства образования Латвии, более тысячи депортированных в 1941 году детей — в основном сирот и полусирот в возрасте до 16 лет — были возвращены в Латвию, переданы родственникам или размещены в детских домах. Но на этом, к несчастью, их мучения не закончились. Позднее органами власти многие по этапу были высланы на прежние места поселения, откуда на Родину они смогли вернуться лишь в середине 50-х годов. Но еще и сейчас в Сибири живут потомки высланных в 1941 году.

За шесть лет мы преодолели тысячи километров по Красноярской, Томской, Енисейской и другим

областям Сибири. Сейчас эти люди, оставшиеся там детьми, уже седые старики и инвалиды. У них отняли не только Родину и близких, в результате политики русификации у них отняли и родной язык, многие из них уже не в состоянии изъясняться на латышском языке. Кто-то продолжал жить надеждой, что, по крайней мере, последние свои дни проведет в одном из приютов для бедных в Латвии. Но мечты остаются мечтами, потому что от Родины людей отделяет граница, которую преодолеть не так просто. Из Сибири мы возвращались домой, переполненные впечатлениями, которые произвела на нас удивительная природа этого края, мы везли с собой киноматериалы, интервью, но везли и свои личные ощущения от встреч с людьми. И всегда это были печаль и чувство неизбывной вины... Те, кто возвратился, были счастливы, потому что вернулись на Родину, но одиночество, страдания, голод и нищета, потеря близких – все это невосполнимо. Все это оставило след на жизни нескольких поколений. Каждый рассказ – это рассказ о братьях и сестрах, оставшихся в вечной мерзлоте.

Вторым по численности народом, который пострадал в депортации 1941 года, были евреи. Те, кто спасся, вернулись в Латвию, но их близкие были уничтожены во время Второй мировой войны. В 70-е годы многим из оставшихся в живых удалось выехать в Израиль. Мы беседовали с детьми Сибири и там.

Мы взяли интервью у 670 бывших детей Сибири в Латвии и России, в Израиле и Америке. И почерпнули столько света и столько любви к Латвии, почерпнули надежду и уверенность в будущем нашей страны. И хотим передать это следующим за нами поколениям.

Дзинтра Гека,
основатель фонда «Дети Сибири»

М

Список жителей Латвии в возрасте до 16 лет, депортированных 14 июня 1941 года

Магидсон Ися Абрамовна	1931	Малиновский Владимир Григорьевич	1949
Магидсон Александр Абрамович	1936	Малиньш Аугустс Антонович	1939
Магоне Дзинтра Яновна	1938	Малиня Агрита Антоновна	1950
Магоне Имантс Янович	1936	Малкс Айварс Кришевич	1937
Магоне Мирдза Яновна	1933	Малкс Таливалдис Кришевич	1931
Магоне Валдис Янович	1934	Малкс Эмарс Кришевич	1932
Магрица (Магреца) Юдите Оттовна	1929	Малникс Юрис Юлийс Янович	1939
Магрицс (Магрецс) Лаймонис Оттович	1926	Малнице Корнелия Яновна	1937
Мазапша Илга Аугусте Кришевна	1928	Малс Лаймонис	1933
Мазапше Робертс Кришевич	1925	Мальшева Наталья Николаевна	1926
Мазуре Валентина Леоновна	1926	Марга Марута Яновна	1939
Мазурс Арвидс Леонович	1931	Марга Янис Янович	1937
Майниесе Расма Альбертовна	1940	Марон Дебора Овсеевна	1926
Майофис Белла Геноховна	1928	Марон Леа Хаймовна	1934
Майофис Бенцель (Борис) Хононович	1925	Марон Лия Мейлаховна	1941
Майофис Исай Генохович	1927	Марон Мирьям Овсеевна	1928
Майофис Пера (Вера) Хононовна	1933	Марполь Галина Карловна	1925
Макарскис Илмарс Александрович	1929	Мартинсон Цивья Шолемовна	1931
Макарухо Александр Павлович	1938	Мартинсоне Вита Арвидовна	1934
Макарухо Павел Павлович	1934	Мартинсоне Лилия Юльевна	1925
Маклере Валентина Валя Антоновна	1939	Мартинсоне Элза Эрнестовна	1926
Маклерис Антонс Антонович	1938	Мартинсоне Зайга Арвидовна	1935
Макня Станиславс Антонович	1935	Мартинсонс Теодорс Гунтис Мартинович	1932
Макня Янис Антонович	1939	Мартинсонс Янис Арвидович	1939
Максимов Антонина Дмитриевна	1925	Мартинсонс Зигфридс Юльевич	1928
Максимов Борис Дмитриевич	1937	Мартинсонс Тобиас Шолемович	1932
Максимов Валентин Дмитриевич	1930	Мартишунс Оярс Александрович	1928
Максимова Таисия Дмитриевна	1932	Мартишунс Освалдс Александрович	1930
Макстениекс Индулис Янович	1935	Мартуканс Янис Янович	1932
Макстениесе Ария Яновна	1938	Мартынова Зента Петеровна	1926
Макстениесе Гуна Яновна	1931	Мартынова Ирена Петеровна	1931
Малашевица Велта Григорьевна	1939	Мартыновс Гунарс Юльевич	1929
Малашевицс Оярс Григорьевич	1941	Мартыновс Зигфридс Петерович	1934
Малиновская Валентина Григорьевна	1932	Мартыновс Имантс Юльевич	1932
Малиновский Евгений Григорьевич	1935	Марцилёнока Ирена Иосифовна	1933

Марцилёнок Владимир Иосифович	1938	Межаевс Петерис Казимирович	1940
Марцинкевич Майя Брониславовна	1938	Межанце Ария Андреевна	1933
Марцинкевич Тамара Александровна	1925	Межанцис Янис Андреевич	1929
Марцинкевич Ядвига Брониславовна	1939	Межанцис Робертс Андреевич	1926
Марчук Евгений Онуфриевич	1940	Межинскис Константинс Константинович	1927
Маскис Гунта Рудольфовна	1931	Межсета Петерис Петерович	1938
Маслова-Беринг Ия Ростиславовна, род. в ссылке	1942	Межсета Валда Петеровна	1935
Масловский Казимир Станиславович	1928	Мейере Гунта Альбертовна	1935
Масловский Константин Станиславович	1930	Мейере Бенита Эвалдовна	1931
Матере Зента Анджевна	1926	Мейерс Олафс Альбертович	1933
Матере Илга Анджевна	1929	Мейерс Эдвинс Альбертович	1926
Матерс Янис Арнис Анджевич	1939	Мейерсон Нора Александровна	1927
Матерс Юрис Анджевич	1934	Мейкуса Рита Арнольдовна	1927
Матиса Дзидра Мария Александровна	1938	Мейкусс Элмарс Арнольдович	1928
Матиса Силвия Пауловна	1940	Мейнертс Викторс Эрикс Карлович	1933
Матисоне Илга Скайдрите Адольфовна	1939	Мейре Валентина Адамовна	1935
Матисонс Зигурдс Алфредс Лаймонис Карлович	1927	Мейреновс Элмарс Волдемарович	1929
Матюшенок (Матюшенко) Анатолий Григорьевич	1926	Мейрис Алфонс Адамович, род. в ссылке	1942
Матюшенок (Матюшенко) Павел Григорьевич	1929	Мейстере Айна Аустра Яновна	1928
Маус Эдуардс Давидович	1936	Мейстерс Андрис Янович	1932
Махтус Эмануилс Эдгарович	1939	Мейстерс Вилис Янович	1935
Мачиньш Дзинтарс Карлович	1939	Мейя Армилс Ансисович	1925
Мачиня Эдите Андреевна	1932	Мейя Имантс Ансисович	1926
Меденис Викторс Викторович	1926	Мекшс Хенрихс Янович	1925
Меджуле Майга Карловна	1936	Мелбарде Рудите Яновна	1939
Медикс Эдвардс Мечиславович	1938	Мелбарде Винета Яновна	1934
Мединя Бригита Яновна	1928	Мелбардис Андрис Янович	1938
Медне Ливия Яновна	1926	Мелбардис Илмарс Эдуардович	1927
Медне Алдона Рудольфовна	1932	Мелдере Лида Бирута Фрицевна	1929
Медне Велта Яновна	1937	Мелдере Дзидра Ирма Фрицевна	1934
Медне Зайга Яновна	1933	Мелдерис Янис Фрицевич	1940
Медне Инта Рудольфовна	1935	Мелдерис Вилнис Янович	1930
Медне Майя Карловна	1941	Мелдерис Гунарс Янович	1926
Медне Олита Петеровна	1932	Мелналксне Валлия Яновна	1926
Меднис Эдвинс Рудольфович	1927	Мелнбарде Гундега Яновна	1939
Меднис Арвидс Волдемарович	1929	Мелнбарде Солвейга Яновна	1936
Меднис Оярс Майгонис Петерович	1929	Мельникова Анна Федоровна	1927
Меднис Янис Янович	1939	Меньгельсоне Эрика Александровна	1927
Межаева Ирена Казимировна	1936	Мерцалова Екатерина Михайловна	1935
Межаева Хелена Казимировна	1934	Мигла Андрейс Лудвигович	1940
Межаевс Гунарс Казимирович	1933	Мигла Майга Лудвиговна	1928
		Мигла Эдгарс Лудвигович	1932
		Мигла Юрис Лудвигович	1937

Миглане Ольга Станиславовна	1926	Мицканс Викторс Амброзиевич	1926
Миезе Вера Анна Яновна	1936	Мицкевича Бирута Антоновна	1939
Миезе Мирдза Яновна	1938	Мицкевича Расма Антоновна	1936
Миезе Рута Эрика Яновна	1940	Мицкевичс Валентинс Антонович	1926
Миезис Валдис Эдуардович	1929	Мицкевичс Витолдс Антонович	1928
Миезите Аустра Арнольдовна	1939	Мишке Вернерс Янович	1929
Миезите Эрна Аугустовна	1927	Мишке Расма Николаевна	1939
Миезитис Зигфридс Арнольдovich	1930	Мишке Таливалдис Арнолдс Николаевич	1925
Мислейка Инта Вернеровна	1928	Мишке Янис Николаевич	1928
Мислейка Визма Вернеровна	1932	Мишке Марис Николаевич	1936
Микелштейнс Эрнестс Николаевич	1925	Молчанова Ирина Николаевна	1935
Микельсоне Зигрида Робертовна	1932	Мордхелевич Буня Шнсеровна	1935
Микельсоне Лилита Яновна	1932	Мордхелевич Кармела Шнсеровна	1938
Микельсоне Скайдрите Робертовна	1934	Музис Янис Янович	1935
Микельсонс Феликс, род. в ссылке	1944	Муйжниесе Евгения Эдуардовна	1932
Миките Дагна Артуровна	1927	Муйжулис Алфредс Карлович	1927
Микъянис Ария Эдуардовна	1929	Мукане Марите Альфонсовна	1940
Микъянис Эдгарс Эдуардович	1928	Мукане Регина Альфонсовна	1939
Милберга Бирута Готфридовна	1934	Мунча Ария Донатовна	1939
Милберга Илма Оттовна	1936	Мунча Ингрида Донатовна	1935
Милберга Янина Готфридовна	1936	Мурина Ита Лейзеровна	1930
Милграве Айна Жановна	1929	Мурманис Зигфридс Янович	1926
Миллере Зинта Альбертовна	1940	Мурниекс Алфредс Андреевич	1930
Миллерс Александрс Александрович	1925	Мурниесе Бирута Рудольфовна	1927
Миллерс Андрис Альбертович	1939	Мусиньш Янис Кришьянисович	1936
Миллерс Карлис Карлович	1938	Мусиня Айна Карловна	1933
Миллерс Рихардс Николаевич	1932	Мусиня Мара Карловна	1939
Миллерс Янис Карлович	1939	Мускаре Янина Фердинандовна	1933
Милтс Вилнис Рудольфович	1932	Мускарс Константинс Фердинандович	1925
Минкевича Инара Петеровна	1939	Мускарс Фердинандс Фердинандович	1934
Минкевичс Леополдс Петерович	1941	Мустава Эдите Вильгельмовна	1928
Минкевичс Петерис Петерович	1937	Муханберга Валентина Николаевна	1930
Минтузе Терезе Валтеровна	1938	Муханберга Мария Николаевна	1931
Мирама Бригита Сильвиевна	1936	Муханбергс Эвалдс Николаевич	1939
Мириченко Михаил Дмитриевич	1939	Муцениекс Юрис Давидович	1929
Миронович Менуха Рувелевна	1927	Муцениекс Улдис Янович	1939
Миронович Юрис Рувелевич	1934	Муцениекс Янис Артурович	1936
Митенбергс Айварс Матисс Янович	1939	Муцениесе Вия Карловна	1927
Митенбергс Янис Андреис Янович	1938	Муцениесе Иева Давидовна	1927
Митревица Балва Арвидовна	1926	Муцениесе Ольга Васильевна	1929
Михелсоне Моника Михайловна	1934	Муша Вия Астрида Фрицевна	1936
Мицкане Вера Амброзиевна	1928	Мушке Вия Юлиусовна	1927
Мицкане Валерия Амброзиевна	1930	Мушке Инта Юлиусовна	1928

ИЛГА АУГУСТЕ МАЗАПША (РЕЙМАТЕ)

родилась в 1928 году

Папа ушел за лошадьми, мы его ждали, нас на улице не выпускали. Среди пришедших был знакомый из Валдемарпилса, но он ничего не говорил, сказал только, что переселяют нас в другое место. Спросил, где папа, побежал за ним, и вернулись они вдвоем. Политрук вместе с братом стал складывать вещи в мешки. Мама сказала, что столько вещей не надо, но он возразил: надо, так как жить придется...

Привезли в Валдемарпилс, там уже был городской голова Лейниекс и помощник отца из айзсаргов. Взяли и бедного еврея. Сидели и ждали, когда отвезут в Стенде. Мамина сестра, жившая недалеко, принесла вещи. Мама снова сказала – не надо, но стоявший у дверей человек в черном сказал – чем больше, тем лучше. Вечером отвезли в Стенде, где стояли вагоны. Отца увели, нас троих посадили в другой вагон. Дальше поехали на следующее утро, никто ничего нам не говорил, была охрана.

Поезд остановился в лесу, выпустили только детей. Потом остановились на какой-то станции, рядом на путях стояли вагоны, на окнах решетки, в них были эстонцы. Через неделю остановились, мимо ехали военные эшелоны, узнали, что началась война. Надо было перевести часы, привезли нас в Красноярск. На машинах подвезли к огромным баракам, потом плыли на барже по Енисею на север, думали, попадем к белым медведям. На берегу что-то делали люди в черном на голове. У кого-то оказался бинокль, сказали, что это люди в сетках от пчел. Потом мы узнали, что так защищаются от мошки.

В Галанино нас высадили. Мошки там были тучи, думали, нас сгрызут... Костер разводять запретили. На следующий день приехали за нами на лошадях и повезли в колхозы. Было все равно, куда везут, лишь бы можно было помыться...

Привезли в колхоз «Победа», в село Матвеевка. Рядом контора, колхоз богатый, миллионер. Расселили нас, пришел начальник высокого роста, мама владела русским языком, говорили по-русски. Два дня дали на обустройство, потом надо было выходить на работу. Дали косы. Горожанам было непросто. Мошка заедала. Дали нам сетки, но штанов длинных не было. Женщины в шелковых чулках, в туфлях на каблучках... У кого-то вообще ничего не было. Мы как-то обходились, с собой были и продукты.

В колхозе давали хлеб, огурцы. Прошло лето, работа закончилась, наступила зима. У кого было что продавать, ходили в соседние деревни. Надевать было нечего, обморозили ноги. Брат сказал: «Мы погибнем. Надо идти в Казачинск, в МВД, пусть расстреляют, другого выхода нет». Там рассердились, сказали, что можем уходить в совхоз МВД. Ребята испугались, что их могут забрать. В колхозе ничего нельзя было заработать, все отправляли на войну, есть было нечего.

В феврале брат и еще один парень ушли в Казачинск за 40 километров, потом еще за 60, в совхоз. Мы отдали ему последний хлеб, и они ушли...

Директором совхоза был латыш, но страшный человек. Брат рассказал, что голодаем, работы нет. Приняли на работу, дали транспорт, чтобы привести семью. А мы в колхозе ждали – что дальше? Вечером приехал брат, быстро собирайтесь, едем в совхоз. Конюхом был латышский парень Эдмундс, он сказал, что там будет лучше. Мы были счастли-

вы, так как латыши жили там уже лет пятнадцать.

Выделили нам комнатку с плитой и дрова. В обед давали суп, какой-никакой, а все же суп, был и хлеб. Директор выписал 50 килограммов картофе-

*Мошка заедала.
Дали нам сетки, но
штанов длинных
не было. Женщины
в шелковых чулках,
в туфлях на
каблучках...*

ля. Мама работала в погребе – перебирала картошку, что-то зарабатывала, получала и суп.

В ту зиму в колхозе умерло двое ребятишек. И в совхозе умерли госпожа Крастиня и госпожа Грина.

Весной мне исполнилось 15 лет, и я стала доить коров. Мама работала в полевой бригаде, можно было уже заработать. Посадили картошку. Дали и семена – посадили морковь, капусту. Война закончилась, появилась надежда попасть домой. В 1946 году собирали детей для отправки домой. Три месяца не было хлеба, мама нажарила картошки, дала с собой. Бригадир, татарка, сказала, чтобы я уезжала. Я рискнула и уехала, хотя начальник меня не отпускал. В Красноярске оказалась в школе для глухонемых. Много нас было, ждали вагон. Принесли в вагон хлеб. Это был ноябрь. Страшно было. Контроля не было, выехали 6 ноября. Когда вагон тронулся, дыхание стеснило от счастья! Приехали в Москву, ждали несколько дней, чтобы попасть на нужный путь на Рижском вокзале. До Риги ехали несколько дней.

В детском доме на улице Кулдигас, 45 было замечательно... Оттуда меня забрала тетя. Это была Божья благодать...

В Талсинской милиции я должна была получить паспорт. Я вернулась, а мама осталась там, но рвалась домой. Приехала она в 1948 году, без документов. Пожить в Латвии ей довелось недолго, она должна была ехать в чека и по дороге завернула к сестре в Майори. Сестра ее никуда не отпустила, оставила у себя. Так мама осталась. Потом маму отвезли к леснику. За ней приходили дважды, я сказала, что не знаю, где она. Когда началась реабилитация, все стали возвращаться. В Майори двое мужчин перелезли через забор и стали колотить в дверь. Мама впустила их – вы живете здесь без документов? Ее стали допрашивать. Мама сказала, что не чувствует за собой никакой вины, она не должна жить в Сибири. Ей велели ехать в Ригу. Она оставила сестре записку и поехала...

В чека ее допрашивали, потом отправили к дочери, домой. Оформили документы об освобождении. Мама ничего не поняла – что же дальше? Проводили ее на вокзал, купили билет до Майори. Вернулась мама в 1957 году. Когда я приехала домой в Талси, извещение о смерти отца уже было. Умер он 22 ноября 1942 года в Кирове, в Вятлаге.

Илга в Сибири

РОБЕРТС МАЗАПШЕ

родился в 1925 году

Родился я в Валдемарпилсе. Жил там до высылки, окончил основную школу, поступил в Талсинскую гимназию, но поучиться не успел – выслали. В воскресенье я должен был причаститься, но в субботу всю семью вывезли. Сначала мы не поняли, что происходит. Из Валдемарпилса нас было три семьи. С собой почти ничего не взяли, мамина сестра принесла вещи, которые нас выручили в первый год, на них мы выжили. Торговали, меняли.

А как вас арестовали? Вошли два солдата и двое в штатском. Я еще спал. Зачитали документ, согласно которому нас переводили в другое место, за 15 минут приказали собраться, сказали – все, что останется дома, позже вышлют родственники. В Валдемарпилсе у нас был свой дом, хозяйство. В границах города отцу принадлежало 25 гектаров земли, отец сдавал ее в аренду. Когда нас увезли, арендатор остался в нашем доме.

Привезли в Стенде, там уже ждали вагоны. Молод я тогда был, мало что понимал. Постояли, потом поехали в Тукумс, где к составу прицепили еще несколько вагонов. Оттуда повезли в Елгаву. Женщины заметили, что мужчин уводят в другие вагоны. Мужские вагоны отцепили, а мы поехали.

Выслали всю семью – отца, мать, меня и сестру. Отца с самого начала посадили в другой вагон, и больше я его не видел.

В чемодан мама положила кое-что из приготовленного для стола после причастия. На пути в Сибирь голода не ощущали, что-то давали и в дороге. До Урала из вагона не выпускали, а когда горы перевалили, открыли двери и выпустили «по своим делам». Помню, что на станциях давали горячую воду, но ходить за ней надо было под конвоем.

Привезли в Красноярск. Часть людей отправили дальше. Нас высадили под открытым небом, внезапно начался ливень, все промокли. На три дня разместили в бараках. Сказали, что дальше повезут по воде. Мне, мальчишке, в Красноярске было интересно – летали самолеты, так как там находилось авиационное училище, бродили мы и по горам. На пароходе привезли нас в Галанино, где пробыли с неделю, а потом приехали председатели колхозов за рабсилой. Семьи, где не было детей, оказались в лучшем положении – их быстро пристроили к делу.

Мы оказались в селе Матвеевка. Работали, а вечером получали кусочек хлеба. Мама меняла взятые с собой вещи. Она хорошо говорила по-русски, познакомилась с председателем колхоза и его женой.

Помню, мамина сестра принесла нам в вагон отцовскую форму айзсарга. Она понравилась нашему председателю. Мама спорила нашивки, и председатель колхоза отправлялся на партийные собрания верхом на лошади в отцовской форме айзсарга. Мне за это достались валенки, там, считай, огромное богатство.

Мы с мамой ходили косить, потом убирали колхозную картошку. Помню, как кусалась мошка, картошку копали самодельными орудиями производства – не было ни лошадей, ни плугов, ни вил. Председатель колхоза рассказал маме, что в 40 километрах находится совхоз «Дудовка», у них там есть нормы выработки и за работу дают хлеб. И вот мы, было нас двое, отправились искать этот совхоз.

Мама дала нам с собой буханку хлеба. Нашли Дудовку, директором там был латыш, но по-латышски не говорил, боялся. Обещал принять

Выслали всю семью – отца, мать меня и сестру. Отца с самого начала посадили в другой вагон, и больше я его не видел.

на работу троих, но нужно было разрешение из района, что мы можем переехать. И отправились мы за 60 километров в район. Дело было зимой, дорога непростая. В районе не поняли, почему мы хотим перебраться в совхоз. Мы объяснили – там кормят. Разрешение, слава Богу, получили, можно было переезжать. Председатель колхоза даже лошадь дал.

В Дудовке жить стало лучше – была хлебная норма, суп, обед. Мама работала скотницей, иногда приносила домой молока. Условия жизни с колхозными сравнить было нельзя. Мама познакомилась с учительницей, муж которой работал шофером, и он брал меня в поездки напарником. Развозили свиней, любой скот, выполняли и другую работу.

В 1943 году его взяли в армию, я остался за него. Так и проработал 60 лет шофером. Учиться больше не пришлось, окончил только шоферские курсы. Когда я начал работать, мы уже больше не голодали. Работал я не в Дудовке, а на строительстве, посылали часто в командировку в Красноярск.

В 1947 году из Латвии приехала госпожа Лусе, собирала детей, у которых умерли родители. Я рассказал об этом экспедитору. Он говорит – так чего же ты ждешь? И я стал думать о возвращении домой.

Вот так я и приехал в 1947 году. Экспедитор оказался душевным человеком – подтолкнул меня на отъезд и сказал, что об исчезновении шофера (т.е. меня) сообщит только через неделю, когда я буду уже дома.

Сестра в Латвию приехала с детьми, которых везла Лусе, а я ехал один. Тогда же госпожа Лусе привезла домой и Гунтиса Улманиса. Но это так, между прочим. Позже я узнал, что эта женщина была арестована, потому что везла в Латвию всех.

Мой друг экспедитор купил мне билет и отдал свою армейскую форму, и я стал похож на демобилизованного солдата, только вот документов у меня не было, но не было и контроля. В вагоне я познакомился с офицером из чека, и он меня посадил на рижский поезд. Так я счастливо добрался до дома, так меня никто и не проверил.

Роберт в Сибири

В Латвии в Валдемарпилсе работал шофером в пожарном депо. Всю свою жизнь крутил баранку. Позже перебрался в Талси, к дяде – не нравилось, что всюду посылают меня, мотивируя тем, что у меня нет семьи, т.е. если мной будут тушить пожар, плакать обо мне будет некому. Надоело это мне. Работал и в отопительной конторе.

В 1950 году меня второй раз отправили в Сибирь. Иду по улице, навстречу знакомый милиционер, сказал, чтобы я следовал за ним. У него был приказ меня арестовать, но почему именно меня, он объяснить не мог.

Привел в участок, начальник говорит, что приехал я в Латвию незаконно. Три года я прожил без документов. Допросили, сказали, что придется мне возвращаться. Мама вернулась в Латвию сразу же после меня и ее тут же хотели отправить обратно. Мама жила в Талси, где ее сестра заведовала аптекой. У нее было много знакомых врачей, и маму поместили в больницу, написали, что у нее якобы рак. В больнице мама пробыла около года и параллельно работала санитаркой.

Потом я отвез маму к другой сестре, в Майори, оттуда к знакомым в Калнциемс. Так мама неофициально прожила в Латвии семь лет. А меня отправили в Сибирь. Побывал я в тюрьмах Риги, Новосибирска, Свердловска вместе с уголовными преступниками. Было мне в то время 25 лет. Сестру второй раз не выслали – она вышла замуж и жила в Валдемарпилсе.

Вторая высылка была как тюрьма. Изредка давали еду. В тюремной камере встретился с такими же заключенными, как и я. Отвезли нас в Енисейск, потом в деревню Маклаково. Принял меня и зарегистрировал новый комендант и сразу же спросил, не играю ли я в футбол. Ну, а кто не играет в футбол! Так что я на второй же день вышел на поле. В команде не хватало игроков. Русские были неплохие футболисты, но одна беда – стоило показать им бутылку, как все уходило с поля. Так что команда наша распалась.

Пошел работать шофером. Возил большого начальника, сначала на «бобике», потом на «Волге». Получил паспорт, но жене паспорта не дали, так как ее отец был начальником полиции в Салдусе. Паспорт жена получила позже, когда вышел указ, что жен «вольных» ссыльных тоже следует освобождать. Вернулись в Латвию, правда, вначале приехал я один. Посчитал так – найду работу и жилье, вернемся. Почти пять лет жили и работали в Ли-

Сибирь

гатне, потом переехали в Тукумс, где жил друг из Сибири. У него был в Тукумсе дом и хозяйственное строение, он предложил мне его отремонтировать и переехать жить. Так мы и сделали, и я 30 лет проработал в Тукумсе шофером автобуса.

С женой познакомился в Маклакове. Было нас там двое парней латышей, и прошел слух, что привезли ссыльных латышей. Взяли мы бутылку и пошли знакомиться. Будущий тесть совсем не был похож на начальника полиции. Он показывал нам свой альбом с фотографиями, и там я увидел маминих сестер из Латгалии.

Так получилось, что вначале я познакомился со своим будущим тестем, а потом с женой – когда мы пришли, ее не было дома, так что вначале я увидел ее на фотографии. Потом мы поженились. Но вскоре после нашего возвращения в Латвию жена умерла.

С Илгой мы встретились в 1947 году, но меня выслали, и отношения наши прервались. Когда я вернулся в Латвию, умерла моя жена, случилось так, что и Илга овдовела, и так мы снова оказались вместе.

Отец умер в Вятлаге в 1941 году. Когда точно, сказать не могу. Мы только получили извещение о его смерти.

После смерти Сталина маме удалось получить паспорт, но жить в Риге и в Юрмале она не имела права. И она уехала в Валдемарпилс.

Друг уговорил остаться в Лигатне, конечно, и здесь было неплохо. Не жалею, что остался.

ЭЛМАРС МАЛКС

родился в 1930 году

Я родился на хуторе «Малки» Каздангской волости. В семье было нас трое братьев. Отец построил кирпичный дом, хозяйство было новое. Младший брат Айварс родился в 1938 году.

В 1940 году из дома нас выкинули, и поселились мы у сестры отца, километрах в трех от нашего дома. Отец был волостным старостой. Вдоль дома шла грунтовка, метрах в 300 от дома остановилась машина, вошли пятеро, спросили, есть ли оружие. Один был в форме НКВД. Подошли к комоду, ножницами вскрыли, стали рыться. Были милиционеры и штатские, это были русские. Потом приказали собрать вещи.

14 июня 1941 года около 10 утра нас посадили в грузовик, который принадлежал одному из крестьян волости. Привезли на станцию Каалвене, посадили с телячий вагон, с вещами. На окнах были решетки. Отца забрали и увели.

Поездку до Великих Лук не помню. Там остановились в первый раз, принесли пару ведер пшенной каши, воду, соленый формовой хлеб. Там мы узнали, что началась война. Ехали через Свердловск, Омск, Томск и Новосибирск до Красноярска.

На станции Клюквенная высадили, в полоторках везли по гористой местности, высадили возле лесопилки, поселили в бараках. Там уже жили латыши. Мать отправили грузить доски, зимой она пилила чурки. Мороз был около 40 градусов.

Летом 1942 года нас снова собрали, отвезли в Клюквенную, оттуда в Красноярск. Набралось много латышей, посадили на пароход и повезли по Енисею, до впадения в него Подкаменной Тунгуски. Жили там пару лет. В поселок прилетали гидропланы. Занимались

рыбным промыслом, вокруг только тайга. Жили там сосланные еще в царские времена.

Потом повезли нас в совхоз имени Молокова, жили в небольшой рубленой избе, потом в землянке. Мама работала в поле. Так и швыряло нас с места на место, продукты были по карточкам, рабочие получали 400 граммов хлеба, спички, соль. Обходились, как могли, – мама меняла одежду, летом с братом на лошадях тянули лодки вдоль берега, во время косябы ездили верхом.

Жили там и поволжские немцы, потом привезли калмыков.

В школу в 1-й класс пошел в Подкаменной Тунгуске. Вначале знали всего пару русских слов, но язык освоили быстро. Окончили два или три класса. Зимой продолжали учиться в совхозе. Летом пасли с братом личных коров, за это нам давали литр молока в день. Мама трудилась на разных работах – возила сено, корм для свиней, трудно припомнить в хронологическом порядке.

В конце марта появился наст, бурундуки стали вылезать из своих норок, мы их подманивали свистом, – местные научили из гильз делать свистульки, – зверьки вылезали и мы их ловили петлями из конского волоса. Шкурки можно было сдавать, мясо шло на суп. Собирали всякие корешки, варили. Собирали колосья, сушили, мололи в самодельной мельничке. Весной ели луковицы лилий, летом собирали грибы. Весной ели черемшу, из хвоща суп варили. В совхозе платили, но на деньги ничего нельзя было купить.

Летом ловили в Енисее рыбу на самодельные крючки. Хуже всего с едой было зимой, был только хлеб, ходили по поселку и попрошайничали. Видел я и медведя, когда поехал

Многие умерли от холода и голода. У нас дров хватало, рядом тайга. Пережили 60-градусный мороз, видели красное северное сияние.

с рыбаками грести. Там ел тройную уху. Утром на берег вышел медведь, а он трусливый – начали мы бить ложками по котелку, он и убежал обратно в лес.

Была там горная речка – лосось нерестился. Однажды поехали за реку за кедровыми орешками, топорами рубили вершины. Когда возвращались домой, поднялся ветер, и мы, чтобы не грести, укрепили вместо парусов березку. Посреди реки лодка стала зачерпывать воду, березку срубили и на веслах добрались до дома. Река в том месте шириной два километра, всякое могло случиться, хотя плавать мы умели.

Узнали, что кончилась война, сказал нам об этом старый учитель. Баржами везли немецких солдат в Норильск, на угольные шахты. Под охраной, вооруженной. А у нас никаких перемен не наблюдалось. Латыши хотели уехать домой. Все время об этом говорили.

Многие умерли от холода и голода. У нас дров хватало, рядом тайга. Пережили 60-градусный мороз, видели красное северное сияние.

Познакомились с детьми брата Карлиса Улманиса, год жили вместе с Гунарсом и Майгой. Вместе с ними и домой поехали. Мама их умерла, и они попали в детский дом. Мы поехали домой в 1947 году, узнали, что детей везут домой. Мама оформила разрешение, пароход остановился, добираться до него надо было на лодке.

Мама осталась, вернулась в Латвию только в 1956 году. Папины сестры прислали нам денег на дорогу, на пароходе ехали бесплатно, спали на куче угля. С собой у нас был один литр медвежьего жира, он жидкий, как растительное масло, а вкус как у кедровых орехов. Ели картошку, поливали растительным маслом.

В Красноярске долго стояли в очереди за билетами. Достали один билет, а едем-то вдвоем.

Слева: отец Кришис, брат Таливалдис, мать Эмилия, Элмарс и бабушка Элизе. Латвия

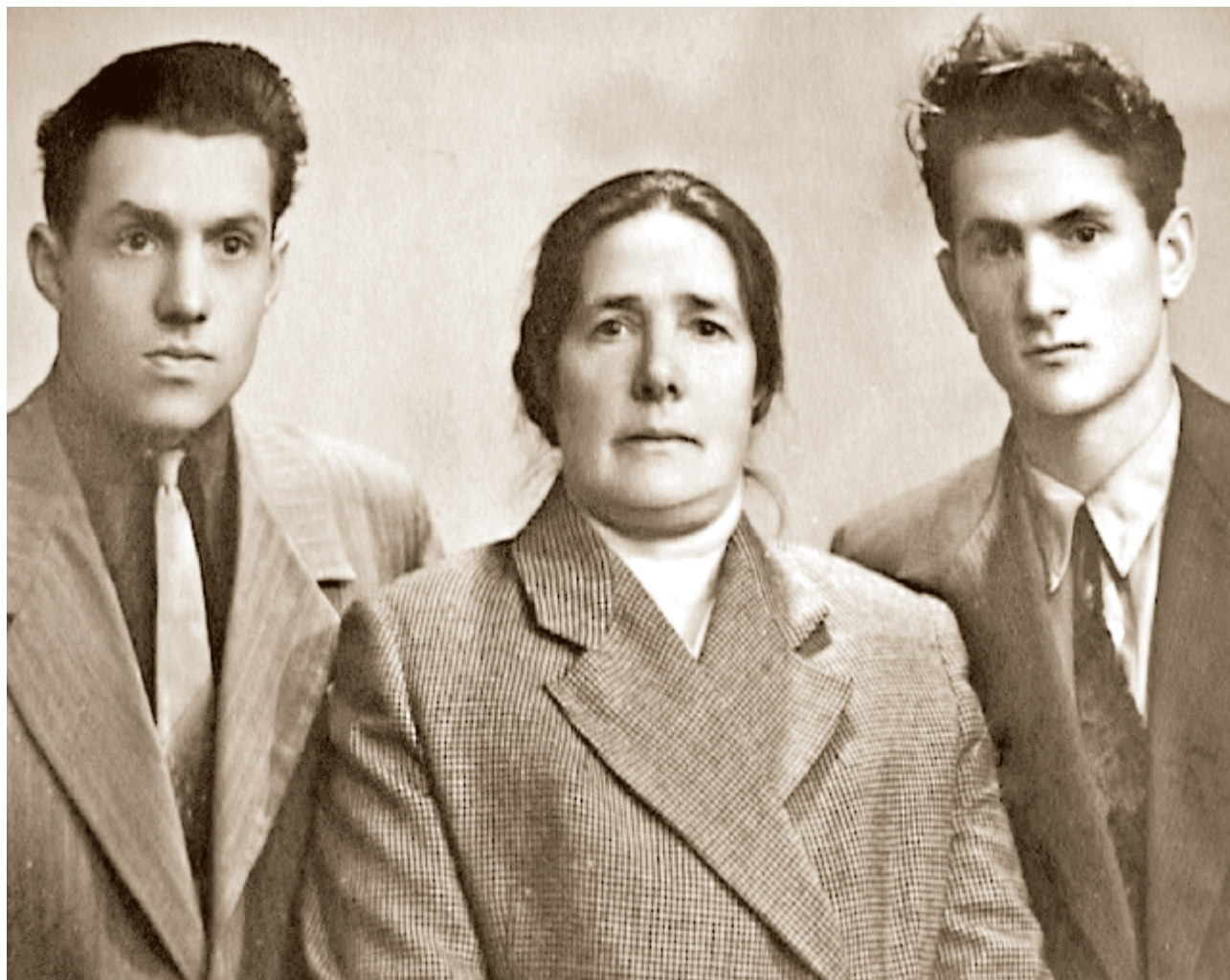
Я был маленького роста, спрятался, так и доехали до Москвы. В вагоне были драки, людей выкидывали, когда приходил контроль, мы ехали на второй полке, меня за братом видно не было. Видели разобранные рельсы, сожженные деревни, картина в России предстала мрачная.

Вышли в Риге, оттуда в Рудбаржи и пешком в отцовский дом. Спросили тетю, нам сказали, что она там больше не живет. Пошли к папиному брату. Пожили там немного, потом жили у тети, у папиной сестры. Пошли в школу, хотя школа уже началась. С латышским языком было трудно. Там окончили 5-й класс, здесь пошли в 6-й. По-латышски разговаривали нормально, труднее было с письмом. Учились еще в Казданге, потом год в Лиепайском техникуме, потом его ликвидировали, так как учащихся аре-

стовали. Год проучился в вечерней школе. Техникум через год открыли, и мы с братом окончили его одновременно. А в промежутке еще и в армии побывали.

Сибирь вспоминаю часто – больше природу, чем взаимоотношения людей. Вспоминаю старых рыбаков. Самое горькое, что не попали мы в отцовский дом, там устроили МТС. Отцовский дом вернули в 90-е годы, но старые уже мы, чтобы дом содержать и землю обрабатывать. Дом сдаем, чтобы содержать в порядке.

Об отце никто ничего не знает. В Каздангу вернулся мужчина, который рассказывал, что отец умер в Кирове в 1942 году. Мама писала в Россию, спрашивала о судьбе отца, ответили, что умер в 1942 году, вот и все.

Слева: Элмарс, мать Эмилия, Таливалдис. Сибирь

ТАЛИВАЛДИС МАЛКС

родился в 1931 году

Я, Таливалдис Малкс, родился в 1931 году на хуторе «Малки» Каздангской волости. Наступил 1940 год. Помню, что в 1941 году отца вместе с нами, с семьей, выгнали из дома. С собой взять ничего не разрешили.

Папины сестры купили хозяйство у репатрировавшихся балтийских немцев. До 14 июня 1941 года мы там и жили. Пришли военные и местные из волости. Было раннее утро. Посадили нас в машину.

Я был мальчишка. Чья была машина – сельскохозяйственной школы? Не знаю. Мы в ней оказались первыми. Потом поехали в «Юриши». Километрах в двух от Казданги было старое хозяйство, «Приедниеки», там нас напоили молоком.

Оттуда поехали в «Капши», дальше, если не ошибаюсь, на хутор «Рони». Взяли двух сыновей Озолиньшей. Родителей, вероятно, тоже. Оттуда в Калвене. Нас было пятеро – мы трое, отец и мать. Брат Элмарс и младший Айварс. Из «Юриши» забрали Ивара и Яниса Приедниеков. Взрослых не помню. Из «Рони» были, кажется, Озолиньши. В Калвене рассадили по вагонам, отца отдельно. Вагонов было 18. В дороге узнали, что уже вошли немцы.

Давали формовой хлеб, воду. Санитарная система – металлическая труба, кривая, над рельсами. Сами повесили одеяло, чтобы создать «интимное место». Как долго ехали, не помню. До Красноярска, до Уяра. Нас уже ждали скупщики. По темноте повезли на полторке. Привезли в деревню Клопок.

Был там деревообрабатывающий завод, лесопилка, бараки, несколько тракторов. Бараки новые, видно, нас ждали. Это я сейчас так рассуждаю.

Латышских семей было несколько: из Айзпите, Рудбаржи, Рокайжи, из Видземе тоже. Женщины и дети. Прожили там одну зиму. Мама и семья Ансонсов ходили собирать опилки. Пилили шпалы, тесали шпалы. Все работало на газовых генераторах. Жили там и латыши, сосланные еще при царе. Весной 1942 года велели нам собрать вещички, отвезли в Уяр. Высадили на берегу, за ограждением. Неделю там спали.

С ведрами ходили за кашей, за супом. Мимо гнали колонны заключенных. Вели их на пароходы. Настал и наш черед, и на пароходе поплыли мы вниз по течению. Первая остановка была у Подкаменной Тунгуски. Там, где она впадает в Енисей. Это было важное место, здесь садились самолеты. Летом – на понтонах, зимой на лыжах. Зима там была страшная. Продукты только по карточкам. Мама начала работать в Сельпотребсоюзе. На саночках из хлебопекарни возила хлеб, муку в магазин. Мне было 13 лет. Условия жуткие, дом бревенчатый, две комнаты. В одной комнате баня. С собой были сотканые мамой покрывала, их распускали, вязали носки, варежки, продавали летчикам, местным. Платить не особенно хотели, когда узнавали, кто мы. Весной 1943 года закончился ледоход. Чего только не было на льдинах!

Повезли нас на юг, примерно за 300 километров, в деревню Фомка. Считался совхоз имени Молокова. Молоков – знаменитый русский полярный летчик, полярный исследователь. Условия

там оказались лучше. Там уже были немцы с Поволжья, были и еврейки, эвакуированные из Ленинграда. В комнате в бараке было нас трое и немцы. Младший братишка умер еще осенью. Когда он заболел, мама

*Брат умер осенью.
Мама договорилась
везти его к врачу,
была лошадь, но
по дороге он умер.
Похоронили его на
местном кладбище.
Брату было четыре
года.*

Таливалдис с братом

договорилась взять его к врачу, была лошадь, но по дороге он умер. Похоронили его на местном кладбище. Брату было четыре года.

В Томске пошли в основную школу. Оба с братом. Была там и семья Улманисов. Гунарс Улманис, который сейчас в Пикшас, остался, а сестра Майга приехала вместе с нами.

Осенью 1946 года в Красноярск уходил последний пароход «Спартак». Была комиссия, которая собирала и увозила детей в Латвию. Через какое-то время стали собирать средства у родственников в Риге, чтобы можно было вернуться домой.

Мне уже было 16 лет. Пошли с братом пешком в районный центр Ярцево, там мне выдали документ, что мне 16 лет. Парохода ждали чуть не неделю. Спали на берегу. Деньги были. Присланные. Удивительно, что нас не обокрали. У каждого было по 900 рублей. В Ярцево купили медвежьего жира, картошки. Этим питались. Разводили костер, варили картошку...

Как вы решили вернуться? А как ласточки летят домой из Южной Африки? Аист летит домой? Так и я могу ответить. Маму не пустили. Она приехала в 1956 году. Словом, дождалась мы парохода, поплыли в Красноярск. На берегу были заготовлены дрова для паровой топки. А мы на берегу жгли костер, варили картошку.

В Красноярске нашли вокзал. Латышских детей было несколько – Ирена Шкибе, Майга Улмане,

Гунарс Люля из Клостерес. За билетами пришлось стоять несколько дней, ехали с братом с одним билетом. Спали на одной полке. Контроль был либеральный, претензий к нам не было. Поезд назывался «Пятьсот веселых».

В Москве билет уже был у каждого. 26 или 27 октября вышли мы на станции Рудбаржи. Темно. Дождались рассвета. Дядя вел нас через лес. Шли мы в отцовский дом. Но тетюшка там уже не жила. Она нам писала, чтобы письма адресовали в Гриежи, там она теперь и жила. В отцовском доме набросились на валявшиеся на дороге яблоки. Ближайшим домом был дом папиного брата...

Отмахали порядочный кусок. Денег уже не было. Пришли туда, вначале нас не узнали. Пошли к папиной сестре в Гриежи. Учиться пошли в Каздангскую школу. В Лиенае жил мамин брат, и я отправился в Лиенау, в техникум. Когда вернулись в Латвию, были проблемы с диктантом, получали «единицу». Но потом все образовалось.

В 1952 году взяли меня в армию. Вернулся в 1956 году, когда приехала мама. В Сибири мама была занята на полевых работах.

А 1949 год? В школе брат сел за парту с сыном «истребителя». Оттуда дошла до нас информация, что нас не тронут. Пошли домой, попросили у учителя табеля, это был наш единственный документ, тепло оделись и пошли ночевать в кусты. Дошедшей до нас информации нам показалось мало. В марте 49-го дождалась темноты и спрятались у дяди в Риге. Там просидели с неделю. Потом узнали, что и Эрмансонсы прятались. А в ту ночь забрали Эгилса Балтиньша, Майгу Улмане, с которыми мы вместе приехали.

Больше нас не искали. Видно, мы были им неинтересны. В армии меня направили в Крым, в специальный радиотехнический полк, в мастерскую по ремонту радиоаппаратуры. Там я окончил курсы. Считали, что из меня толк выйдет. Латышских парней среди нас было немало. Я стал мастером, получил доступ к секретным документам. И это в то время, когда я считался «неблагонадежным»! Зарубежные радиостанции, документы на локаторы, аппаратура!

Американцы много присылали. Давали схему, и я их ремонтировал. Брат служил зенитчиком в Забайкалье.

В 1949 году он стал ходить в клуб планеристов. И там он пробыл до восстановления Латвией независимости.

ЗИГФРИДС МАРТИНСОНС

родился в 1928 году

Я родился в Даугавпилсе, в Даугавпилсской крепости. Отец был офицером Латвийской армии, служил в 11-м Даугавпилсском полку. Мама родом из помещиков, в царские времена ее деду принадлежало Капиньское имение недалеко от Аглоны. Дед умер во время Первой мировой войны, бабушка имение продала.

После войны большая часть денег пропала, а на оставшиеся бабушка купила дом в Даугавпилсе. В Даугавпилсе познакомились и поженились мои родители. Мама умерла, когда мне было шесть лет. В 1934 году отцовский полк расформировали, он служил в 7-м пехотном полку в Гулбене. Был сторонником Уманиса, в 1935 году ему присвоили звание капитана, направили в 9-й Резекненский пехотный полк в Лудзу. Потом пришла Красная армия, Латвийскую армию расформировали и перевели в Апе. В Лудзе были лучшие в Латвии казармы, и их тут же заняли русские. 15 января по приказу все офицеры были уволены из Латвийской армии. Отец хотел купить в Лудзе дом, работал в Лудзенском отделе финансов.

14 июня 1941 года нас забрали одними из первых, так как отец был известный человек – член школьного, церковного, городского правления. Жили мы на окраине Лудзы. 14 июня в три часа утра явились трое, произвели обыск, искали оружие. Отец все оружие сдал, и у него были удостоверяющие документы. Нам сказали, что нас переселят. Вывезли в 9 часов утра. Никуда ходить не разрешили, ничего трогать не разрешили. Рядом жил прокурор новой власти – Грахольскис. Он увидел, что нам не разрешают ничего брать с собой, зашел и все необходимое увязал в одеяло. Так что с собой у нас оказалось

довольно много вещей. Физического насилия со стороны вывозивших не было.

С отцом нас разлучили. И закончился наш путь на станции Канск, куда съехались со всех колхозов, выбирали тех, кто покрепче. Восемь семей, и мы в том числе, попали в леспромхоз, в 15 километрах от Канска. В Иланский район. Сначала обзывали нас фашистами, потом, когда познакомились поближе, перестали. Четыре семьи разместили в Красном уголке, остальных – или у местных, или в бараках. В Красном уголке мы прожили год. Весной приемная мать купила картошки, посадила, но тут сообщили, что нам предстоит уезжать.

В мае или в июне 1942 года привезли нас на Енисей, продержали в бараке около месяца, случилось и под открытым небом спать. Подошел большой пароход «Орджоникидзе» и повез нас на Среднюю Тунгуску, на Большой порог, или, как его звали в народе, Семиверстный порог, велели сойти. Было нас много, в основном ссыльные. Приказали тянуть баржи, груженные мукой. Было и маленькое суденышко, тянуло, но через пороги тащили их мы сами. И так до Байкита. Байкит – один из районов Эвенкийского национального округа. Тура считается столицей. Район очень большой.

По списку постепенно людей стали расселять. Нас отвезли за 300 километров от Байкита – на речку Усть-Камо. Там лодки тащили мы сами. Еще 200 километров по реке вверх, и вот Камо. На время нас разместили в заброшенной деревне. Очевидно,

из-за частых затоплений из деревни все ушли. Примерно в 11 километрах, на Красной горке, была расположена новая деревня. Поселили нас кого куда – у местных, в клубе, в заброшенных домах. Жили мы там год,

В основном умирали немцы. Я тоже весил немного, а Эрманова весила 120 килограммов, а в ссылке стала весить 40...

Зигфридс в Латвии

Ловили рыбу. Рабочим давали в день 800 граммов хлеба, иждивенцам – 400. Больше ничего не было, но и хлеба хватало. Иногда выдавали крупу. В 120 километрах, в селе, был магазин и эвенкийская база. Через год нас отправили туда на рыбный промысел. Уловы были богатые, ловили, пока озеро не вычерпали. Первое время хорошо было, рыбы много, хлеб давали в зависимости от улова. Можно и поесть, и на черный день отложить.

Осенью рыбы в озере уже не было.

За 1 рубль давали 90 граммов муки (так наз. отоваривание). Плотва стоила 15 копеек за килограмм, щука – 25 копеек. Когда рыба кончилась, начался голод. Пойманную рыбу есть мы не имели права, за это можно было получить тюремный срок – 10 лет. Говорили же, что в России ходят по хлебу, но голодают.

В трех километрах находился погреб с рыбой, когда начался голод, многие латыши ходили туда рыбу воровать. Те, кто наелся, умерли от водянки – рыба была соленая. Нам начальство давало в аванс 400 граммов хлеба, чтобы мы не умерли. Приехал оперуполномоченный Нестеров, орал, что и этого лишит, так как был уверен, что мы отлыниваем от работы. Хлеб давать перестали, и начался голод... Давали 180 граммов муки на человека, люди стали умирать голодной смертью.

Мои дела были не так плохи – я мастерил бочки, получал хлеб, который делил на троих. Приемная мать многое в жизни повидала и знала, как выживать, купила у местных оленью шкуру, почистила

и варила из нее суп. Выживали за счет обмена. Тунгусов интересовали чай и табак, золото там вещь бесполезная.

Когда нас отправляли на север, первое, что я приобрел, было ружье и лодка. Стал охотиться, сдавал беличьи шкурки. В 1941 году набрали ягод, сдали, получили деньги на хлеб. В соседней деревне местных не было, только продавщица из магазина и тунгусы. Когда начался голод, отправился охотиться на птицу. Явился Нестеров и отобрал ружье. Спустя время старый эвенк, который видел, как трудно нам приходится, принес мне специальное ружье и сказал, чтобы домой я его не носил, схоронил в лесу. Помог мне. Весной ситуация поменялась, пришло новое начальство, стали давать по 800 граммов хлеба, чтобы мы привели в порядок сети. Ловили до середины лета, потом люди стали убегать.

Кто-нибудь из ваших знакомых умер? Эрманова из Мадоны и Байдиня, которой когда-то принадлежала аптека. В соседнем селе умерло народу больше, там ели соленую рыбу. В основном умирали немцы. Я тоже весил немного, а Эрманова весила 120 килограммов, а в ссылке стала весить 40...

Перед смертью она попросила хлеба. Когда человек умирал, топором выкалывали яму глубиной 60 сантиметров, выкладывали ее досками. Там ведь земля на два метра промерзала, и сил у нас не было. Засыпали кое-как, сверху мох...

Был случай, когда везли по реке, сопровождали нас первый секретарь района и Толстиков из чека. Сказали, раз мы вас посылаем на лов рыбы и вы там проведете всю жизнь, будете строить рыбный завод...

Женщины в плач, а чекист им: чего, мол кричите, чего плачете? Разве есть на свете что-то вечное? Я остался в первой деревне, мастерил бочки. Сестра и приемная мать отправились в Байкит, у сестры началась цинга. Когда стали отпускать, все разбежались – кто куда. Учета никакого не было, но из района уезжать было нельзя. Деревень в районе было наперечет – одна от другой в 120 километрах. Остался я мастерить бочки, вместе с тунгусами и эвенками ходил охотиться. Они нам помогали. Зимой спали по двое, чтобы теплее было, подружился я с таким Фадеем, держались вместе. Женщины эвенки готовили нам чай. Ночью спать невозможно было из-за насекомых. И вот что интересно – как война кончилась, и нападения насекомых прекратились. А мы и в баню ходили, и одежду прожаривали, но ничего не помогало!

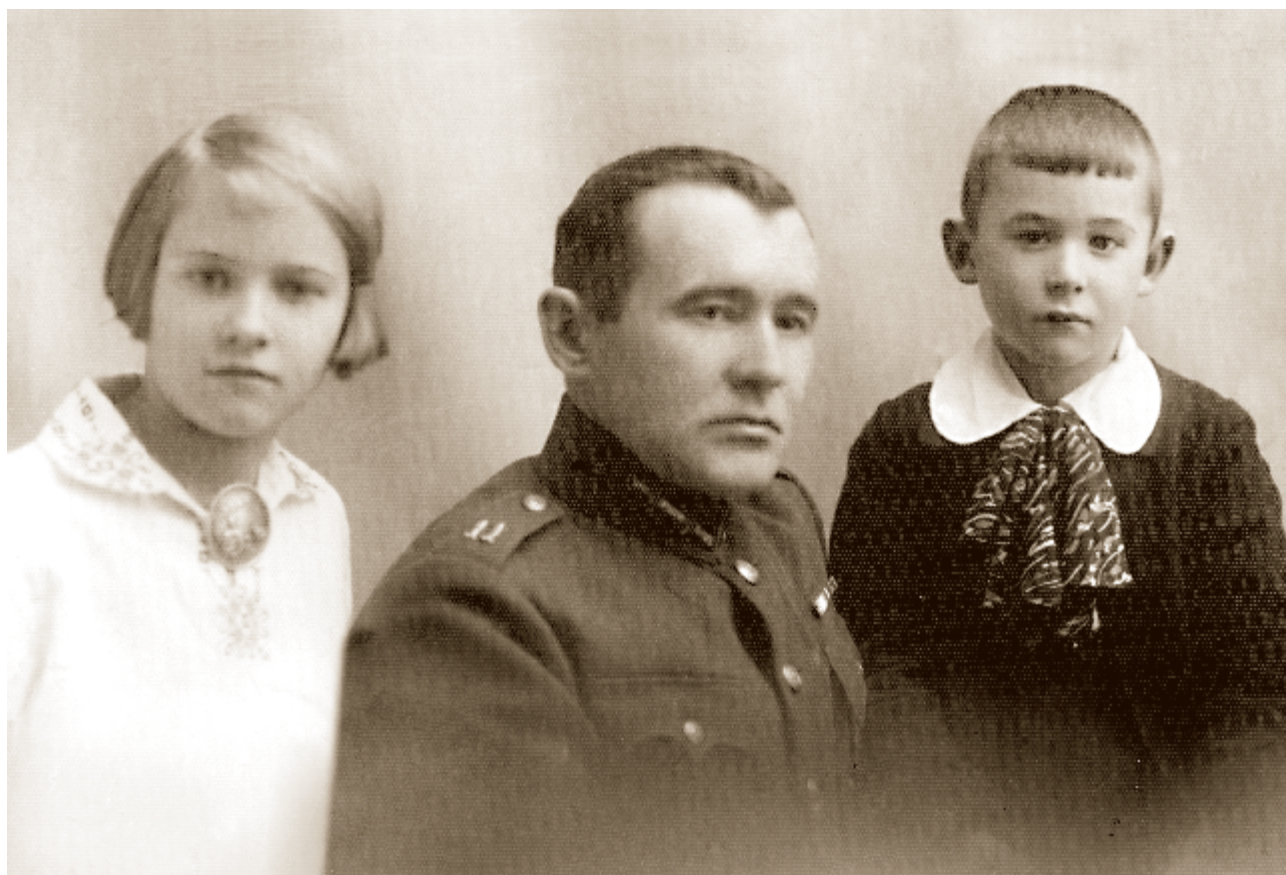
В 1947 году мой год стали призывать в армию. Было нас около 20 ребят. Думал – наконец избавлюсь от мучений, но продержали нас 20 дней и выпустили – не хватало в Сибири мужской рабочей силы. В 1948 году грузил пароходы, зарабатывал. Все домой ехали, мы тоже решились. Паспорт дали, когда призывали в армию, выдали справку, на основании которой и получил я паспорт. А в паспорте написано – не покидать Байkitский район! Пошел к коменданту, говорю, хочу, мол, пересечь в места потеплее. Разрешил, сказал только, чтобы в Красноярске зарегистрировался. Приехали в Красноярск и два с половиной месяца жили на вокзале в ожидании билетов. Все деньги проели, на оставшиеся домой вернуться мог только один человек. Дали деньги сестре – пусть едет.

До 1955 года жил в Долгом Мосте. И стали туда привозить людей из лагерей. Был там и Химлесхоз, и Леспромхоз. В поселке перемешались люди всех национальностей и профессий. Были там профессора, академики, офицеры, начальник военного училища (его семью уничтожили в Норильске), был такой Константин Резник, генеральный директор

Черниговского литейного завода, друг Брежнева, депутат ВС. Была профессор Мария Афанасьева, она ходила по домам, собирала детей, уговаривала их учиться. Я тоже пошел в вечернюю школу, окончил в 1955 году. Больше учиться не пришлось, поддержать некому было. На Севере школа находилась за 500 километров. В нашей семье я единственный остался без образования.

В 1955 году женился, домой поехал в 1956 году. Родственников в Латвии у меня не было, только старый дед и дядя в деревне. Хотела нас тетя прописать в Риге, но для нас с женой не хватило полметра... Не прописали. Год жили в Цесисском районе, к счастью, встретил бывшего одноклассника из Бауски, устроился в мелиорации, он там был начальником.

Сведения об отце получили месяца через два благодаря евреям из Лудзы – Лоце и Фольковой, они по всему Иланскому району разослали письма. Узнали, что отец в Вятлаге осужден на 10 лет, и 19 мая 1943 года умер. Если уж такого крепкого человека за два года можно превратить в инвалида, то сами понимаете, какие жуткие условия там были...

Слева: Дилия, отец Юлий, Зигфридс

ЯНИС МАРТУКАНС

родился в 1932 году

Звать меня Янис Мартуканс. Когда высылали, мне было почти десять лет. Высылали меня 14 июня 1941 года. Мама была айзсаргом, отец – капрал 9-го Резекненского полка, потом был айзсаргом, позже служил в полиции. Он был старший полицейский Баркавской волости.

Происходило все утром. Работал у нас красивый и хороший человек Эдуардс. Он был почти членом семьи, мой хороший друг. 14 июня утром он пришел еще с одним человеком – волостным старостой Екабсонсом, с ним два солдата с винтовками. Азиаты, с узкими глазами. Не помню, что говорил Екабсонс, вроде что отец арестован, надо уезжать. Отец хотел доказать, что ничего дурного не делал. Не помню, сопротивлялся ли он, но Екабсонс сказал Эдуардсу, чтобы тот связал ему руки. Мой лучший друг бросился на отца, пытался связать ему руки. И тут я бросился на него, укусил за руку. Один из солдат ударил меня по спине. Болит и сегодня.

Потом вагон. Товарный, телячий вагон. Для естественных надобностей дыра в полу, сверху ящик. Каждый день давали ведро воды и ведро пшенной каши. В дороге провели три недели. В Канске разместили нас на улице, на школьном дворе. Через три дня на лошадях приехали из колхозов. Мы попали в деревню Шумиху, в колхоз «Имени 1 Мая». Село огромное, около 200 домов, когда-то богатое. Поразила одежда – нищенская. На трактористе фуфайка из ваты, сегодня никто и не знает, что это такое, надета на голое тело. Мужчины все были в армии, это был еще молодой парень.

В дороге видели эшелоны с солдатами, с вооружением, которые шли на фронт. Сталин готов был напасть на

Германию 6 июля, но Гитлер его опередил, так что за две недели погибло три с половиной миллиона русской армии – убитые, раненые, попавшие в плен.

В Шумихе жили год. У кого были с собой вещи из Латвии, меняли их на продукты. Узнали мы, что за рекой Кан есть украинское село, жили там сосланные в 30-е годы украинцы. Приняли нас там просто замечательно. За вещи дали нам муки, картошки. Когда мы уходили, люди нас провожали. Я тащил салазки. Ходили госпожа Вейкшане, Зина, моя мать, я и еще две женщины, мы были из Баркавы. Село аккуратное, чистое, отличалось от других деревень. Следующим летом пришло распоряжение, и всех нас собрали, колхоз рассчитался с нами за год. Дали нам 16 килограммов овса, мы его смолотили, муку мешали с картошкой и пекли лепешки. Нас повезли на Север.

В дороге дети умирали. Овсяная шелуха застревала в горле, горло распухало и дети задыхались. Нас с мамой поместили на пароход «Серго Орджоникидзе» и высадили в поселке Бакланиха. Только представьте – Енисей шириной четыре километра, ни дорог, никакой связи, на берегу 10–12 домов.

В домах печи, железные печки тоже. Сорокаградусный мороз там – нормальное явление. Мама владела русским языком, так как окончила Резекненскую гимназию, назначили ее счетоводом. А так как она была человек аккуратный и честный, перевели ее в Туруханск – туда, где Полярный круг пересекает Енисей. Там я пошел в школу, окончил. Мама работала бухгалтером в каком-то рыбном союзе. В июне 1948 года я попытался оттуда убежать. Первая попытка оказалась неудачной, а второй раз на

Не люблю я проводить параллели, но скажу, что списки депортированных составляли местные, а не те русские, которые сюда приехали

пароходе «Мария Ульянова» – у него сзади колесо, такие в фильмах показывают, – за две недели добрались до Красноярска. Недели две жил на вокзале, познакомился с хулиганами, с бандитами. Вместе с ними добрался до Новосибирска. Ехали на крыше, на буферах. До Москвы добирался примерно месяц.

В Москве сел в настоящий пассажирский поезд, через сутки вышел в Резекне. Станцию разбомбили, вместо вокзала стояла какая-то будка. Отцовский дом находился в Межвиди, там, как мне помнилось, я провел несколько лет. И я решил направиться туда. Дорогу мне показали.

В то время еще стоял памятник «Едины для Латвии». Шел я по дороге, а то, что творилось в душе, не описать никакими словами... Все годы жили мы одной мыслью – как вернуться в Латвию.

В документах значилось, что сосланы мы навечно. И вот я ступаю по земле Латвии. Хотелось целовать каждый кустик, каждое деревце! Захотелось пить, и я зашел в дом возле дороги. Хозяйка только спросила: «Ты, парень, видно издалека...». Ответил, что издалека. Она протянула мне кружку молока. За семь лет я впервые отведал молока.

Днем добрался до хозяйства деда, навстречу мне выбежала собачонка – все та же. Встречать вышла бабушка – мать отца. Говорит: «Ты, видно, маленький Янитис...». В Туруханске мама дала мне с собой мешок сухарей, на дне остались крошки. Видно, увидела...

Побежала со слезами на глазах всем показывать и рассказывать... Между прочим, когда ехал из Москвы в Резекне, стыдился, что нет у меня с собой еды. Заходил в туалет, ел крошки и запивал их

Янис с отцом Янисом и матерью Вероникой в Баркавском имении. Латвия, 1938 год

водой. У бабушки впервые увидел творог и понял, что картошки можно есть, сколько хочется...

Мне хочется сравнить. Не люблю я проводить параллели, но скажу, что списки депортированных составляли местные, а не те русские, которые сюда приехали. Они ведь знали, кто есть кто, значит, помогали. И сейчас у власти люди, фамилии которых фигурируют в документах... Это лицемерие, которое сейчас царит... Считаю, что это ужасающий цинизм. Дважды в год на протяжении тринадцати лет мне рассказывают, что меня депортировали люди, которые ничего не знали, ничего не видели. Сейчас у власти люди, которые осмелились провозгласить циничный закон, из-за которого погибла моя мать. Можно дискутировать о том, что правительство поступило так, как посчитало нужным, но простите... Моя мама сошла с ума и умерла.

Вы сказали, что вернулись, когда вам было 16 лет. Вы можете рассказать, как жили здесь? Ездил по знакомым и родственникам. Только приеду, проживу немного, через неделю начинают интересоваться, кто я такой. Приходилось уезжать. Второй раз меня не выслали. На флоте служил радистом. Магнитофонов не было, был Днепр-3, я тут был самый умный, голова была полна музыки. Понял, что должен научиться играть. За два года овладел контрабасом и от филармонии на Амата, 5 ездили повсюду. Когда поступил работать на «Альфу», я был уже известный музыкант. Там проработал два года. Там быстро узнали, что я не простой музыкант, поддержали, предоставили мне свободу, и я создал ансамбль «Электрон». Музыкальным руководителем был Игорь Яковлев, приняли участие в пяти фильмах. Я там был уважаемый человек. Квартиру ждал девять лет.

Отец Янис

ИРЕНА МАРЦИЛЁНОКА (КРАСОВСКА)

родилась в 1933 году

В 1941 году мы жили в Индре. Пришли они ночью. Мне было около семи лет. Были и хорошие люди, разрешили взять с собой все, что могли унести. У нас была большая плетеная корзина. Отцовские вещи надо было сложить отдельно. Его забрали сразу. У меня был брат, ему еще двух лет не было. И мы поехали. Брату было очень плохо, но Бог спас. Кормили селедкой, пить не давали.

Приехали в Красноярский край. Маму хотели отправить на Север, детей забрать. Не успели. Отвезли нас в колхоз «Комбайн». С нами вместе были родственники из Краславы. В комнате жило нас шесть человек. Окно – словно ледяная гора. Местные уже умирали от голода – приходили просить у нас хлеба. Они и сами страдали. У мамы была полная корзина вещей, в четырех километрах был совхоз, она ходила и меняла их на картошку. Работала мама на зерне, иногда приносила домой горсточку. Сушили, мололи, ели.

Весной было ужасно. Лошади дохли, мы их ели. Потом собирали травы. Посадили картошку, овощи. Следующая зима была уже легче. За работу не платили. Расплачивались только осенью.

В 1945 году разрешили нам – детям – вернуться в Латвию, разрешили и маме. Приехали в Ригу к тете. Деньги прислали из Риги, купили билеты и нормально ехали. Были справки с разрешением уехать. Пошла учиться в польскую школу, в 5-й класс, братик пошел в 1-й или во 2-й класс. В 1949 году школу закрыли, пошла в латышскую 9-ю среднюю школу. Проучилась до марта 1950 года, и выслали меня второй раз. У нас была квартира на улице Католю. Пришли ночью: «Поехали».

Поездка была ужасная – два месяца по всем тюрьмам. Рига, Ленинград, Киров.

Там в 1942 году умер мой отец. В Ленинграде в баню водили вместе с преступниками. А дальше по этапу по всем тюрьмам с преступниками. Было ужасно...

В Красноярске все происходило, как в бреду. Я заканчивала 8-й класс. Мама просила, чтобы отправили туда, где есть средняя школа. Из Латвии нам присылали деньги, помогали. Купили козу, было молоко. Сбивали масло и продавали. Мама работала поваром, держали свиней. Стало легче. Окончила десять классов. Пыталась поступить в институт в Красноярске.

Жили мы в 300 километрах, в Боготольском районе. «Синие фуражки» уехать в Красноярск не разрешили. Поехала в Боготол. Дали сопровождающего, поехала в Педагогический институт изучать английский. Ночью повезли в Красноярск – утром экзамен. Привели к директору. Экзамены сдала. Было это в 1952 году, но меня в списках принятых не было. Директор оказался человек понимающим. Принял условно. Осталась.

1953 год – умер Сталин. Выдали паспорта – я была свободна. Училась до 1956 года. Мама не освободилась, работала в колхозе. Пошла к «синим фуражкам», поговорить – я свободна, почему же маме и брату надо здесь оставаться? «Поезжайте, мама приедет через месяц». Так и произошло.

Когда приехали в 1945 году, встретили человека из лагеря, где находился отец.

В Вятских лагерях. Он умер 8 мая, письмо нам принесли 9 мая. Сейчас его реабилитировали.

*Весной было
ужасно. Лошади
дохли, мы их ели.
Потом собирали
травы. Посадили
картошку, овощи.
Следующая зима
была уже легче.*

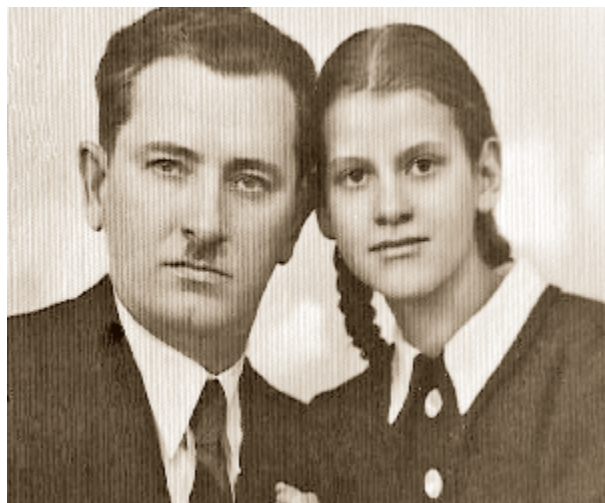
Ирина (справа). Сибирь

Ирина (вторая слева). Сибирь

ЗЕНТА МАТЕРЕ (ЛАНКУПЕ)

родилась в 1926 году

В семье было четверо детей. Я старшая, потом сестра Илга, брат Юрис и младший Янис. Отец работал в Лайди, волостным писарем, мама на телефонной станции. Станция небольшая, но и 23 или 24 абонентов надо было обслужить. Когда в 1940 году началось это сумасшествие, папу с работы уволили. В свое время он купил дом, и в декабре 1940 года мы переехали, где и жили до весны. Я первый год училась в Айзпутской гимназии и неделю уже жила дома. И вот наступило 14 июня. У мамы был суставной ревматизм, делать она ничего не могла. В тот день она уехала в Айзпуде к врачу. Предстояло печь хлеб, я должна была помочь отцу заготовить дрова. Переживала, что не умею. В Сибири всему научилась, думала – теперь бы я отцу сумела помочь.

14 июня ночью раздался стук в окно – в то, где я спала. Спросили, дома ли отец, стали стучаться в двери. Я оделась, вышла во вторую половину дома. Дом наш был перестроен из старой корчмы, в одном его конце находился хлев, и отец хотел через хлев убежать. Его поймали, привели, мокрого, вспотевшего. Собирайтесь, поедете в другое место. Все легло на мои плечи. Взяли всякие мелочи, не имевшие цены, но там они пригодились, нитки, иголки. Я надела школьную форму, в кармашке которой хранилась подаренная мне пятилатовая монета с надписью «Бог», это был мой талисман, с которым я ходила на экзамены. Когда надевала платье, монета выпала. Русский бросился за ней, я сказала: «Это мой талисман!».

Об этом вообще нечего говорить... У отца в шкафу были пятилатовые монеты, серебряные ложки, подаренные детям на крестины. Они взяли папин портфель с бумагами, сунули туда все эти вещи – так все и пропало.

Разрешили взять немного продуктов – крупу, муку. В погребе у нас была солонина. Я спустилась в сопровождении русского. Этому русскому я желаю всего наилучшего, если он остался жив после войны, действительно, это был человек! Стала я складывать в ведро солонину. Он увидел, что мяса много, стал что-то говорить, я ничего не поняла – русский язык только-только учить стала. Принесла ведро наверх, а он берет еще ведра, снова ведет меня в погреб, велит, чтобы и в остальные уложила. Так мы всю свинью и взяли с собой. Увязали в простыню. Пригодилось все это очень – было нас вместе с мамой пятеро.

Посадили нас в грузовик. Утро было прекрасное – роса, солнце, цвела белая сирень. Жеребец на выгоне... Приехали на станцию Калвене. Маму внесли на носилках, идти она не могла. Папу сразу же отвели в другой вагон. Устроились мы на верхних нарах, вагон был еще полупустой. Хлеба с собой не было, собирались в субботу печь, тесто так и осталось в квашне. Горшок с жиром был. Вначале с продуктами было терпимо, плохо было только одно – не было папы, и само событие, переживали, конечно...

Приехали в Салдус, разрешили набрать воды. Мы с одной девочкой пошли за водой. Я могла убежать. Но подумала – а как же мама с маленьким братиком, ему только полтора года. На обратном пути проходили мимо вагонов, где были мужчины. Звали по очереди – Матерс, Бруверс. И папа подошел к окошку, попросил воды, пить у них нечего было.

Но окошко было слишком высоко, нам не достать. Они спустили две бутылки, мы их наполнили. Но что это на 25 человек! Тогда я отца видела в последний раз. Он спросил, как мама, как Янис, и это было все.

*Я могла убежать.
Но подумала –
а как же мама
с маленьким
братиком, ему
только полтора
года.*

На Урале мы поняли, что началась война – навстречу шли эшелоны с солдатами, с оружием, нас загнали в «тупик». Мы даже обрадовались, решили, что дальше нас, может быть, не повезут... И вот мы на станции Ключвенная, город Уяр. Было это 4 или 5 июля. Привели на школьный двор, вокруг ограждение, ночевали, варили еду. На следующий день приехали подводы из колхозов. Сначала взяли тех, у кого было мало детей, и тех, чьи дети были старше. Большие семьи с маленькими детьми остались напоследок. На следующий день к вечеру посадили в грузовик и повезли в тайгу. О Сибири до этого только читали да слышали. Казалось, за каждым кустом прячется медведь. Было страшно, да еще тот, кто нас вез, сказал, что везет нас замораживать. Женщины, конечно, не соглашались – какой же смысл было везти нас так далеко, все это неправда.

Там, куда нас привезли, было узбекское предприятие по заготовке леса «Хлопок», разместили в местной школе на сутки. Сколотили нары, чтобы не спать на полу. Клопы одолели. Утром проснулись – глаз не открыть, распухли.

На следующий же день надо было отправляться на работу, но так как мне не было еще 15 лет, я могла остаться дома. С 15 лет на работу надо было идти в обязательном порядке. Машины тогда ездили на газогенераторах, и женщины должны были заготавливать для них чурки. Мы ходили в лес по ягоды – ягод там было изобилие, даже представить невозможно, сколько. Осенью отправили нас за 25 километров в село Никольское на уборку урожая. Я тоже пошла. Комбайн почему-то не работал, убирали руками.

Со мной приключилась беда – у кастрюли, в которой варился обед, отломилась ручка, и я ошпарила ногу. Помощи никакой. Мама побежала за девять километров за фельдшером. Всю зиму промучились, на работу я не ходила. В доме, куда нас поселили, было холодно. В селе рубленые избы стояли на высоких сваях, и постепенно латыши перебрались туда. Мы остались одни. Со временем мама договорилась с местной русской семьей, и мы перебрались к ним. Там нас обокрали. Украли все вещи. И мы вернулись в пустой холодный дом. Старый наш знакомый, старичок латыш, смастерил железную плитку. Мама с ним ходила в лес. На ноги надеть было нечего, натягивали по две-три пары шерстяных носок, к счастью, захватили с собой. От людей узнали, что приходили из школы, звали маму уборщицей и

истопником. Дали даже отдельную комнатку. Мы, сколько могли, маме помогали.

Весной 1943 года заработала артель. Вручную чесали шерсть, пряли, вязали, и я стала работать в артели. Научилась вязать большие русские платки, кофты, всему научилась.

Нам доверяли больше, чем местным русским. Под конец я так хорошо овладела русским языком, что могла работать даже в конторе.

Так дожили мы до осени 1946 года. Каждую осень надо было идти в колхоз, помогать на комбайне, укладывать и разгружать мешки. Мальчики подъезжали на телегах, мы мешки грузили. Жили скудно.

Когда кончились свои продукты, стали покупать молоко, капусту. Мама что-то зарабатывала. Когда мы переселились в школу, можно было и грядки завести. Картошку сажали глазками, земля там жирная, картошка вырастала красивая, крупная. Сестра устроилась работать к латышам в соседнее село. Мальчики пасли в селе коров, за это получали молоко и обед. Первое время грозили нам Севером, но братишка был мал, я часто болела, а там была очень хорошая председатель сельсовета и секретарь, они нас защищали. Так что на Север нас не отправили.

Должны были подписаться, что остаемся в Сибири на 20 лет. Я высчитала, что мне будет 35, когда я вернусь в Латвию. Потом и дети должны были регистрироваться в комендатуре.

В 1946 году из Риги приехали за эвакуированными детьми. Первая уехала сестра – ее одну отвезли в Красноярск, а там сказали, чтобы приезжали все. Все, кому нет еще 18 лет. Я была маленькая, щупленькая, кажется, это был Уртанс, кто сказал маме, чтобы написали, что мне 16 лет. Мама собралась с духом и отвезла нас всех в Красноярск. Около месяца жили в пионерском лагере, ждали, пока наполнится вагон.

В Москве нам выдали одежду из американской помощи – все мы были полуголые, оборванные. В Риге привезли в детский дом на улице Кулдигас, избавили от вшей. Директор детского дома Юрис Делиньш взрослых отпустил, сказал, что за маленькими должны приехать родственники. И втроем мы сели в поезд и поехали в Лиепаяу. А я направилась дальше – в Айзпите.

Чувство, которое испытали мы, оказавшись в Латвии, описать невозможно. Когда переезжали границу, все плакали. Пели латышские песни. Ощущение дома – ощущение счастья! И хотя мама осталась

там, мы, трое детей, были дома. У нас была бабушка, у которой мы могли жить. Такой душевный подъем... Такой восторг от того, что ты дома!

Бывало разное. И на допрос вызывали. Главное – по ночам. И надо было идти. Не знаю, чего они добивались. Вероятно, приказ у них был, и надо было выполнять.

Мне повезло – я попала на работу в партийный магазин. В Айзпите не было никого, кто бы знал русский язык. В латвийское время никого ему не учили. Зато я освоила его в совершенстве. Я была счастлива, я улыбалась, все ко мне относились хорошо. На работе все было хорошо. Угнетало только отсутствие мамы.

И она тайком приехала в 1947 году, в июне, в ночь накануне моего причастия. И наша собачка жила тут же, у папиной двоюродной сестры. И на стук она радостно заскулила – узнала через столько лет. Прыгает на дверь, мы понять не можем. Открыли – на пороге мама!

В 1950 году нас взяли второй раз.

Еще в 1949 году мы что-то почувствовали... Я работала в магазине на торфянике, решила – домой не пойду, второй раз в Сибирь ни за что не поеду. Решила – уйду в болото, если за мной придут. Осталась в магазине, спала на полу, утром узнала, что многих вывезли. Маму арестовали еще 2 марта 1949 года и отправили в пересыльную тюрьму.

Меня никто не искал. Осенью 1950 года я вышла замуж, жили с мужем в своей квартире. Я в то время не работала. Однажды пришли проверять домовую книгу. А меня в Айзпите каждый милиционер знал. Проверили книгу, заходят в дом минут через 15: собирайте вещи, надо ехать. Брат учился в средней школе, ни в один техникум его не приняли. Хотел он учиться в Кандавском сельскохозяйственном техникуме. Высланных туда не принимали. Поехал в Даугавпилс, поступил в железнодорожный техникум, но вернулся. Сестра работала в приюте, ее взяли, и младшего брата взяли. Собрали нас и в сопровождении «истребителей» привезли на станцию в Калвене. И в Риге на вокзале сидели под охраной. Подошел какой-то высокий чин, велел им спрятать винтовки. Люди смотрят: кучка ребятшек – кроме нас, были еще дети, все плачут, а рядом «истребители» с оружием. На меня накричали – чего плачу. А у меня слезы сами льются... Отправили в пересыльную тюрьму. Писала прошения, чтобы отправили вместе с мамой. Сжалились, видно, отправили вместе с мамой.

Посадили в обычный пассажирский вагон, только угол отгорожен проволокой. В Москве пересадили на другую линию, и оказались мы в Челябинске. Потом побывали в Новосибирске, наконец, привезли нас в Красноярскую тюрьму. Через какое-то время привезли нас в Уяр.

Каждый из нас подыскал себе работу. Жили у русских. Некоторое время я не работала. В Красноярске меня почти вынесли из вагона. Я была больна. Я только что вышла замуж, переживала страшно. Муж со мной не поехал. В тот момент не мог, позже... Все Сибири боялись. К большинству девушек, которые вышли замуж, мужья в Сибирь не приехали. Спустя время мы развелись. Он собрался жениться, развелись официально.

Сестра работала на слюдяной фабрике «Студентка». Там она огромным ножом скалывала с кусков слюды тонкие полоски, кажется, для изоляции. Я такие в утюгах видела. Мальчишки ходили в школу. Я работала в артели, в бухгалтерии. Потом кассиршей в кино. В это время уже можно было переписываться, присылали иногда посылочки. Хлеб был по карточкам, но был.

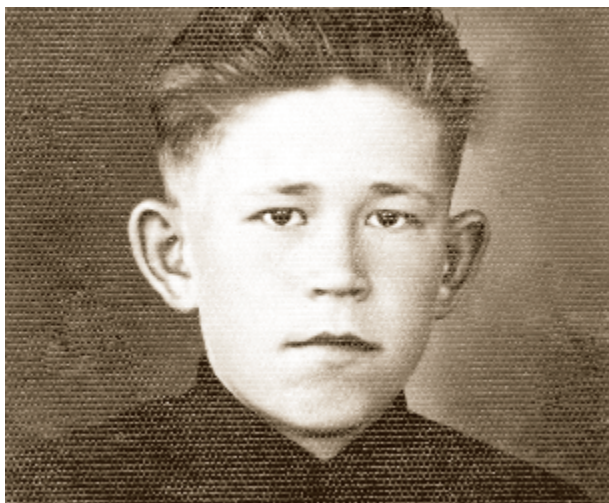
В самом конце я работала в бухгалтерии на железнодорожном предприятии. Отзывы обо мне были хорошие, меня ценили больше, чем местных девушек. Раз в год сотрудникам железной дороги давали путевку. Я воспользовалась и приехала в 1956 году в Латвию. Только в Айзпите меня никто не ждал. Не верили, что у меня есть паспорт, думали, что я так... Мама ходила в комендатуру, выпросила справку, она у меня сохранилась, что паспорт я получила совершенно законно. И меня прописали в Айзпите.

Когда вернулись домой, получили извещение об отце – умер он в лагере, в Кальском районе от воспаления легких в апреле 1942 года.

Трижды мы свою жизнь начинали сначала. В первый раз, когда вернулись из Сибири, собирали все, что русские не забрали. Второй раз – то же самое. Больше всего жаль отца. Мы, остальные, слава Богу, вернулись. Только здоровье у всех было подорвано.

Первым ушел младший брат. Сейчас я одна осталась. Мама умерла в 1986 году, было ей 83 года. Бабушка умерла, все родственники умерли.

Одна польза – русский язык выучила. Видела, как живут в других местах, нам гневить Бога нечего, мы живем лучше, хотя нам не один раз приходилось начинать жизнь сначала...

ВИКТОРС МЕДЕНИС

родился в 1926 году

Мой отец Викторс Меденис родился 26 января 1886 года. Мама Анна Медене родилась 15 февраля 1892 года. Когда вошла оккупационная армия, наша семья подверглась уничтожению, потому что мой брат учился в Межотненской сельскохозяйственной средней школе.

20 ноября 1940 года его арестовали, отправили в Воркуту на шахты, где он погиб 26 июня 1946 года. Мой старший брат Янис Робертс Меденис родился 8 апреля 1914 года, был студентом факультета инженерных наук Латвийского университета, его арестовали 8 апреля 1941 года и 20 января 1942 года расстреляли в Астрахани.

Следующими были: мой отец, я, еще один мой брат и мать, нас должны были выслать 14 июня. 13 июня добрые люди нам сообщили, что будет война и будут брать заложников. Отец и брат ночью ушли в зеленую зону.

В три часа ночи дома остались мать и я, подросток. Подъехал Янис Рубенис: коммунист, председатель исполкома, с ним русский офицер с пистолетом и солдат монгол с винтовкой, с блестящим штыком. Будут сопротивляться – уничтожить. Они промахнулись – ни отца, ни брата дома не было... В отместку ни мне, ни матери не разрешили даже поесть, не разрешили ничего с собой взять, только рабочую одежду, но судьба оказалась милосердной – мы выжили.

Нас с мамой на грузовике доставили в Мадону, посадили в вагон. И через Даугавпилс эшелон наш направился в Россию. Через три недели оказались в селе Константиновка Березовского района Красноярской области, в колхозе «Мирный». Положение было ужасное, начались болезни. Началось с дизентерии, по-

том тиф, воспаление легких, нарывы. Все беды, вызванные голодом.

...В поезде, случалось, голодали... Поездка... Когда были в дороге, началась война, по несколько суток стояли, с востока шли эшелоны с военной техникой. С едой... давали раз неделю что-то, за кипятком в сопровождении охраны можно было сходить. Те, у кого было, едой делились.

В нашем вагоне умер Дзинтариныш. В Ярославле в соседнем вагоне начала рожать какая-то женщина, ее увезли. Подумали – вот повезло, но система была так четко отлажена, что и она оказалась там же, где и мы. Грудных детей было много. Из 15 424 человек, арестованных и депортированных 14 июня, 3751 были дети, среди них 291 грудного возраста. Не вернулись 6081 человек. 700 были расстреляны – взрослые... Были арестованы руководители Латвийского государства, все они были обречены на уничтожение.

После 14 июня все дети стали наполовину сиротами – отцов отправили в лагеря, где они были уничтожены. Жены стали вдовами...

В Ярославле стали гадать, куда нас везут, а когда перевалили через Уральские горы, поняли – в Сибирь... Шли эшелоны не только с латышами, но и с поляками, чехами...

Через Новосибирск приехали в Ачинск. Эшелон был длинный, с километр, четыре локомотива. Часть вагонов отцепили и повезли нас по Абаканской линии, на Саяны. Высадили на станции

Ададым Назаровского района. Там уже было распланировано, кого куда повезут. За нами приехали на быках русские женщины из Березовского района. Лил проливной дождь, русские женщины пели на странном на-

В обязанности мои входило возить из лесу дрова. Дали быка, и всю зиму и лето я возил из лесу, что мог набрать.

речи, это было что-то ужасно печальное. Человек 30 высадили в Константиновке. Жизнь была полу-голодная, там царила страшная нищета. Мужчины на фронте. Что-то посеяли, что-то убрали...

Все колхозы были в долгу у государства, план не выполнить, что убрали, все везли на элеваторы... там даже мыши голодали. Весной везли обратно – сеяли. Зима была просто ненормальная. Я и представить сегодня не могу, как мы смогли выжить. Весной было правило – убрали, не убрали, подпустят огонь, колосья обгоревшие на земле... вкусные были... Нам собирать разрешали, а были колхозы, где запрещали, считали, что люди присваивают таким образом чужое имущество.

И вот наступила зима 1942 года. Нас отправили по Енисею на Крайний Север, на рыбный промысел... Нас надо было доставить на станцию Крас-

ная Сопка – за 60 километров, но не было столько лошадей, которые держались бы на ногах. И мы с мамой остались. Существовали кое-как, летом трава была, луковицы лилий... Но все трудности, все беды посылает нам судьба... В Березовке, в районном центре, репрессированным жить было запрещено, но через местных мне поступило предложение устроиться там работать. Я, конечно, согласился, там я получал по карточкам хлеб, рубли какие-то зарабатывал. Мне начинало везти. Перевез маму. Каждый месяц ходили отмечаться в комендатуру. Я все это устроил.

При машинно-тракторной станции была хлебопекарня, меня позвали туда. В обязанности мои входило возить из лесу дрова. Дали быка, и всю зиму и лето я возил из лесу, что мог набрать. Видели, что работаю я нормально. Был там старик,

Слева: Волдемарс, Карлис, Викторс

русский, по фамилии Латышев, приставили меня к нему в помощники на мельницу.

Жить стало легче. В 1946 году появилась возможность уехать в Латвию. Мы находились в 400 километрах от Красноярска. Там всем ведала госпожа Лусе... Документов у меня не было, рискнул и поехал, хотя было мне тогда уже 20 лет. Решил попробовать...

Вагон прицепили к поезду Владивосток-Москва. Были я и Герхардс, чуть старше меня, их было семеро братьев и сестер, приехали все, и всех их выслали второй раз. Нас, что были старше, засунули на верхнюю полку, за вещами. Прежде чем вагон прицепить, чека всех проверяла. Они вошли в наше купе и вышли, и до Риги никто больше не проверял. Так я и приехал.

Мама осталась, так мы договорились; что будет, то будет. Спустя год она приехала тайком. В Мадоне у мамы жила дочь, достала по знакомству какой-то документ, жила... У меня документов не было. Одну ночь провел в детском доме на улице Кулдигас, директором был Делиньш, он сказал – если есть родня, уходи, ночью придут с проверкой. Жила там жена старшего брата, у нее родилась дочка, которая своего отца не видела, поселился я у них. Со временем документ получил, жизнь продолжалась. Наступил 1948 год – Янов день. Я на военном учете не состоял, а здесь надо было встать, и стали меня допрашивать, где я был. Сказал – в ссылке. Получилось у меня так: родители умерли и меня через детский дом отправили сюда к родственникам. Все зафиксировали.

26 июня 1948 года призвали меня в славную армию. В Латвии формировали трудовой батальон – 1,5 тысячи и из Литвы 1,5 тысячи. Тех, кто вернулся из ссылки, кто был в немецкой армии, кто прятался в лесу, – всех во вспомогательные службы. Вооружение было такое: тачка, лом, кирка и лопата. И так было на протяжении четырех с половиной лет. Так паршиво мне и в Сибири не было. Считались в армии, присягу давали, а оружие нам не доверяли. Мостили на военном аэродроме взлетные полосы. Разгружали эшелоны: песок, цемент. В тачках возили, готовили основание для полосы, работа тяжелая и физически, и морально. Нас не щадили. Стоило

выразить недовольство – 10, 15 лет. Проснешься утром – одного нет, придешь с работы – вызовут, и на этом все. Так и жили, не знали, что будет завтра. Но я вернулся. Устроился в Риге работать. Так жизнь и прошла.

Репрессированные в 1941 году... нам не повезло, школ там не было. И тех, кто вернулся, в вузы не брали. Я поступил в вечернюю школу, но меня призвали в армию. Когда я вернулся, было мне 26 лет... шинелишка, сапоги и больше ничего. Жить негде. Руководящие должности – предлагали, но с условием, что вступаю в партию. Но такую глупость я не мог себе позволить.

Когда началась война, отец вышел из леса, стал хозяйничать. Брата призвали в легион, ранило... Попал в фильтрационный лагерь в Карелии... Отца и сестру, которая была замужем, репрессии 1941 года не затронули, когда русские пришли во второй раз, он из Лиепайи на судне попал в Германию... Рассказывал – до английской зоны не дошел пять километров. В товарных вагонах все-таки добрались до Латвии. Но отец совершил ошибку – вернулся хозяйничать в свой дом.

В сентябре 1946 года его арестовали. Судил его военный трибунал, семь заседаний было, так и не смогли доказать, что он совершил преступление. На последнем заседании прокурор сказал: возможно, вы ничего не совершили, но мы вас осудим. Судили за то, что 14 июня 1941 года находился на нелегальном положении, не сдался, руки не поднял. Дали пять лет, а в Мордовских лагерях отсидел он восемь. Вернулся, здоровье подорвано, давно уже наступил пенсионный возраст. Жил кое-как, теперь никого не осталось, кроме меня, самого младшего.

А скоро вообще никого не будет. Вот говорят: репрессированные, репрессированные, разве ж нас так много. Нас немного осталось. Тяжело нам живется. Здоровья нет, были бесплатные лекарства – лишили. Еще хуже, когда семейный врач настроен против репрессированного, и положенные лекарства не получишь... Я понимаю, другие тоже болеют, но и я болею... правда, жив еще. Санаториев больше нет... очередь большая... стой в очереди, говорят, будет место, сообщим...

БРИГИТА МЕДИНЯ

родилась в 1928 году

Жили мы в Бауском районе, в «Салмини» Скайсткалнской волости. В школу ходила в Скайсткальне, в 1941 году окончила четыре класса.

14 июня примерно в половине четвертого утра явились пять солдат. Отца посадили, двигаться не разрешили, рядом стояли вооруженные охранники. Дали час на сборы, взять можно было 100 килограммов. В семье было пятеро детей – три сестры и два брата, отец, мать, бабушка и дедушка. Старшая сестра была замужем, у нее было двое детей. Сестра была в списках, ее мужа не было. Муж сестры стал возмущаться – как смеете мою семью трогать?

Потребовал ехать в Бауску. Начальника не было. Поехали в Иецаву, где сажали в вагоны, и там его не было, оттуда в Вецумниеки. Там нас посадили, а сестра с мужем вернулись домой. В грузовике маленькие дети – полтора и три с половиной года, плачут. Папу тут же увели, нас посадили в другой вагон. Остались мама, брат, сестра и я. Условия были ужасные. Что взяли, что не взяли, непонятно. В вагоне приносили еду. За кипятком ходили сами. Все это было настоящим бредом... Вместо туалета дыра в полу. Мужчины ехали в том же поезде, только в другом вагоне. Не знаю, до или после границы маме разрешили попрощаться с отцом. Потом вагон отцепили.

Ехали примерно три недели. Вагоны телячьи, окошки маленькие, забраны решеткой. Мне хотелось смотреть, я просовывала голову, солдаты прогоняли, дергали за косички. Но не все были злые.

В Ачинске были какие-то казармы, вокруг колючая проволока. Под открытым небом провели два дня. Из колхозов понаехали так называемые скупщики, и попали мы в Козульский

район. Ехали на лошадях, но дорога была такая страшная, что думали – никогда не доедем: грязь по ступицы, через реку вброд. В селе люди темные, не знали, кого везут. Мне на работу ходить не надо было, считалась малолеткой. Но я пошла, потому что там давали есть, дома ничего не было. Если и была копейка, то ее уже потратили, вещи тоже кончились. Дома у нас была своя молотилка, машины, тракторы. Брата взяли мотористом в Козулку на прессовку сена. И вся семья переехала. И сестра пошла прессовать сено. Им давали по 600 граммов хлеба, остальным по 300. Молоко и, может быть, килограмм муки можно было достать только в обмен на одежду, потому что они и сами бедствовали. Там мы прожили до весны. Весной отвезли нас в Красноярск, посадили в баржи и повезли в Усть-Порт. Поселили в бараках. Брат и сестра сплавляли лес. Осенью посадили в большой пароход и повезли на Диксон.

Через два дня на маленьких суденышках отвезли нас на место лова. Там уже жили семеро латышей. Условия были ужасные. Поселили в бывшей небольшой конюшне, мы все вычистили, сколотили нары и разместились – 45 человек. Освещали помещение коптилками. Когда выходили на свет божий, лица у всех были бледные, в черных точках от копоти... Была там плита, на ней варили, там же мылись и стирали, танцевали и пели. Брат пел, кто-то подыгрывал на ложках. Юность есть юность, хорошо, что мы так себя вели. Это помогло выжить.

Поделили нас на бригады. Зимой ловили сетями подо льдом, летом забрасывали сети. Весной стали нас делить и развозить вдоль берега. Стояли там рыбацкие избушки, в каждой по бригаде. Мы с мамой

Брат пел, кто-то подыгрывал на ложках. Юность есть юность, хорошо, что мы так себя вели. Это помогло выжить.

остались в центре – чинили сети. Сестру отправили в бригаду. Брат работал на суденышке, мотористом. Потом построили электростанцию, он работал там в мастерской. Зимой вырубали проруби, протаскивали сети подо льдом, вытаскивали голыми руками, рукавиц не было, а мороз под 40, 50 градусов. Были там толстые канаты, их воровали, распускали на нитки и вязали рукавицы, носки, даже белье, свитера, платки.

Когда шла рыба, ели рыбу, братья разрешали. Весной охотились на гусей, на оленей. Ружья были. Не знаю, как их хранили и не боялись. Была крупная рыба – нельма, под 16 килограммов, потом селедка. Рыбу выбрасывали на лед, замерзшую складывали в мешки и сдавали. За это платили деньгами.

Летом на отмели ставили палатки. Началась буря – дождь, черное небо, поднялась вода, и палатки рухнули на наших глазах. В палатках оставались дети. Неподалеку стояло суденышко, стали просить, чтобы спасли тонущих. Нам ответили – пусть фа-

шисты утонут. Спасать не поехали. У капитана суденышка в палатке осталась невеста, он бросился спасать. Она была немка. Одна палатка еще стояла, в лодку сели пятеро, среди них мой нынешний муж, брат мужа и девушка, которую ехали спасать. Младший брат мужа пошел во вторую палатку, он утонул. Муж мой хотел перерубить якорь, ему не позволили, иначе утонули бы все. Утонули тогда тринадцать человек. Всю ночь в бараке стоял стон. У меня там никого не было, молодая была, не сильно переживала. Наутро вода была как зеркало, тихо, и только над мелью летали черные вороны. Вижу как сейчас. Приехал катер посмотреть. Пятеро удержались на досках, их выбросило на островок. У одного из них, у Валентина Оре, который курил, были спички, к счастью, они не намокли. Разве это не перст Божий? Он весь был в синяках. Пятеро спаслись, запалили костер. Забрали их на третий день. Сообщили начальству, за ними прилетел самолет, который садится на воду. Все вышли посмотреть, такое увидеть

Слева: (в первом ряду) Бригита, мать Марианна, Алфонс, отец Янис, Майга, (стоят) Эдвардс, Валерия, Аугустс

можно было не часто. Одна лодка у него сломалась, самолет опрокинулся. Пострадавшие сразу же бросились спасать, рубили лед, вытаскивали. Был там начальник из Москвы, делали искусственное дыхание, но не оживили. Было пять трупов, выжили, кажется, трое. Может быть, это Божье наказание?

Ловила рыбу восемь лет. Сначала сети чинила, когда подросла, стала рыбачить. Были и страшные люди, были воры, убийцы. Мамы очень переживали. С ними нельзя было разговаривать, шутить. Но у каждого свой характер. Там, когда рыба идет, тоннами доставать можно, а если ее нет, так уж нет. Рыбу солили. Бочки грузили на баржи, увозили. Зимой мороженую рыбу в мешках возили самолетом. В 1950 году переехали в Норильск. Я в то время уже была замужем, родились дети.

Вначале работала в лаборатории по исследованию грунта, в проектно-отделе. Потом пошла учиться шить. Приехала госпожа Калве – жена офицера штаба Уманиса. Он свое отсидел, но разрешение вернуться в Ригу ему не дали. Госпожа Калве приехала к нему из Риги. Она была отличная портниха. Обшивала всех жен начальников. Русского языка она не знала. Меня направили к ней ученицей, я стала учиться шить, потом работала в ателье.

В 1958 году переехали на Украину. Так хотел свекор, я жила в семье, у них там была родня. Жила на Украине до апреля 1993 года.

Дочь сестры выходила замуж. Пригласила на свадьбу. Написала: «До встречи на Родине». И так запало мне в сердце это слово – Родина. Дети так и не приехали, это огромная проблема. Там пережились, там родственники. Муж умер в 1988 году. Здесь я живу одна. Один год я к ним еду, один год они ко мне. Им здесь очень нравится.

Брат умер прошлой весной. Нет больше ни братьев, ни сестер, а родственников много. Дети брата, дети сестры... На Украине только дети.

Отец был айзсаргом, командиром. Был патриотом, такие здесь не нужны были. Из лагеря о нем не было никаких известий. Только сейчас узнали, что умер в 1942 году от туберкулеза легких.

Здесь остался один брат. Он учился в техникуме, и когда нас вывозили, его не было дома. Наша семья тоже разделена на три части. Брат техникум не окончил, пошел работать, ездил со сватом молотить, жить в отцовском доме запретили. Мужа сестры тоже арестовали, увезли в Воркуту. Она ушла жить к его родителям. Он домой вернулся. Вернулись все, за исключением отца.

Бригита со старшей сестрой Майгой

Брат в немецкое время окончил техникум. Был в русской армии. Когда пришел конец сталинским временам, все стало по-другому. Дети сестры там родились, я их нянчила. Когда видимся, рассказываю, как в Сибири жили. Сегодня кажется, что все это был бред, что такого не было. Как все это можно было вынести? Были силы, была вера, что все образуется, все будет хорошо. С Божьей помощью. Богу молились. Люди надеялись, что вернуться домой. Танцы устраивали, даже театр организовали.

Мороз был 50 градусов, топить нечем, дрова промерзли, не горят, выдавали немного горячего... Когда не ходили на работу, водили вокруг печки хоровод. Давали шубы, фуфайки, укрывались. Брат был высокий, ему все было коротко. Стены обледенели, в инее, волосы к стене примерзали.

Северное сияние там красивое. Все цвета радуги, свернется клубком и становилось светло, как днем. Когда светила луна и вокруг белый снег, даже читать можно было. А зимой все замело. Сколько людей там замерзло, сколько заблудилось. В метель дальше полутора метров не видно, если сядешь, засыпаешь и – конец.

Простить невозможно. А вообще-то надо было простить – как Бог велит...

ОЛИТА МЕДНЕ

родилась в 1932 году

Я Олита Медне. Утром 14 июня 1941 года нас разбудила мама. Я как сегодня помню – мы с братом оба болели, мама будит, на ней ночная рубашка, не успела одеться. Говорит: «Вставайте, уезжаем!» Мы не поняли, зачем надо уезжать. Смотрим – папа сидит в комнате у стола, какие-то дяди, что-то пишут. Мама только сказала: «20 минут. Одевайтесь, одевайтесь!», а сама не одета. Все плакали, вещи брать не разрешили, я ничего не понимала. Нас посадили в грузовик. Мама на ночную рубашку накинула пальто, так растерялась. Так и отвезли нас на станцию Торнякалнс, посадили в вагоны.

Вещей с собой не было. На другое утро двоюродная сестра узнала, что эшелон еще стоит, прибежала, принесла одежду и продукты. Мама вдруг говорит: «Это Эрика!». А сестра кричит: «Тетя, тетя!», бегают от вагона к вагону, до сих пор ее голос слышу. Мама велела Эрике принести наши вещи, она убежала, но, когда принесла, перепутала – чемодан с нашими вещами отдала папе, который был в другом вагоне, а папин отдала нам. Какая-то еда тоже была. Так мы и поехали. Помню только, что плакала, сесть на ящик с дыркой боялась. Было жарко, дети плакали, мы молча прижались к маме, ничего не понимали, папы тоже не было.

Привезли в Красноярск, оттуда в Канск, потом в какую-то деревню. Спать было негде. Из досок сколотили нары, вещи под нары сложили. Брат писал, как мы жили, – как поймали гуся, и оба потом мучились, что украли. Гусь забрел в комнату, я испугалась, хотелось есть, а ничего не было. И мы вдвоем... Мама пришла с работы, брат бросился к ней: «Я больше не буду, больше не буду!». Мама спросила, в чем дело – «Я гуся убил!». Мама удивилась. Но гуси там ходили по ули-

цам, и каждая хозяйка знала своих наперечет. Назавтра в очереди у магазина уже пошли разговоры, что гусь пропал... А единственный мужчина, который был с нами, Веберс, сказал: «Не переживай, Оярс, я тебя научу и как свинью забить». Мама тут возмутилась: «Чему вы учите ребенка!»

А потом все вместе гуся этого мы съели. Надо было делиться с теми, с кем жили. А до этого проблем было много: почистить, перья спрятать, достать котел, сварить...

Отправили нас в школу. Русского языка я не знала, умела только считать и рисовать. Рисовала и местным картинку, за это можно было получить и кусок хлеба. Не помню, сколько мы там были, отвезли нас в Канск, посадили на пароход. Как долго ехали, не помню. Людей было много. Высадили в селе Лебедево. Страшное это было место, голод, в домах одни клопы. Собирали травы. Собирала я, мама с Оярсом ходили на работу. Если работы в тот день не было, сиди дома без хлеба. Когда всю траву выбрали, я сказала маме: «Бежим!». До этого три семьи уехали – Сембиньши, Кавалкины и госпожа Фрейденфелде с дочерью, сели на пароход, за ними уехали и мы. Достали у местных лодку – пароход загружался дровами чуть дальше. На лодке подплыли и в последнюю минуту сели на пароход, чтобы нас не поймали. На пароходе просили милостыню. У мамы на почве всех этих переживаний началась падучая, мы с братом попрошайничали, давали нам заплесневелый хлеб. Складывали хлеб

в посудину, заливали горячей водой, плесень сходила, и мы его ели. Оярс, вероятно, рассказывал о том, как мы попали на пароход, как мама отдала капитану парохода обручальное кольцо, как она сказала, чтобы билет мы

Если работы не было, хлеба не давали, сиди без хлеба. Мы, девочки, собирали травы.... Когда всю траву выбрали, я сказала маме: «Бежим!».

купили только за одну остановку до выхода. Вышли мы на берег – три семьи – Римейки, мы и госпожа Авота с дочерью. Мы сидели на берегу Енисея и ждали пароход, чтобы попасть в Подтесово, потому что там давали за работу продукты. А пока бродили по берегу Енисея с сумой, пароходик ходил раз в неделю. В Подтесове, пока мамы ходили в поисках работы, мы, дети, в буквальном смысле слова сидели под лодкой. Начальник, который строил дамбу, посмотрел на них, худых, голодных, сказал: «Ну куда я вас дену?» Но потом все-таки понял, принял на работу. Поселили нас в общежитии, жили там болгары и венгры, латыши – большое общежитие. Брат говорил же, что маму поместили в больницу – вся спина у нее была в нарывах. Потом и у нас появились язвы и в придачу дизентерия. Мама вначале не знала, что мы серьезно больны. А я еще ошпарила живот – опрокинулся котел, в котором варилась картошка. Лечили меня дома, мама об этом и не знала.

Мама вышла из больницы, врач ей сказала, что, может быть, мама сможет работать парикмахером, мама для нее в больнице что-то вязала, врач обещала даже комнатку. 13 апреля был мой день рождения, мою карточку отоварили, собрались печь оладьи, но пришел комендант и сказал, что маме предстоит ехать в Енисейск и она вернется через несколько дней – надо оформить кое-какие документы. Их всех взяли. Прошел день, два – мама не возвращается.

На Енисее тронулся лед, мы поняли, что мамы не дождемся. Когда лед прошел, приехал человек и сказал, что мама и госпожа Авота в тюрьме. Взяли по карточкам какие-то продукты, чтобы отвезти в тюрьму. Брат ездил, кажется, один раз, я три раза. Поэтому не могу смотреть фильмы, где показывают, как дети на пароходах прячутся. Я к маме ездила не на пассажирском пароходе, пряталась на грузовых, среди мешков. Пароход остановился посреди реки, на берег надо было выбираться на лодке. Ужасно боялась, как бы не отобрали продукты. Выбралась я из укрытия среди мешков, переправили меня на берег.

Был уже вечер, надо было еще узнать, где эта тюрьма. Так я в тот вечер до мамы и не добралась. Пряталась в канаве, под дощатым тротуаром, чтобы не украли продукты. Провела так ночь. Когда мы встретились, мама плакала, не хотела брать, говорила, чтобы ели сами. Попрощались мы, я села на пригорок и долго плакала. Ездила я к маме три раза.

Когда кончилась война, маму по закону о реабилитации выпустили, отсидела мама пять месяцев. Потом стали поговаривать, что ушлют в другое место, потому что дамбу построили. Отправили нас в Красноярск, обжигать кирпич. Там было три печи, мы работали на первой. С братом ходили на базар, продавали папиросы, нас поймали, мы снова прятались.

В 1946 году мама сказала, что детей везут в Латвию, я без нее ехать не хотела, но мама настояла, сказала, что скоро и сама приедет. Мы успели в последний вагон, отправлявшийся в Латвию.

Стояли в Москве, брат с ребятами ходил смотреть, что там и как, я не пошла. В Москве ждали, когда нас переоденут, потому что в таком виде в Ригу пускать не хотели. И в Риге нас к встречавшим не пустили, сразу же повезли в детский дом на улицу Кулдигас. Там нас вымыли, вычистили, переодели, и двоюродная сестра забрала нас, было это в 1946 году, в августе. В сентябре надо было идти в школу. Пошла в 6-й класс, брат в 4-й. Боялась, латышского языка не знала. Но была хорошая учительница, помогала. Вначале училась отлично, а в 1949 году сломала ногу. Начались проблемы из-за врачебной ошибки, делали несколько операций, до сих пор с этой ногой мучаюсь.

Выслали меня второй раз. В 1951 году снова начались разговоры о том, что высылают, понемногу. Брата в мае призвали в армию, уходя, он сказал, чтобы теперь я ничего не боялась, раз он служит. Я окончила школу, поступила в школу медсестер, вначале хотела при больнице Красного Креста, но меня не приняли, так как в автобиографии я написала все как есть. Мне сказали, что у меня туберкулез, и не приняли. Двоюродная сестра отвела меня к врачу, конечно, я была здорова, вина была в биографии. Поступила в медучилище при больнице Страдиньша. На втором курсе профессор Эзеретис сказал: «После окончания на практику не поедешь, я тебя прооперирую, ногу будем лечить». На этом и остановились. Было это в октябре. И вот однажды утром стучит соседка: «К тебе какие-то солдаты!». Спрашиваю у них: «Куда?» – «Туда, откуда приехала!». Взяла я свои лекции, внизу уже ждала «Черная Берта». В кухне на столе стоял ящик с яблоками, солдатик подтолкнул, чтобы взяла. Я ничего брать не хотела. Тогда он сложил яблоки в мешок, свернул одеяло с подушкой. Посадили меня в машину и отвезли в чека, на улицу Стабу. Оттуда в пересыльную тюрьму на улицу Вилян, откуда ребят

забирали в армию. На углу улиц Виляну и Калну. Посадили в камеру одну. Сижу, думаю – что же дальше будет. Двоюродная сестра узнала, сложила в корзину продукты, валенки захватила, так как я была в капроновых чулках. Успокоила меня – она узнает, где я буду, и кое-что перешлет.

Некоторое время сидела одна, потом подсадили девушку, Элгу Стуньке, не знаю, где она сейчас. Она меня боялась, я ее, обе думали, что специально посадили, чтобы выведала. Потом разобрались, что обе сидим ни за что, она показала мне свои ноги – все в синяках. Она была старше меня. Училась в Молочном техникуме, приехала домой, узнала, что родителей выслали, якобы за то, что кормили лесных братьев. Возвращалась в техникум, и на улице ее взяли, стали пытаться, где те, кого родители подкармливали. Били ее, пытали, в конце концов дали 25 лет. Когда она пришла в сознание, подала жалобу, и ее отправили в ссылку по месту жительства родителей. Потом сидели мы в общей камере. В ноябре посадили в поезд. Когда я сидела в камере одна, солдаты подходили и спрашивали: «Куда ты, ребенок, едешь?». Когда водили на прогулку, тоже

спрашивали: «Интересно, за что этого ребенка? Наверное, за хулиганство». Побывала я в пяти тюрьмах. Сидела и с воровками. Кто-то сказал, чтобы к решетке не подходила, – все отнимут. Болела я там, ноги болели, ангиной переболела – душно в общей камере было, кто-то выбил окно, простыла, поднялась температура.

В декабре вызвали нас на этап. До Енисейска ехали в кузове, на ветру – 375 километров. Со мной вместе была госпожа Зилгалве, помогла нести корзину и одеяло. Высадили в Маклаково, на телегах довели до Ангары, где она впадает в Енисей, так называемая стрелка на Ангаре, там строили лесопилку. И вот я с больной ногой шесть километров туда, шесть обратно. Никого не интересовало, что училась я на медицинскую сестру. Я заболела, и послали меня белить длинный коридор. Кисть была травяная, белила мелом, все руки изъело до кости. Мыть горячей водой нельзя было, только холодной. Наутро госпожа Зилгалве меня одевала, так у меня болели руки. Дали больничный, потом послали сушить дома. Там понастроили бревенчатые избушки, внутри железная печка и русская печь. Дали мне

Олита с матерью Эммой. Латвия

три, и я ходила из одной в другую. Роста я маленького, дрова длинные, колола дрова, топила. Когда закончила эту работу, велели замазкой окна замазывать, стекла вставлять. Потом бригадир отправил меня на берег бревна пилить. А бревна на земле, и колено мое не гнется. Не могу, говорю. Можешь, отвечает. Побежала к начальнику, тот забрал меня к себе – дочка его личико обожгла, я за ней ухаживала. А нога моя болела все больше и больше.

Был там инженер Кузма, он конструировал что-то вроде лодочек – подводные крылья. Он тоже был ссыльный, к нему приехала жена, хирург. Говорит мне: «Не могу смотреть, как ты мучаешься, отведу тебя к моей жене». Сказала, что не могу, куда я в Енисейск поеду, вещи мои у госпожи Зилгалве. Но он посадил меня в сани, у него была лошадь. Сибирь ведь построили ссыльные. Привез меня в больницу. Был еще один ссыльный, доктор Бендикс, немец. Посмотрел, здесь, говорит, такую операцию, сделать нельзя, могу только открыть. Вскрыл, выпустил гной. Как ты еще ходила, говорит. Рана открытая, такая и до сих пор, только меньше. Из больницы не отпустил, будешь, говорит, здесь работать. И стала я ему

помогать – диплом ведь у меня был. Каждую неделю ходила отмечаться в комендатуру, подписалась на 20 лет... Были там две сестры – Жения и Мария, мать их покончила жизнь самоубийством, чтобы девочек второй раз не отправили в Сибирь. Ей сказали, что если ее не будет, их не возьмут. Не помогло – выслали второй раз. И стали мы жить вместе. Жения была портниха, была там артель «Единение», швейная мастерская, парикмахерская, работали ссыльные. Вечерами мы вышивали платья, которые шила Жения, так подрабатывали. Потом я работала в парикмахерской уборщицей.

В 1952 году прибегает ко мне бывший директор филармонии и говорит: «Знаешь, Олита, я только что ходил отмечаться, прибыла машина с мороженой свининой и арстанты на поселение. И была там одна женщина, кажется, твое имя называла». Я бегом в комендатуру – приехала мама. Отсидела она пять лет, ее ко мне прислали. Прямым ходом, за вещами не пустили. И стали мы жить вместе с мамой. Сначала вместе с девушками. Хозяйка была хорошая, ей нравилось, когда мы по вечерам пели свои песни. У одной из девушек была гитара. Хозяйка говорила:

Олита с матерью Эммой. Сибирь

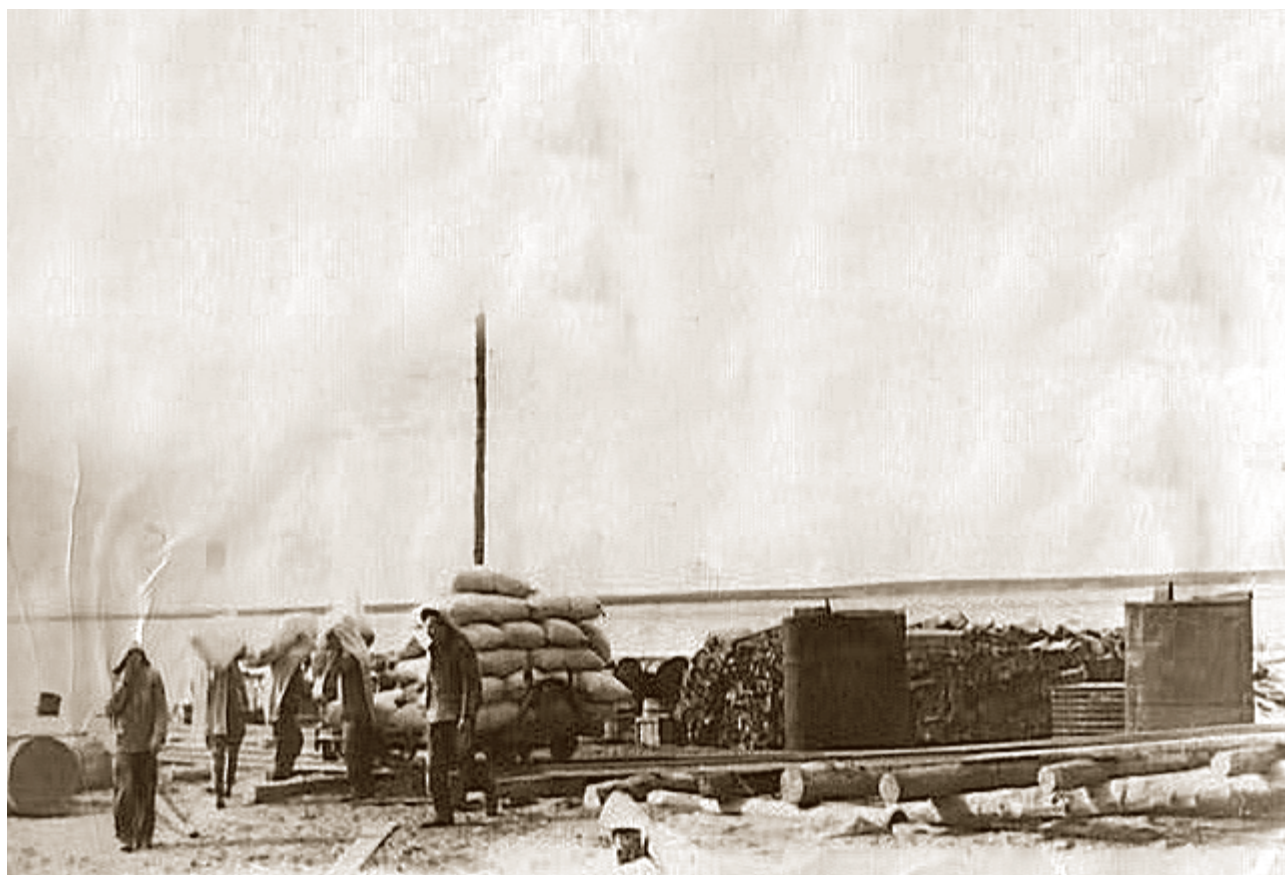
«Спойте еще что-нибудь. Я не понимаю, но плачу, когда вы поете». Потом мы с мамой ушли жить в другое место. В артели работал итальянец, часовщик, познакомились. Вместе не жили, просто так. В 1952 году родился у меня сынок. В это время начали выдавать документы, с которыми можно было перемещаться по всему Красноярскому краю. Он говорит – бери документы и поезжай. Сказала, что без него никуда не поеду. Его, как иностранца, вызвали первым. Мы были ссыльные, граждане, голосовать имели право, у него и остальных – у болгар и других такого права не было. Я уже ждала сына, когда его вызвали в Красноярск и в Москву оформлять документы. Там ему предложили – или уезжай на родину, или вступай в партию и оставайся. Он написал мне, что на родине у него остались мать и брат, и он хочет уехать на родину. Он был старше меня, в Италии они находились в подполье, когда их начали преследовать, приехали в Советский Союз. А когда началась война, их арестовали как шпионов, сидел в тюрьме, потом его выслали в Енисейск.

А вы виделись еще когда-нибудь? Нет, не виделись, а брат встретил. Он служил в Москве, был у

него, он обещал вернуться, но мы так и не увиделись. Не знаю, жив ли он вообще...

Мама была со мной, когда в 1952 году родился сын. Мы были одними из первых, кого коснулась реабилитация, так как Оярс все время писал, чтобы нас отпустили домой, что он отслужил в армии, чтобы отпустили в Латвию. Сталин уже умер. Бендикс сказал, чтобы шла учиться. Я окончила курсы. Курсы длились восемь месяцев, мама с сыном, ему было уже четыре года, уехали домой. Я осталась доучиваться. Некоторое время работала на причале. Окончила курсы и в 1956 году вернулась домой. Сестрой работать не могла – мама старая, сын маленький, а сестрам платили мало. На две ставки работать не давала нога, и ушла я на фабрику. Через знакомых устроилась на «Латвияс берзс», начальник кадров был хороший, сказал – только инспектору не говорите, что были сосланы. Хотелось больше времени проводить с сыном, узнала, что в автобусном парке можно работать два дня, потом два дня дома. Устроилась и проработала 22 года в автобусном парке.

Так вот мы здесь и бьемся с долгами за квартиру – вдвоем с Оярсом остались...

Сибирь

ОЯРС МЕДНИС

родился в 1929 году

Меня и нашу семью выслали 14 июня 1941 года, около четырех часов утра. Жили мы в Торнякалнсе, всех посадили в грузовую машину и повезли. Моросил дождик, казалось, Латвия плачет, родина оплакивает своих детей...

Да, сначала об отце и маме. Отец всю жизнь, до 1941 года, проработал на кондитерской фабрике Вилхелмса Кюзе. Когда-то их называли агентами, теперь называют экспедиторами – он доставлял в магазины товар, производимый на фабрике, – печенье, бисквит, халву. Был он человек активный, в 1927 году основал известный смешанный хор Fortissimo, все годы был председателем его правления.

В те времена при всех крупных производствах были организации айзсаргов. Папу всегда влекла вода, и вот на территории фабрики он и его помощники построили моторную лодку на 40 человек, финансовую помощь оказал и сам Кюзе. Лодка была готова, и Кюзе предложил создать небольшой морской отряд айзсаргов из сотрудников фабрики. Лодка, безусловно, была предназначена для всех сотрудников – каждое воскресенье планировались поездки по Кишозеру, Лиелупе и т.д. Это была стабильная, мощная моторная лодка. Это об отце.

Мама была дома, воспитывала меня и сестру, кроме того, в нашей семье жила дочь маминой сестры. Сама сестра болела туберкулезом, и девочка, чтобы не заразиться, жила у нас.

В то утро страшно залаяла собака, и мы поняли, что что-то случилось. Дом окружили, вошли двое, один в штатском. Не знаю, на каком языке они говорили, папа владел немецким, латинским, русским, идиш, так как

владельцами магазинов в основном были евреи. Посадили папу за стол. Один был чекист, второй солдат с винтовкой. Остальные принялись обыскивать дом.

Помню все очень хорошо. В то время носки не выбрасывали, обычно чинили, штопали. У мамы были маленькие клубочки для чинки. У папы были химические карандаши, так как ими он выписывал счета. Один из них сунул в свой мешок и клубочки, и карандаши, которые лежали в металлической коробке. Золотые, серебряные украшения...

Подаренные на юбилей серебряные ложечки тоже оказались в мешке. У отца были медали за участие в Первой мировой войне, он работал санитаром под Саласпилсом, их тоже тот сунул в мешок. У меня хранятся фотографии отца, когда он был фельдшером.

Помню, забрал этот человек и «Майн Кампф» на немецком языке. Был составлен то ли акт, то ли протокол, отец подписал его. Нас никуда не выпускали, у мамы разболелся живот – такое случалось всегда, когда наваливались неприятности. Выпустили в туалет только в сопровождении чекиста. Мы, конечно, не понимали, что происходит. Мне было 12 лет, сестра на год младше, оба плакали, двоюродная сестра плакала, бабушка плакала, но их обеих не взяли. У бабушки была другая фамилия – Зариня, у двоюродной сестры – Мачс, в списке значилась только семья Меднисов.

Отвезли на станцию Торнякалнс, затолкали в вагон. На следующий день часов в 12 состав тронулся и медленно направился в сторону Даугавпилса. Нам в самом начале сказали, что далеко не повезут, с собой брать ничего не надо, было лето, что-то все

Никто не замерз, но сильно застудились, с нами и чекисты были, им хотелось погреться, так что ночевали в селах.

же взяли. Сказали, что останемся на территории республики, поэтому, даже когда выехали из Риги, ничего не заподозрили. На следующий день, пока эшелон стоял, двоюродная сестра принесла нам ветчину, ватное одеяло, какие-то мелочи в корзине. Так полуголые и отправились мы в далекий путь, не зная о том, что предстоит прожить там пять лет.

Сначала нас через Красноярск довели до Канска, потом обратно в Красноярск, где посадили на пароход, в трюм, по углам в коридорах. Сколько везли нас до этого поселка, не помню. Фактически его можно было называть факторией, так как на земле там не работали. Высадили пять семей, там уже были латыши, которых привезли до нас. А большинство повезли дальше на Север.

Во многих русских семьях мужчины были на фронте, председатели колхозов получили распоряжение разместить нас в домах у местных, благо была свободная площадь. Речь шла не о квартирах, их здесь попросту не существовало, поселить в бревенчатой избе, в большой комнате с печью посередине. Каждый занял свой угол. Кого-то разместили в пустующем хлеву. Одна семья вырыла на берегу

землянку, берег был очень крутой. Ребята постарше умели обращаться с лопатой, нарезали дерн, покрывали крышу землянки, жить можно было.

В другом месте – называлось оно звучно, Лебеди, – находилась фактория. Надо было заготавливать в тайге дрова для пароходов. Полутораметровые бревна напилить, наколоть, доставить из тайги на берег. Так что заготовка дров зимой и летом была самым главным нашим занятием. В колхозе было еще два десятка коров, у тайги были отвоены какие-то десять гектаров, но коровы все равно паслись в тайге. На отвоенной площади местные что-то сажали. Интересно, что о картошке они узнали только в 1936 году. Оставшиеся мужчины – или забракованные по какой-то причине – охотились, на несколько дней уходили в тайгу. Охотились на белку и ондатру.

В тайге была тьма грибов и ягод. Интересно, что грибы, которые у нас высоко ценятся, – подберезовики и другие, – местные считали ядовитыми и удивлялись, как это мы не травились. Они собирали только свинушки, солили на зиму. Брусника там росла величиной с нашу вишню, может, чуть

Ояр с отцом Петерисом

меньше. Мы, латыши, брали от тайги все, что можно было. Кедровые орешки мы продавали пассажирам пароходов, помню, продавали за три рубля стакан лущеных, потом на эти деньги покупали в колхозе молоко или еще что-нибудь. Брусника, как известно, может стоять долго без сахара. Сахара ведь у нас не было.

Случалось и так, что ни я, ни мама не могли идти в тайгу, болели, и председатель колхоза говорил продавщице: «Меднисы сегодня на работу не выходят, хлеба не давать!». Норма была 300 граммов. Сахара не было, спички продавали на вес. Однажды выдали постное масло. Потом пошли слухи, что ссыльным полагается американская помощь, прислали свиной жир в банках, но все ушло в другом направлении, нам не досталось. Муку раз в год осенью привозили на пароходе, и мы, четверо мальчишек, тащили мешок наверх – мешки были тяжелые. Научились муку воровать – мама из носовых платков шила мешочки, мы протыкали большой мешок и тайком, пока тащили, наполняли по горсточке, можно было сварить болтушку.

Местные по отношению к нам были настроены довольно враждебно, им понарасказали, что мы фашисты, что из-за нас началась война. А когда с фронта стали возвращаться мужчины без рук и без ног, ненависть к нам еще больше возросла. Были исключения – некоторые понимали, кто мы и почему здесь оказались. Интересно, что в том селе были люди, носившие всего две фамилии – Поповы и Ярковы. Потом выяснилось, что и они потомки высланных сюда еще в царские времена. Были и третьи, но преобладали Поповы и Ярковы. В школу хотелось, но русский язык пока не давался.

В 1940 году в школе начали изучать русский язык, но я гордо ответил, что он мне не понадобится, в Россию все равно не поеду, мне язык не нравился. Но жизнь выучить язык заставила. Мороз бывал и до минус 60 градусов, и хотя школа находилась недалеко, трудности были. Учила все четыре класса одна учительница, из Ленинграда. Не знаю, выслана она была или командирована. Светлый была человек, понимала, кто мы такие. Не знаю, почему меня и моего товарища по парте она однажды пригласила к себе, накормила супом. Мы с одноклассником в то время очень хорошо рисовали – танки, самолеты, пароходы, трамваи. Показывали и рассказывали, что это такое. Ребята такого не видели.

В селе прожили мы, кажется, два года. И тут счастливый случай – причалил однажды дизель-те-

плоход, мама пошла обменять самую свою дорогую вещь – обручальное кольцо. Женой капитана оказалась эстонка. Мама чуть-чуть знала эстонский, они сумели договориться. Не помню, кажется, жена капитана дала за кольцо хлеба и денег.

Мама про нас рассказала, и они договорились, что на обратном пути – они плыли на север – возьмут нас, три семьи, и отвезут ближе к цивилизации, в сторону Красноярск. Так и случилось, не помню, когда судно возвратилось из Дудинки, пришвартовалось, и мы тихо прошли на пароход, чтобы никто из местных не заметил, посадили нас в трюм, и мы поплыли. В Красноярск плыть они отсоветовали, высадили на полпути – в Енисейске. Там были латыши, можно было устроиться, выдавали продуктовые карточки. В 18 километрах находился поселок Подтесово, где суда зимовали. Перебрались туда на маленьком суденышке. Мамы отметились в комендатуре. Комендант попросил документы, но они ответили, что когда добирались, их обкрали. Паспортов у нас не было, отобрали, когда выслали. Комендант поверил.

Я устроился на лесопилку – вытаскивать бревна из воды. Мама до замужества работала мужским парикмахером. Парикмахерских там не было, а это была не деревня, это был большой поселок. Она заговорила о том, что могла бы стричь людей. Ей выделили небольшую квартирку, и мы втроем стали жить в одной комнате, в другой мама оборудовала парикмахерскую – брила и стригла. Долго пожить нам не удалось – комендант выяснил, что мы сбежали из фактории, что нас ищут. Маму вызвали к коменданту, и она уже не вернулась. Ее отправили в тюрьму, в Енисейск. Дали три года за побег, но в то время объявили амнистию, год она отсидела и приехала к нам.

За это время мы успели переболеть дизентерией, другими болезнями, голодали, так как по карточкам выдавали сухофрукты, хлеб и крупу. Этого было мало, ели все подряд, потому и попали в больницу с животами. Несмотря на нищету, я дважды ездил к маме в Енисейск, возил кое-какие продукты, полученные по нашим карточкам. Радость была большая, когда мама вернулась.

В Подтесове прожили мы, по-моему, около года. И вот, если не ошибаюсь, зимой 1944 года нас погрузили в сани и по льду отвезли на лошадях в Енисейск, там загрузили в машины – без укрытия, зимой – и три или четыре дня везли из Енисейска в Красноярск. Никто не замерз, но сильно

застудились, с нами и чекисты были, им хотелось погреться, так что ночевали в селах. В Красноярске нашу семью направили работать на обжиг кирпича. Из карьера в вагонетках лошади везли глину к печи, где ее месили. Работали и в ночную смену, нужен был кирпич, так как в Красноярске строили дома.

Здесь мы дождались окончания войны. В школу не ходил, окончил на пятерки четыре класса в Лебедево. Русские говорили хуже, чем я, наизусть Пушкина читал. Голова у меня была получше, чем у местных школьников. И вот пришло известие, что детей до 16 лет увозят домой. Но мне было уже 16, я не мог претендовать на отъезд, сестра была младше. Но мама хотела, чтобы и я поехал, упростила комиссию, упростила сопровождающую, чтобы и меня взяли.

И вот мы с сестрой приехали в Ригу, где нас встретила двоюродная сестра, она жила в Торнякансе. Она письменно завершила, что будет о нас заботиться, выучит. Она в то время изучала стоматологию, сама была студентка, но нас вытянула. Ели мы много. Хлеб был в цене и в России, и здесь. Буханка хлеба стоила, не помню, кажется 150 рублей. Каждый из нас в день съедал по буханке хлеба. Картошки не было.

Чем там питались – лебеда, крапива, орехи, помог выжить и дикий чеснок, черемша. Его и сейчас на рижских рынках можно кое-где найти. Солили черемшу и на зиму. Пережили там немало. Умирали те, кто жил в отдаленных местах. Цинга, зубы выпадали, пухли ноги, руки, умирали голодной смертью.

После окончания основной школы я имел право поступить без экзаменов в любое учебное заведение, чем я и воспользовался, став студентом Политехнического института. Первый случай. Каждый студент занимал в аудитории свое место, и время от времени я стал находить на столе записки следующего содержания: «Ты здесь нежелательная персона». Словом, угрожали расправой, и я ушел, испугался. Устроился учеником в отдел тканей Рижского универмага, зарабатывать надо было, сестра не работала, готовилась поступать в медучилище. В отделе кадров узнали, что я был там-то и там-то, хотя я в автобиографии написал, что находился во время войны в эвакуации. И в магазине проработал я девять месяцев, вынужден был уйти. С большим трудом, через знакомых, устроился сборщиком радиоаппаратуры на завод.

Было это в 1949 году. Через два года призвали, через три с половиной года демобилизовали. За это время трижды побывал в отпуске, видно, служил неплохо. Русский язык знал, и говорил, и писал хорошо, служил писарем.

Когда вернулся, мама и сестра второй раз находились в ссылке, после тюрьмы маме не разрешили вернуться домой, обе они, что было поразительно, оказались в том же месте – в Енисейске. Мы переписывались, но я все время опасался, что и меня могут отправить обратно. К счастью, этого не произошло. Когда я вернулся после армии, были изданы всякие декреты, шла реабилитация, и я занялся делом отца. Меня вызвали в чека и стали расспрашивать. Спросили, не художник ли я. Ответил отрицательно. «Но вы же оставили на службе одну картину, нарисовали ведь!» Сказал, что это репродукция картины «Сирень в вазе» и оставил я ее в части на память. Стали расспрашивать, что я делаю, где мать, где сестра.

Я осмелел, понял, что ничего плохого меня не ждет, сказал: «Вы же знаете, что мать и сестра в ссылке, в Сибири, зачем спрашиваете?» И тут один из четверых, допрашивавших меня, говорит: «Мы и вас хотели взять, но так как вы служили хорошо и Москва нам ответила – пусть дослужит, мы этого человека перевоспитали, мы вас не тронули». Таким образом я избежал вторичной ссылки, а сестра провела там пять лет. Первый раз пробыла пять лет, и второй раз она пробыла пять лет, всего десять лет. Ей было труднее, у нее с ногой была беда – упала с качелей, перелом, неправильно срослась по вине врачей, несколько операций было. Трудно пришлось ей во второй ссылке.

Скажите, вы надеялись, что Латвия вновь обретет свободу? Надеялся. Но не думал, что путь ее будет таким трудным, она пришла, но я не чувствую, что пришла свобода. Может быть, не стоит этого говорить, но в советские годы, в последнее время, мы жили вполне хорошо. Я получал пенсию, подрабатывал, когда вышел на пенсию...

Атмода мне тоже ничего не дала, сейчас я являюсь арендатором квартиры в частном доме, оплатить квартиру уже почти не в состоянии, я теперь один со своей пенсией, мне грозит выселение или хозяин предоставит мне меньшую площадь. Если хозяин компенсирует мне эту квартиру, даст денег, я смогу уплатить долг за квартиру сестры, мы тогда будем вдвоем, потому что мы из рода Меднисов только двое и остались...

АРВИДС МЕДНИС

родился в 1929 году

Когда нас выслали, мне было 12 лет.

14 июня 1941 года отец пошел на работу, но от ворот его вернули назад. В доме начался обыск. Язык был русский, главный был Иванов. Ничего не нашли. Мама стала кричать, что мы ничего не делали. Бабушке было 88 лет, она с трудом ходила, ее забросили в машину, словно мешок с картошкой. На станции Торнякалнс на следующий день всех мужчин высадили из вагона.

В нашем вагоне было много евреев. Был Упмалис с женой, отец знаменитого футболиста. Все кричали, что не могут оставить жен. И двери нашего вагона с грохотом закрылись, потому что чекистам не понравилось, все было очень громко. Представляете, что это была за поездка! Женщины с детьми, старые и больные – все вместе. Приехали в Канск. Ночь провели под открытым небом, потом стали нас разбирать, как рабов. Работали в совхозе. Не платили, но кормили. Сначала хлеб с половой проглотить не могли, потом привыкли. Я тоже работал. Со школьной скамьи, от фортепьяно – верхом на лошадь. А лошади были никудышные.

Наступила зима, латышей отправили на лов, в угольные шахты, забрали и папу. Были такие Крузес, только дети, сосланные, старший Лаймонис, потом Велта и Янитис, младше меня. Папа и мама пожалели их, они стали жить с нами.

Местные не хотели отца отпускать, но его все же во второй раз забрали на Север. А мы остались с мамой. Позже Лаймонис, Велта и Янис уехали на Дальний Восток. И остались мы с мамой вдвоем.

Говорят – лагерь, тюрьма, там давали есть один раз. А здесь – ешь, что хочешь. Снег, тайга, один раз давали что-нибудь горячее, потом надо было подписаться,

что ты отказываешься от хлеба в пользу блокадников Ленинграда, и тогда вообще нечего было есть. Весной искали крапиву, лебеду, гнилую картошку.

Зимой я должен был возить дрова, летом пахать и боронить.

Кончилась война, отец получил разрешение, пересели к отцу в Кузбасс, там стало лучше, были американские консервы.

На базаре встретил латышских легионеров. Услышал разговор, подошел, спросил, откуда. Они на меня смотрят: «А ты, парнишка, как здесь? С 1941 года и еще жив?»

В 1947 году выдали волчий паспорт, можно было уезжать домой. Я уехал первый, потом вернулись отец с матерью. А 31 октября 1949 года начался обратный путь в Сибирь.

Оказались мы в 60 километрах от Канска, снова работа. А потом замечательный день – умер Сталин. Когда все плакали, я радовался. Потом хрущевская оттепель, можно было ехать в Красноярск учиться. Поступил в техникум, учился до конца 1956 года. Вызвали меня в прокуратуру, сказали, что настроен я хорошо, могу ехать, куда хочу. Ушам своим не поверил, спросил только: «А отец, мама?» – «С этим вопросом в чека». Пришел, там полковники и генералы. «Мы бы ваших родителей освободили, только все документы в Риге, только там это могут сделать».

Полетел в Ригу. Стоял в очереди к полковнику Карпачу. «Родители ваши такие элементы...» –

«Какие элементы?» Работали, больше ничего. Дом во время Первой мировой войны сожгли. Комиссия по устранению жилищного кризиса выдала заем на строительство дома. Но сначала надо было возвести

...потом надо было подписаться, что ты отказываешься от хлеба в пользу блокадников Ленинграда, и тогда вообще нечего было есть.

фундамент дома, представить план – за собственные средства. Потом только выдавали кредит.

Я сказал: «Ну, так отдайте моих родителей под суд!» – «Идите к Спрогису!» Сказал, что был у него. И тут Карпач как вскочит: «Почему же я должен освободить ваших родителей, если прокурор Спрогис освобождать не хочет?» Мне этого хватило: «Укажите следующую инстанцию, куда мне обратиться». Наступила тишина. Потом он говорит: «Хорошо. Освобожу ваших родителей».

Вернулся в Красноярск. Действительно, через полтора месяца пришли бумаги. И в 1957 году мы вернулись второй раз. Юрист сказал, что дом наш не национализировали, отец и мать под судом не были, и по советским законам дом является выморочной собственностью до тех пор, пока у него не найдется хозяин. Дом мы вернули, но со всеми жильцами. Это долгая история. Появилась у нас квартира, жили до второй ссылки. Могу рассказать в подробностях. Центральная тюрьма, охрана. Как взяли? Мы с отцом работали вместе, он был хороший маляр. В ту ночь я был у друзей, вернулся утром, в квартире темно. Захожу. «Руки вверх!» Так нас и увезли. В столыпин-

ском вагоне до Москвы, оттуда в Куйбышев, оттуда в Красноярскую тюрьму, где стены метровой толщины. Гнали под конвоем, с собаками. По приказу конвоя собака вцепится моментально. Мама поехала с нами, хотя у нее была температура под 40 градусов. Теперь вся эта прелесть дает себя знать. Сейчас, когда Латвия обрела свой флаг и герб, мы радуемся, но правительство теперь лишает репрессированных всех льгот – лекарств, на визит к врачу. Естественно, думаешь – что же это за правительство?

Когда ехали, не голодали, было печенье Кюзе, воду давали, не голодали.

Помню высказывание старого еврея: «Гитлер этот ненормальный, но Сталин еще ненормальнее». Ехал с нами профессор еврей с женой и сыном, солидные люди. Они остались в Канске. На обратном пути на шахте встретились. Профессор уже умер, как и моя бабушка.

Отец умер в 1971 году, мама в 1978 году. Два раза выслали, все вернулись, за исключением бабушки.

У меня дочь и сын, очень хорошо. Есть и внук, так что надежда не угасла...

Сибирь

Арвидс в Латвии

АРИЯ МЕЖАНЦЕ (БЛУМЕРЕ)

родилась в 1933 году

В ту ночь, в 1941 году, я спала в спальне родителей и слышала, как под окнами кто-то ходит, словно бы прислушивается к чему-то. И мама с папой о чем-то тихо переговариваются, о чем, я не слышала, но испугалась. Теперь-то я понимаю, слушали, что делают родители. Потом уже, на Севере, мама нам рассказывала, что отца предупреждали – беги, уезжай. Отец якобы ответил: «Никуда я не побегу, я останусь с семьей». День, когда нас забрали, был ясный, солнечный. Это было воскресенье. Янис с ребятами играл во дворе. Робертс, старший брат, был в музыкальной школе, в Илуксте. Мама с тетей прибирались в доме. Подъехал грузовик, вышли военные. Спросили, где отец. Мама ответила, что его нет, но скоро вернется. А они тут же: «Собирайтесь!». Предупредили, что никаких вещей не брать, только то, в чем одеты, ничего лишнего взять не разрешили. Абсолютно! Некоторые в Сибири рассказывали, что взяли с собой много вещей. Мама заволновалась, что дома нет старшего сына. Ей ответили, чтобы не беспокоилась, и его тоже привезут. И тут на дороге показался папа. Его тут же взяли, посадили в другую машину и увезли. В это время возвращался на велосипеде Робертс. Его тоже посадили в машину, велосипед забрали себе. И отвезли нас всех в Даугавпилс. Отца с нами не было. Мама спрашивала, где папа, на что ей ответили, чтобы не беспокоилась, встретятся в конце. В Даугавпилсе мы стояли, составы толкали с одного конца в другой, и рядом оказались два состава, товарные вагоны, оконца крохотные, за решеткой, такой крик поднялся, все звали своих, и в одном окошке показался отец. И отец плакал, я только его помню, он плакал, и мама отрезала кусочек сала и хлеб и протянула ему. Не знаю, попало ли к нему это, стоял ли там честный

человек, отдал ли отцу. Это было последнее мгновение, когда мы видели отца. Его отвезли в Гулаг, в Кировские лагеря, но куда точно, мы не знали. А нас отвезли в Красноярск. Там уже ждала машина, стали развозить по деревням, кого куда.

Мы попали в большой поселок Сользавод, был там завод, да. Поселили к местным жителям. Денег ни у кого не было, все, что взяли с собой, съели в дороге. И стали продавать матери свои платья, детскую одежду, осталось только то, что сами носили. Одежда же была хорошая, и русские давали продукты, чтобы мы могли жить. И уже осенью приехал оперуполномоченный: «Собирайтесь, поедете дальше, на Север». А что там собираться – ни вещей, ничего. Отвезли нас последним пароходом, а пароход тащил баржу. Привезли в Туруханск. Потом повезли на Нижнюю Тунгуску, кажется, за 160 километров. Маленькая деревенька, несколько домишек. Была почта, лавка, куда местные приезжали закупаться. И высадили нас на берег, прямо на камни, немцев и нас, две семьи, и оставили, и пароход поплыл обратно. Недолго мы там просидели, в том местечке. Приехал уполномоченный с местными эвенками. Отвезли от того места за 20 километров, а то и больше. Привезли на большое озеро, большое там озеро было. И снова там лавка, склады, там продукты для местных хранились. Мука, масло, все, что надо местным. Склады, склады, лавка, домишко, где жила продавщица с мужем. И больше никого, никого больше. Привели нас на берег озера и сказали: «Стройте землянки, будете зимовать».

Представляете?! Немцам лучше, среди них и мужчины были. А мужчина есть мужчина, что-то понимает, хотя бы как землянку рыть. А моему старшему брату Робертсу было 14 лет. И стали мы рыть. Немцы подсказывали,

И отец плакал, я только его помню, он плакал, и мама отрезала еще кусочек сала и хлеб и протянула ему.

что делать. Рыли, а на глубине земля промерзшая, вечная мерзлота. Отрыли, сколько могли, потом бревна, сверху что-то похожее на крышу, хвоя. Наносили веток, сколько могли. Так мы там и зимовали, в земле. Полуголодные. Разрешили продавщице давать нам то ли 400, то ли 300 граммов хлеба. Немцы умирали один за другим, особенно мужчины. И болезни начались, простужались, север ведь. А продавщица, когда увидела, что мама хорошо знает русский язык, попросила ее и еще одну женщину, латышку, ей помогать. Мама вела ее бухгалтерию, вторая женщина убирала, вот потому-то и остались мы живы. Эта женщина была настоящая, как русские говорят: добрая русская была, она нам и муки подбрасывала, мама каши варила, может, и лишний кусок хлеба давала. Так мы зиму ту и протянули. Осенью снова приехал уполномоченный и сказал, что снова надо ехать дальше на север, к оленеводам, еще за 300 километров севернее, в сторону Норильска. Там была фактория – больница, метеостанция, само собой магазин, рация еще была. На берегу большого озера школа с четырьмя классами. Ну, вот, будете работать учительницей. Привезли нас туда, мальчикам негде было учиться, их забрали в экспедицию, остались мы с мамой.

Мама работала учительницей, я пошла в 3-й класс, ни в 1-м, ни во 2-м не училась. Окончила 4-й, дальше надо было ехать в Туру, в центр, там была десятилетка, а это тысяча километров. И мама договорилась с начальником золотодобывающей экспедиции и еще с одним геологом, чтобы они взяли меня с собой и отвезли в Туру, в интернат, где я смогла бы учиться. Ну, они, люди образованные, взяли меня. А была уже осень, поздняя осень. Нужно было успеть на последний катер. Добирались, как могли. Они сколотили плот, и мы поплыли по огромному озеру, по порожистой горной реке. А там горы, река бурная, пороги, камни летают по воздуху. Ужас! На плоту двое мужчин, ну, они люди привычные, северные, а я ребенок, они даже привязали меня, чтобы я могла удержаться. Вроде бы счастливо перебрались, а перед самым большим порогом они высадили меня на берег, я по берегу шла, сами перебрались через порог, потом снова взяли меня на плот. Красиво-то красиво, но в то же время и боязно. Огромная скала, на самой вершине медведь, огромный, медведей там очень много. Ну, ладно, стоит себе на скале и пусть стоит, а иногда и на берегу, и мужчины говорят: «Надо как можно быстрее», медведь-то не боится, заходит в воду и плавает, может плот опрокинуть. Как же мне было страшно! Плыдем дальше, стоят олени. Рога

большие, красивые. Все это, конечно, очень красиво, но не все так просто. Если страх с тобой все время... Ночью выходили все на берег, они вытаскивали плот, приносили дрова, разжигали большой костер, чтобы звери не подходили, медведь огня боится, и волки. Они спали, им надо было отдыхать, чтобы плыть дальше, а я сидела, огонь сторожила. И чуть какой шум – будить их. Не описать, какой страх я пережила. Добрались до нужного места, а последний пароход ушел. Что делать? А этим мужчинам обязательно надо было попасть в Туру. И детей было много, которые ехали учиться в Туру. И латыши, и эвенки, и русские дети. Что делать? Мужчины сказали: «Мы потащим лодку против течения, уложим свою аппаратуру, вещи, а вам придется идти пешком». 160 километров до Туры пешком. И пошли. Не одна я, собралась целая компания. Трудно было по камням идти, как долго шли, не помню, но до Туры добрались. Мужчины отвели меня в интернат, и стала я учиться. В интернате держали только до 8-го класса, учеников средней школы уже не держали. В интернате было ни плохо, ни хорошо, все время хотелось есть. Но зато тепло, была своя кровать, ходили в школу, учились. Окончила я семь классов, и даже мысли не было, чтобы не учиться дальше, в средней школе. Учиться я хотела во что бы то ни стало. Жила в Туре семья, вместе с которой отвезли нас на Солязавод. Жили они в будке, сколоченной из досок, небольшая комнатка, мать работала в бане, рукодельница была большая, подрабатывала, чтобы выжить.

Были у нее две дочки – Дзинтра и Инта. Инта умерла на Севере, а Дзинтра живет в Риге, мы с нею постоянно видимся. Так вот, эта семья взяла меня к себе. Два топчана из досок, на одном спала Дзинтра с мамой, на другом мы с Интой. И железная печка – пока топилась, было тепло. Два года я у них жила, в школу ходила.

Потом мои братья приехали в Туру. Поступили в сельскохозяйственное училище, это как техникум. Братья работали и учились, надо было как-то жить, они и мне помогали, содержали меня. Когда я перешла в 10-й класс, с Севера приехала мама, ей разрешили переехать в Туру. Старшему брату Робертсу – он к тому времени окончил училище, его оставили там работать – дали однокомнатную квартиру. Так мы там и жили все вместе. Я же хотела и дальше учиться. Не пускали нас, всякие препятствия были, писали в Красноярск, писали в Москву. Через год разрешили, и я уехала в Енисейск. Был там педагогический институт. Учиться предстояло пять лет, хотя обычно в

педагогическом институте учатся четыре года. Раньше там готовили кадры, которые потом посылали в социалистические страны – в Болгарию, Венгрию, в Китай, конечно, тех, кто хорошо учился. Тех, кто плохо учился, тех... знаете, как в молодости, дурь в голову. А когда мы учились на 3-м курсе, все кончилось, запрет, в соцстраны уже не направляли. А когда окончили институт, мы уже освободились. Но местная власть нас не отпускала.

В 57-м году все уже считались свободными, а местные власти паспортов нам не давали. Да, еще. В институте до последнего дня каждый месяц надо было отмечаться, что ты не сбежал, что на месте. На 5-м курсе я вышла замуж, а когда окончила, мужа направили по комсомольской путевке на Братскую ГЭС, и я поехала к нему. Год прожила в Братске, работала в школе, но сын болел, и я уехала в Латвию. Было это в 1960 году.

Приехала и пошла в наше Министерство внутренних дел: «Покажите мне, пожалуйста, документы по делу моего отца, моей матери, нашей семьи». Показали. В деле отца оказались четыре фамилии доносчиков. Он якобы заставлял всех поляков, ли-

товцев, словом, всех изучать латышский язык, дети должны были ходить в латышские школы, чтобы они, раз живут в Латвии, образование получали на латышском языке, вот так вот. Это была главная причина – националист. Отправили его в лагерь, а в лагере была такая формулировка «Приговорен к расстрелу!». Свидетельство о смерти отца не получали. Только из дела узнала, как и что. А в 60-м, когда приехала с сыном в Латвию, получила направление в Талси, в среднюю школу. Сначала преподавала математику, потом была завучем. Преподавала в русских классах, там же были и русские, и латышские классы. Потом в латышских школах не было учителя математики, и директор направила меня. Я была в ужасе: «Там же термины, я не знаю, как буду учить ребят!?» Директор сказала: «Учись сама!».

Я по-латышски немного разговаривала, но с акцентом, у меня и сейчас акцент сохранился. И я сказала детям: «Вы видите, что я по-латышски говорю плохо, но я буду стараться, и если я неверно что-то скажу, вы меня поправьте. Я буду только благодарна, но вы надо мной не смейтесь. Будете смеяться, я сразу же уйду». Но дети отнеслись ко мне очень хорошо.

Ария (слева) в Сибири

ЭДВИНС МЕЙЕРС

родился в 1926 году

Звать меня Эдвинс Мейерс, сын Албертса. Родился я в Айнажи, на полумызе «Саулиши».

В начале 30-х годов отец построил дом под Айнажи, и мы переселились на хутор «Мейери». Детство прошло в отцовском доме... Учился в Айнажи, шесть классов окончил в 1941 году.

16 июня должен был получить свидетельство об окончании школы, а когда 14 июня пришел домой с моря, во дворе увидел грузовик с солдатами, были и двое в штатском. Ни один из них не говорил по-латышски... Международное положение шаткое, надо уезжать в центральную Россию. Отца усадили за стол. Мама, вся в слезах, ходила по дому. Малыши – Олафс и Гунта – ничего, конечно, не понимали. Олафс родился в 1933 году, Гунта – в 1935-м. Была еще сестричка Лония.

Мне разрешили пойти в «Мишки», к бабушке. Вернулся я вместе с бабушкой. Заглянул в шкаф – одежда на месте. Мама только уложила в корзину посуду, сидела и плакала, ломала руки. Разрешили сходить в город, позвать маминого брата. Когда мы пришли, семью уже посадили в машину и отвезли в центр Айнажи, к дому владельца порта Айнажи Асарса. Взяли их и семью Микельсонсов. Отвезли на станцию Алоя. Там отцов отделили от семей и посадили в телячьи вагоны, матерей с детьми – в другие вагоны для перевозки скота.

Так тогда закончилась наша жизнь в Латвии. 22 июня, когда началась война, мы стояли на станции Великие Луки.

В нашем составе было 60 вагонов, два паровоза впереди, один сзади. Когда тронулись, стало нас так мотать, что никто на нарах не удержался – попадали вниз. И так происходило довольно часто.

Когда ехали по Латвии, нас не кормили и не поили. В России стали давать кипяток и соленый хлеб, какого никто раньше не ел. И пшеничную кашу один раз в день. До Кирова останавливались ненадолго, когда давали воду и выносили умерших. С нами ехала семья Нейманисов, там только что родился ребенок, он, конечно, умер. Одну женщину сняли на полпути, и больше мы ее не видели.

В Новосибирске вагоны поделили – часть направили на Енисей, нас – в Томск. Там нас пересадили на баржи и повезли в Колпышево, часть высадили, остальных повезли в Парабель. И там уже развозили по деревням.

Нашу семью отправили в село Кирилловка, в колхоз «Правильный путь». Вещи везли на лошадях, сами шли рядом километров 60. Семей было много – Силиньши, Калниньши, Тесисы, Петерсонсы... Госпожа Неймане, у которой умер ребенок. Ребенка тогда забрали, но ее из вагона не выпустили. Всех не помню.

В колхозе расселили по домам, прожили мы там года полтора. Колхоз по тем временам был хороший, председателем был украинец Бридков, видно, из хозяев, потому что руководил колхозом умело. Было много лошадей, большие поля. Помогали соседним деревням – Щучино, Ключи. Там жили в ужасных условиях. Щучино находилось километрах в пяти-шести от нас, а до Ключей не было и полкилометра. В первый год до самой зимы я проболел сухим плевритом. Думал, что отправлюсь

к святому Петру. Но не захотел он меня принять. Так всю зиму и прожил за мамин счет. Не было ни работы для подростка, ни подходящей одежды, наша одежда в тех условиях не годилась.

Через год я уже был настоящим сельскохозяйственным рабочим, надо было пахать, бороновать. Они еще удивлялись, что фашист умеет лошадь запрягать.

Сибирь

Через год я уже был настоящим сельскохозяйственным рабочим, надо было пахать, бороновать. Они еще удивлялись, что фашист умеет лошадь запрягать. Всех нас называли фашистами, по фамилиям называли только председатель колхоза и бригадир. Или просто «ты».

Кто работал, получал по 700 граммов хлеба, какой уж был – с мякиной. Детям полагалось 300 граммов. Маленькие Олафс и Гунта ходили в детский садик, по крайней мере, получали суп, в котором плавали несколько ломтиков картошки. Всю одежду, какая была, обменяли на картошку. Так дождались весны.

Те, кто работал с лошадьми, дважды в день получали горячую баланду – несколько картофелин и крупа, сваренные на воде. А осенью уже можно было поесть. Осенью из села отправили собирать ягоды для Военторга на остров Былина – «остров смерти». Из дерна строили барак.

Пахали на лошади, и на руках мы подносили дерн и складывали из него барак. Длина его была 80 метров, ширина шесть метров. Между кусками дерна выкладывали ветки ивы, чтобы дерн не провалился. Потом сложили печь. Но топить не пришлось. Нас отвезли в тайгу, в село Сосновка, на берег реки, где надо было собирать бруснику для армии. Норма была два ведра брусники и ведро грибов.

Иногда выполняли, иногда нет.

С острова забрали 80 семей, а в ноябре, когда упал снег, из тайги вышли 80 человек. Остальные

пропали в тайге, и никто их не искал. Когда выхо-дили, пропали трое...

Остров назвали островом смерти потому, что там очень много наших осталось. А весной, когда начался ледоход, барак смыло до основания. Двое суток мы добирались до Колпашева. На мне остался отцовский френч и штаны. Ни рубашки, ничего. На ногах лапти, обернутые сухой травой и тряпками. Отцовские штаны были завязаны под горлом, а карманы служили рукавами. И отцовский френч до колен.

Тогда все мы остались в живых. Малышей и стренку Лонию мама оставила в Волкове, в восьми километрах от Колпашева, а меня и Валию отвезла в Колпашевскую ремстройконтору.

Там занимались ремонтом, внутренней отделкой новых домов, заготавливали уголь из березовых поленьев для работы в кузнице. Печь топили, обкладывали дерном, чтобы воздух не попадал, и получался уголь. Валия заготавливала уголь, drankу, а меня поставили помощником к каменщикам.

В 1943 году меня отправили в помощь землемерам. Землемер Михаил Васильевич Чернов, пусть земля ему будет пухом, хороший был человек. И начал я у них работать. Носил инструменты, зарабатывал до 260 рублей. В стройконторе только 130, а хлебная норма – 750 граммов – на базаре стоила 180 рублей.

Всю осень проработал с землемерами. Чернов был мною доволен, работал я четко. Написал просьбу в комендатуру... дважды в месяц надо было приходить отмечаться... чтобы направили меня к ним как специалиста. Зимой работал на племпункте, летом у землемеров, с марта. На льду вода с полметра, я должен перейти на тот берег и указать, где этот берег находится. Какая радость?

При впадении реки Кеть в Обь была огромная лесопилка, маму поставили к подъемнику. Зимой бревна выкалывали изо льда, бросали в пруд, куда из котельной пускали горячую воду. Когда бревна оттаивали, их крюками вытаскивали на берег и доставляли на лесопилку. Целый день крюками приходилось бревна ворочать.

И однажды мама свалилась в пруд, а чтобы переодеться, надо было идти наверх, в барак. Мама упала, замерзла, шевельнуться не могла, сколько она там пролежала, никто не знал. Мы были за восемь километров, младшие в детском саду. Остальные работали. Кое-как она доползла до дома и через месяц умерла. В марте или в феврале 1943 года.

Глубокой зимой. Узнали, что мама умерла, без разрешения комендатуры уйти нельзя, а разрешение нам не давали. И тогда мы с Валией по льду добрались до Толгара и маму похоронили. Вернулись, а в комендатуре уже знали, что мы уходили, Валию, как старшую, арестовали и целый месяц она мыла кабинеты. За то, что ушла хоронить мать. «Гуманные» русские!

Кажется, следующей осенью Кудиса, Биедритиса, потом Карлиса, фамилию не помню, этих троих и госпожу Балодис – всех четверых арестовали за антигосударственную деятельность и подстрекательство против советского режима. Хотя они ничего не делали.

Однажды праздновали день рождения Велты Биедрите – сестры Талиса. Был кофе из хлебных корок без сахара... сахара мы там не видели. Играл патефон, и все...

Их арестовали, а на другой день меня вызвали на допрос... Хотя я в то время в бараке не жил, жил у районного агронома Леонида Васильевича Усова. Но меня в течение недели каждую ночь вызывали на допрос. Днем работал на скотном дворе, с допроса возвращался в два-три часа ночи. Дважды приставляли пистолет к носу, чтобы говорил правду. А что у того дурака было в голове, знать невозможно... То ли это майор был, то ли подполковник – пытался заставить меня сознаться в том, чего не было. Странно, что отпустили.

Когда работал в конторе, заболел малярией. Перед тем, как возвращаться в Латвию. Меня уже списали, но я выкарабкался и в Латвию вернулся... Отыскал настоящий хинин, хватило двух таблеток...

В 1947 году меня сняли с учета в комендатуре, и приехал я домой в мае или в начале июня.

Было распоряжение снять с учета всех 1926 года рождения и младше. Но жить в столице и в промышленных центрах мы не имели права. А буквально через неделю комендатура принялась меня разыскивать. Валия рассказывала, что меня считали беглым, хотя сами же выдали паспорт и разрешение.

Приехал я в Ригу к теткам. На другой день отправился в Айнажи и на дядькином велосипеде поехал в Лимбажи, зарегистрировался в МВД. Там бумаги мои вертели-крутили...

Знакомые устроили в дорожную службу. Собирали камни, рыл канавы, работал на камнедробилке. Потом работал грузчиком в Айнажском потребоб-

ществе. Сдружился с шофером Круминьшем, и ездили мы с ним до 23 или 24 августа 1950 года, когда меня все-таки снова забрали.

Пришел местный милиционер и сказал, что у него мотоцикл барахлит. У него с войны остался BMW – цепь порвалась. А меня уже ждала тройца из Всесоюзного розыска. Отвезли в Лимбажи, неделю там околачивался. Потом отвезли в Валмиеру, просидел 10 дней. Потом в Ригу, оттуда поездом в Ленинград. Сидел в «Крестах».

Тюрьма действительно как крест. Полуметровые стены, столы и скамьи вмурованы, нары вмурованы. Просидел с зеками дней 12, пока не набрали этап. Вместе с уголовниками отвезли в Киров, очистили от вшей. В столыпинских вагонах в Омск, потом в Новосибирск...

Когда мама умерла, Валия забрала к себе в барак братишку и сестренку. Олаф пас коров бухгалтера стройконторы Владимира Николаевича Клацкова, подружился с сыном Денисова, они были одного возраста.

Решили идти в ремесленное училище, выучиться на столяра. Год проучились, и отправили их в Томск, на завод резиновых изделий, истопниками. А они в топку котла войти могли, не сгибаясь. Сбежали они из училища, пешком отправились в Новосибирск. Оттуда поездом до Киева, там он и пропал, и по сей день...

Гунта приехала в Ригу, когда привозили всех латышских детей. И снова Валия мыла полы в комендатуре за то, что самовольно отправила ребенка в Латвию.

А я 31 декабря 1950 года сел в Томске в грузовик и уехал в леспромхоз, в Орловку. Это был какой-то филиал. А там одни зеки... Из 12 ЗИСов работали только два лесовоза. Я выдал себя за знатока, и остались всего два не на ходу. Остальные работали в лесу. Я там и в кузнице работал, и в инструментальном отделе... Мастером на все руки оказался.

В 1952 году МРС перебралась в другое место. Я не поехал. Женился на местной чалдонке. Построил в Сибири дом, в Орловке. Работал шофером в артели «Красный Восток», где жена была главным бухгалтером. Не думал, что когда-нибудь вернусь домой.

Родился сын. Вырос и стал жить своей жизнью среди русских. В пьяной драке его пырнули ножом... С женой мы разошлись.

Приехал домой я в 1956 году.

НОРА МЕЙЕРСОН (МАЛЕР)

родилась в 1927 году

В семье был отец Александр, мать Роза, бабушка Анна. Жили на улице Сколас. Родители хотели, чтобы я училась на государственном языке. Были и еврейские школы на государственном языке. Это была особая школа, детей принимали с пяти лет в детский сад. В детском саду я три месяца молчала, ни одного слова не произнесла. Учительница решила, что я настоящая дурочка, но я вдруг сразу заговорила свободно. Прочилась я в этой школе два года, потом пошла в еврейскую школу, окончила 5-й класс, а тут и советская власть. Нас объединили. С мамой дома разговаривали по-русски. Ее семья в Резекне пользовалась большим уважением. Отец родился в Риге, семья его из Польши, сейчас это Белоруссия.

В 1940 году отца выгнали с работы, он был главным инженером в компании Shell. Никуда на работу не брали. Мама была зубной врач. Жили мы хорошо. Арестовывать нас пришли очень вежливые кагэбэшники. Сказали, чтобы собрали вещи. Сами ушли.

Оставили одного солдата, который заснул. У нас были родственники, высланные из Польши в Казахстан, мы знали, каковы там условия, что надо брать с собой. Пришли ночью. Мы взяли много вещей. Хотели, чтобы бабушку оставили. Ей было 80 лет, но ни за что, посадили и ее в вагон. Мужчин забрали. Больше мы отца не видели. Он был в Соликамске. А так как он был инженер-химик, то работал в конторе, там не кормили. Он быстро умер от голода.

А нас привезли в село, в Томскую область, в Каргасокский район. Мы вышли в селе Белый Яр. Сразу же отправили работать. Наши женщины делать ничего не умели, от голода со-

всем ослабели. Были и латыши, те приспособились, работу выполняли. Но и среди них люди умирали. Осталась девочка – Ильзочка, ее взяла одна пожилая дама и вырастила. Наступил сентябрь, я пошла в школу за 15 километров. Там было общежитие. Еда своя. Кровати были. Каждую субботу бежала домой – поесть картошки. Хлеб в школе давали. Больше ничего. До 1948 года я постоянно хотела есть. Нам повезло – у коменданта была серьезная язва желудка. Практически он к нам никогда не приезжал, не вмешивался.

Первое лето работала на сене. Косить никто не умел. Местные на нас злились, это были сосланные кулаки. Им самим пришлось строить дома, работать. А нас привезли и к ним в дома поселили. Они к работе были люди привычные, а для нас все это было чужое.

1 сентября 1941 года я пошла в школу. Окончила семь классов. В колхозе ловко справлялась с терблением льна. Копали картошку. Следующей осенью пошла учиться в Каргасокскую среднюю школу. Общежития не было. Жила в семьях – у латышей, у русских. Помогала, работала. Где-то покормят, что-то дадут, но есть хотелось постоянно. Бабушка держалась хорошо, готовила, но потом год лежала не вставая. Мама с ней намучилась.

У мамы с собой были инструменты. Она лечила зубы, за это кормили. Когда бабушка умерла, мама приехала ко мне в Каргасок. Никто ее не искал. Хозяйка сдавала комнату рядом. Мы жили вместе

с еще одной семьей. Трудно было с дровами. Каждый день после школы приходилось на санках ходить за дровами.

В 1945 году я окончила десятилетку и получила разрешение поступать

*Наши женщины
делать ничего не
умели, от голода
совсем ослабели.
Были и латыши,
те приспособились,
работу выполняли.*

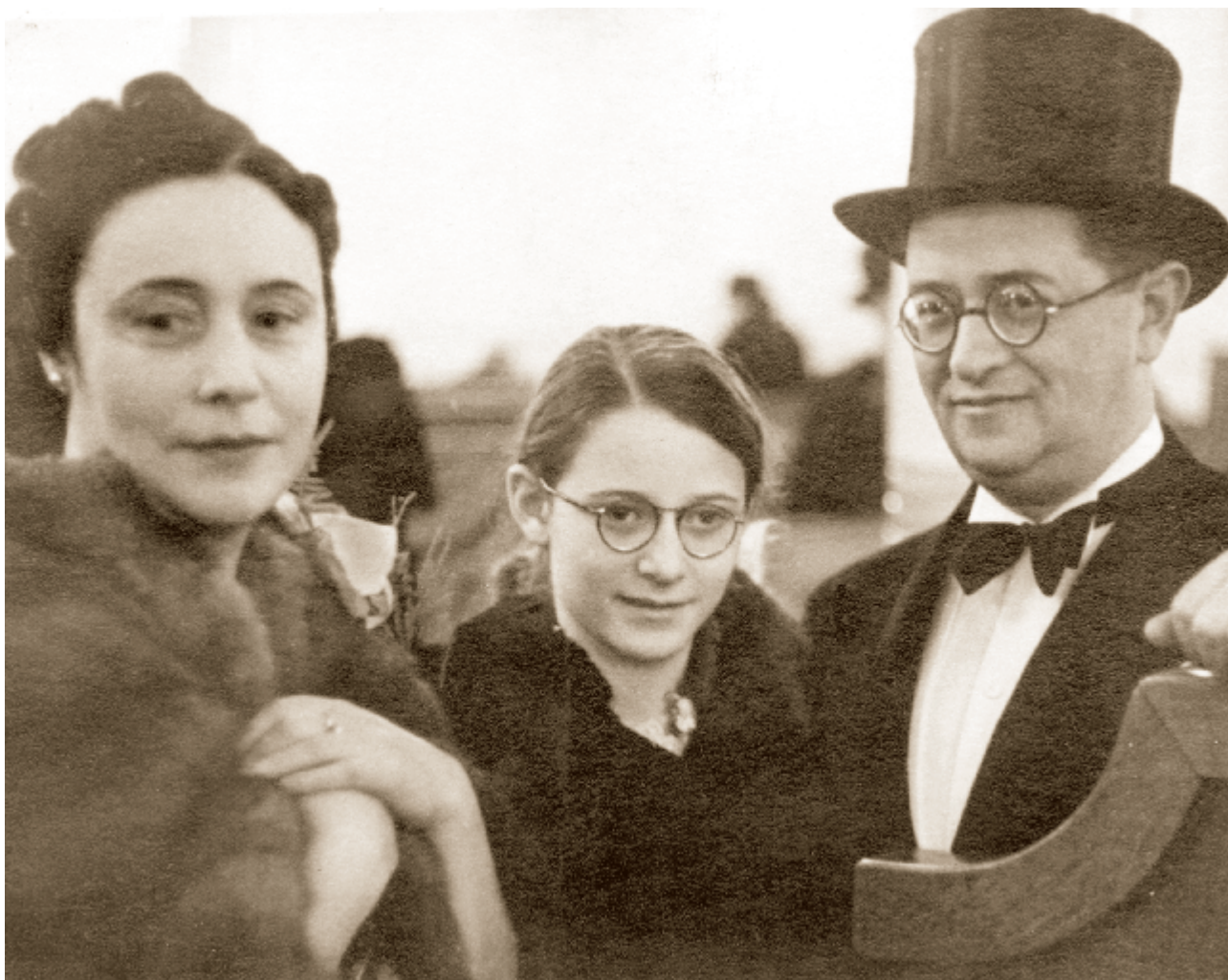
в медицинский институт. Экзамены сдала хорошо, должны были принять. Пришла на комиссию, они, очевидно, думали, что я эвакуированная, а я оказалась ссыльная.

Директором был Жданов. У меня болела рука. Он дал направление в хирургическое отделение. Устроилась в общежитие уборщицей, параллельно училась. Жданов уехал. Пошла к его заместителю. Он был еврей. Меня приняли. Училась на стоматологическом факультете, окончила в 1949 году. Приехала в Томск, сказали – нам такие специалисты не нужны. Осталась в Томске, работала в отделении Красного Креста.

В 1948 году у меня уже был вольный паспорт. Поехала в Новосибирск, устроилась на работу – в легочный диспансер. Там меня и арестовали. Посадили во временную тюрьму, потом отправили в Томскую тюрьму. Там мне сказали, что я ссыльная и отправили обратно к маме.

Мама была смелая женщина – устроилась работать в Тегульдете. Там был медпункт. Комендант был омерзительный. Он хотел отправить меня в колхоз, в птичник. К счастью, его убрали – за разврат. Устроилась участковым врачом и проработала там три с половиной года. Окончила курсы переквалификации, и направили меня в Тегульдет. Через полтора года вернулась в Ригу. Вызвали, вручили бумагу и сказали – можете ехать, куда хотите. С работы отпускать не хотели, сулили золотые горы. Решила – возвращаюсь домой. Вначале было трудно. Родственники маму приняли, меня – нет. Жила у маминих подруг.

Потом мама купила комнату. Деньги были, работали обе. В Латвии я сразу устроилась на работу. Участковым врачом в туберкулезном диспансере. Дальше не пускали – вы были высланы. Замуж вышла в 1960 году, в 1962 году родился первый сын, в 1965-м – второй. Живем нормально.

Нора с матерью Розой и отцом Александром. Латвия

АЙНА МЕЙСТЕРЕ (СТРОДЕ)

родилась в 1928 году

Жили мы в Идаской волости Валмиерского района, на хуторе «Каусас».

14 июня мы собрались к врачу, но не доехали. Приехали на машине, забрали нас и повезли домой. Куда делась лошадь, не знаю. Вещи дома были уже упакованы. Привезли еще семью Озолсов, и всех отвезли в Руиену. Дорогу не помню... Не помню, в каких вагонах везли нас из Руиены, в Торнякалсе, в Риге, пересадили. И отца отняли на вечные времена... Дома осталась семимесячная сестренка. Мама очень волновалась, хотя к тому времени успела приехать бабушка, мамина мама, и забрала ее к себе.

Мама ходила по вагону туда и обратно, очень переживала. Ехали мы днем и ночью. Вначале есть не давали, потом, помню, принесли ведро фасоли, не знаю, ели ли, потому что были еще запасы из дома.

Уже началась война. Видели русских солдат, которые ехали на фронт. Однажды составы оказались совсем рядом. Через окошко мне протянули кусочек сахара, решетки на окнах были, а стекла не было. В вагоне было ужасно! Сын Боцисов учился в средней школе, а туалет отделен только простыней... Мы ехали на верхних полках, через окошко кое-что можно было увидеть. Как доехали до Новосибирска, не помню. И что было в городе, не помню. Погрузили нас на баржи, и пароходик тащил баржу по Парабели... Река довольно узкая, извилистая, пристали к берегу в каком-то заливе. Собрались русские и... не знаю, почему, стали просить уксус. Шапки и черные, пропитанные смолой сетки сверху. Ну, просто страшилища.

Жили сначала в помещении детского сада, в самом центре. Поселили нас в одной комнате с семьей Пога. Их тоже было четверо. Потом перевели на постоялый двор, там тоже была тьма народу. Пом-

ню, Алвитису в семье Лиепиньш еще года не было, он все время плакал. Брат Дайры тоже умер в Сибири. Потом перевели нас в землянку, за село, вокруг кустарник, болото какое-то. Андрис с Вилисом, я тоже, ездили зимой в лес за дровами. Привезли кедрового сушняка, там когда-то пожар был, стояли обгоревшие стволы кедра. Сами пилили, на санках везли домой.

С нами жила еврейка Шмит. Общались с ней неохотно. Осенью пошла работать, когда начали молотить хлеб. Убирали солому граблями, в паре, волокли в определенное место. С нами работала еще одна пара. Кормить стали, когда пошла картошка. В большом котле варили картошку без кожуры, раздавали, норма была, кажется, одна миска на человека. До чего же вкусно было! Когда поспел горох, стали и его давать, и хлеб. 400 граммов тем, кто работал. Вначале хлеб был вкусный. Зимой и весной, когда молотьбу заканчивали, бывал всякий... А тогда думала, что на хлеб не стану мазать ни масла, ничего, такой он был вкусный.

У братьев ничего не было. И я стала копить хлеб. Мы с мамой работали обе. Я откладывала и прятала хлеб под подушку, потом давала братьям. Осенью мы с Андрисом ходили помогать тетушке Шульце копать картошку. Утром землю морозом прихватывало, а у нас на ногах ничего не было. Во вторую или в третью осень. На мне пальтецо было, так я ноги грела, укутывая их полкой. Плохо было. Таким вот образом зарабатывали на зиму картошку. Вначале была одежда, меняли, а когда в селе уже все накопи-

ли нашей одежды, мы с мамой брали санки и отправлялись в дальние села, меняли вещи на картошку. Потом мы и сами стали сажать картошку, земля там очень плодородная, навоз на поле не возили. Землю копали лопатой, уби-

У братьев ничего не было. И я стала копить хлеб. Мы с мамой работали обе. Я откладывала и прятала хлеб под подушку, потом давала братьям.

рали картошку лопатой, мотыгами окучивали. Мужчины были на войне. На лошадях пахали? Не знаю. Техники не было, даже велосипедов не было. Когда через село проехала машина, побежали смотреть на нее, как на чудо. Но это случилось один раз. Хлеб убирали серпами, я тоже научилась. В соседнем селе жил старый Пакулис. Наш хороший знакомый. Он мастерил латышам косы.

Там нас осталось всего четыре семьи с детьми, остальных увезли. Паулиньши, Криевсы, у них было по одному ребенку. Мама вначале работала в смолокурне. Ужасно. На другом берегу. Я знала, что мама брала с собой две картофелины. Как она выдерживала, не знаю. Однажды я нарисовала смолокурню. Два огромных котла, примерно в человеческий рост, внизу смолистые сосновые пни, котел под крышкой, плотно закрыт. Огонь горел день и ночь. Деготь и скипидар вытекали. Когда смена заканчивалась, смолокур должен был забираться в раскаленный котел и чистить его. Не знаю, как смогла мама это выдержать. Сколько лет она там проработала, не помню. Оказывается, работавшим в лесу полагалась мука, масло, сахар, но мы ничего не получали. Потом мама перешла на свиноферму. Полы там были надраены, кормушки белые. Кое у кого и в доме не было такой чистоты. Свиновод жил в комнатухе там же, был громадный котел, в котором готовили корм для свиней. Иногда привозили павших лошадей, тогда нам доставалось мясо. Выжили мы благодаря крапиве. У меня и сейчас в огороде растет большой куст крапивы в честь сибирской крапивы. С весны до осени – осенью семена как крупа. Порой и соли не было, и мы ходили... Был там погреб, где солили рыбу, рассол давали. Вливали в крапивные «щи». Собирали крапиву и варили Андрис с Вилисом. Мы с мамой приходили вечером, ели. Так было в первые годы, когда у нас не было еще картошки. Потом у мамы вместе с еще двумя женщинами была даже корова. Сено заготавливала мама.

Неожиданно у нас появилась возможность поехать домой. Собрали всех детей, которые были на месте, отвезли в Парабель. В Томске задержались на некоторое время – не было вагона.

Говорили, что это офицерская жена. Нас было много. Работали у нее в огороде. Потом дали вагон. В Москве нас водили смотреть метро, проводницами были две латышки. Когда доехали до границы Латвии, поезд остановился, мы вышли, помню только, что мы ломали лед и вымыли руки и лицо. В Риге нас отвезли в детский дом. За нами пришла двоюродная сестра мамы Дайниса Сталтса и отвезла к себе домой.

От нее забрал папин брат, он жил в Риге, отвез в наш дом, в «Каусас». В то время там было школьное подсобное хозяйство, дядя Карлис отвез нас и все время о нас заботился.

В школу я пошла в 5-й класс. Приехали мы 29 октября, в мой день рождения. Мне кажется, это было 29 октября 1946 года. В школу пошли все трое. 4-й класс окончила в Латвии. Или в России? Нет, нет, там была школа, но я не училась. Некоторые латышские дети учились. Учиться пошли дети Штерманисов, Рута Паулиня, Бригита Криева. Нам надо было работать, у нас были большие семьи. Латышским детям головы не брили, а всех русских детей брили под ноль. Русские нам всегда напоминали, что мы должны быть счастливы, потому что нас привезли к людям, их же привезли и выкинули на болото. Шагнешь на пару шагов в сторону – пропадешь... Кажется, бабушка Пога утонула в болоте. Ходили за ягодами. Клюква была крупная, много. Собирали грибы. На берегу Парабели росла крупная черная смородина, может быть, только тогда казалось... клюква долго хранилась.

Когда пошла в 5-й класс, надо было учить английский. Трудно было. Окончила весной 5-й, за лето – 6-й, осенью пошла в 7-й класс. Потом в Елгаве у дяди Петериса жила четыре года – училась в педагогическом техникуме. Много по дому приходилось помогать. Мама в это время была в Сибири. У меня сохранилась пачка ее писем, но я приступить к ним не могу, она писала их, когда работала на свиноферме, а я жила уже в Платоне. Мама написала, что едет. Я решила, что домой. Оказалось, ее послали на ВДНХ, в Москву. У меня есть ее фотография и письмо с дороги обратно в Сибирь... Первое письмо из Латвии получили от маминого брата. Случилось это в пятницу, с тех пор пятница мой самый счастливый день. С тех пор мы стали переписываться. И посылки нам присылали.

С ужасом вспоминаю, как мы сгребали сено. Лугов настоящих не было, малюсенькие площадки – на склонах, вдоль границ – пни от поваленных деревьев. Я даже место помню, где это было. Чувство голода преследовало всю жизнь, вплоть до пенсии.

Об отце не узнали ничего. Кажется, был он в Соликамске. Там была и одна женщина из Руиены, среди мужчин. На кухне работала. Она сказала, что отец от голода умер, как и многие. Говорила, что старалась что-то передать, но давать-то было нечего. Андрис говорил, кажется, что отца приговорили к расстрелу. Суда не было, но он читал документы, присланные в Ригу, там было сказано, что заключенный умер до расстрела. Так мы ничего и не узнали...

АНДРИС МЕЙСТЕРС

родился в 1932 году

Я, Андрис Мейстерс, родился в 1932 году в Валмиерском уезде, на хуторе «Каусас» Идеской волости. Отец крестьянствовал, он был очень активным человеком, участвовал в работе различных организаций, был командиром отряда айзсаргов. Мама учительница. С молодых лет работала в местной школе, вела и хозяйство.

В семье нас было пятеро детей: Айна, Валдис, Андрис, Вилис и Рута. 14 июня довольно поздно приехала машина с солдатами, выяснилось, что отец с двумя детьми уехал в Мазсалацу. Приехавшие оставили в доме дежурных, сказав предварительно, что нам предстоит уезжать, а сами отправились на поиски главного действующего лица – Яниса Мейстерса. Привезли, но им предстояло ехать к эстонской границе, чтобы забрать еще одну семью. Так что у нас было время собраться. Я ходил к соседям, попрощаться с другом, вещи поделали, времени было достаточно. Машина вернулась с еще одной семьей, это были Озолсы из Ипикской волости. Запомнилось, как машина въехала во двор, и в кузове сидела женщина с двумя маленькими детьми. Старший Эдмундс был мой ровесник, младшему Янису было три года.

Погрузили нас, и поехали мы в Руиену. Я мог бы уйти, но меня интересовала предстоящая поездка, так как сказали, что перевозят нас в пределах Латвии. Так что я был даже доволен, что машина поехала в Руиену. В Риге на станции Шкиротава было огромное количество эшелонов, был много родственников, был и наш рижский дядя, принес пачку масла и еще что-то. Следующий, ясно сохранившийся в памяти эпизод относится, вероятно, к 16 июня, когда нас повезли в сторону Даугавпилса. В поезде у меня было самое лучшее место, возле окна, и я мог наблюдать

за всем происходящим снаружи. Постояли в Даугавпилсе, смотрели, как ремонтируют пути. Но вот поехали мы дальше – за Даугавпилс, за Великие Луки, все дальше на север. Ехали через Вологду, Рыбинск, Киров, Молотов.

Когда были возле Молотова, началась война. Уже шли навстречу эшелоны, Красная армия спешила на фронт. Они были аккуратные, выглядели довольно хорошо. И поэтому во время поездки мы простаивали. Пару раз нас выпустили из вагона, пока ехали до Новосибирска, как говорится, попасть. Иногда на остановках давали какую-то еду. У большинства продукты были с собой. На одной полке с нами ехала семья Лиепиньш, там было тоже пятеро детей, младший, Алвис, был совсем крошка, все время плакал. Для него еды не было, пытались что-то сварить, разогреть какую-то кашу, поджигали одесколон, что из этого получилось, не знаю.

Вагон был переполнен, половина были дети. Словом, привезли нас в Новосибирск, пересадили на баржу. И поплыли мы на север по Оби. Сколько народу было, сказать трудно, но несколько сотен, если не тысяч загрузили в баржи. Ехали несколько дней, куда везут, никто не знал. Нас привезли в Парабель, там пересадили на баржу поменьше, и по небольшой речке поплыли мы снова вперед. Так плыли примерно 120 километров. Река не очень широкая, но бурная, глубокая, извилистая. Высадили в поселке Щука, там такой залив, зимняя стоянка судов. Всю ли баржу высадили, не знаю, но наш вагон, человек около со-

рока, высадили, остальных, видно, развезли по ближайшим селам. Сначала жили на постоялом дворе – там же зимой сообщение на лошадях, на почтовых лошадях. Летом место это пустовало, разместили, кажется, в трех

Бабушка и другие бабушки умерли. Ну, вторую зиму в Сибири еще как-то протянули, а потом началось все сначала.

комнатах, всех вместе, спали на полу. Потом стали знакомиться с местными. И работа вначале была – лето, в колхозе начиналась уборка. Все ходили в масках. Оказывается, было сильное половодье, тучи мошкеры, проникают всюду, и в помещения, и коров донимают. Чтобы от них уберечься, ходили в масках, у входа в дом ставили большие коптилки, только так и можно было спастись. Осенью в поле уходили все, кто только мог двигаться, – там давали хлеб. Убирали зерновые, убирали картошку. Село стояло в низине. Вокруг было не то чтобы болото, но очень низкое место, непригодное для сельского хозяйства. Колхозные пашни находились примерно в километре от деревни, по дороге в другие деревни. В деревне Белка была семилетняя школа. Из Шуки некоторые девочки посещали эту школу. И в нашем селе была школа, и осенью я, вместе с другими ребятами, тоже пошел учиться, но освоить русский язык за два месяца не сумел. В Валмиерском уезде, особенно в Идеской волости, жило 99 процентов латышей, русского языка вообще не слышали, так что и я не знал ни одного русского слова. В общем, походил и бросил. Всерьез пошел учиться следующей осенью.

Бабушка была слепая. Работали в поле остальные, мы все. Запомнилось, как мы копали колхозную картошку. На склоне выросла отличная картошка, разные сорта, и целая бригада, все латыши, копали картошку. И старались хоть пару клубней прикопать где-нибудь, чтобы потом забрать. Председатель колхоза заметил, стал выкапывать, пригрозил, чтобы больше такое не повторялось. И все же что-то в земле оставалось. Когда работу заканчивали, обходили поле и кое-что находили. Ну, и вещи свои тоже потихоньку спускали. У меня был отличный футбольный мяч, пришли из школы, и начался торг. Помню, спросили: «Сколько стоит мяч?». Мама, испытывая неловкость, говорит: «Пятьдесят». А тот презрительно: «Копеек?». Не помню, за сколько продали, но мой мяч, который я купил на свои деньги, был продан. Так же ушли и остальные вещи – обменивали на продукты. У нас с собой были журналы, книги на латышском языке, читанные-перечитанные, потом мы их тоже меняли на продукты. В колхозе ты работал за кусок хлеба, за него надо было расписаться. Так вот, списки составлялись на страницах из наших книг. Позже в Шуке появился магазин. Когда мы уехали, еще что-то было, потом стали давать по карточкам, были соль и спички, спички были дефицитом. Старались прятать угли под пеплом, я сам не однажды ходил к соседям за угольками, три самых трудных

года мы жили отдельно. Но вернусь к началу. Осенью всех латышей переместили в помещение, где раньше были детские ясли, разместили в трех комнатах, и все дружно жили в этих трех комнатах. Помню одну из Мазсалацы, как она перешагивала через остальных, чтобы попасть в дальнюю комнату, где жила. Но там, по крайней мере, было тепло. Зимой никакой особой работы не было, вязали сети, но охотников до работы было больше, чем самой работы, так что была, как говорится, конкуренция.

У нас было много вещей, и все они потихоньку разошлись. Был отцовский полушубок, сверху ткань, внутри овчина. Сделали из него две вещи – верх как-то утеплили, носила мама, остальное носили дети, по-сменному. Была среди нас жена руиенского ветеринара госпожа Жигуре. Не знаю, было ли и у нее медицинское образование, но она в деревне лечила и людей, и скотину. У нее был термометр, какие-то порошки, а значит, был и кое-какой доход. Человек она была очень гостеприимный, всегда чем-нибудь угощала. Весной снова нас выселили на постоянный двор, где мы жили так же дружно. Снова стали ходить на работу. Помню, как пошли сажать картошку. Бригадир впереди, в мешке пара буханок хлеба, следом толпа женщин и детей, чтобы там же на месте съесть заработанный кусок хлеба. А дома до нового урожая – хвощ, крапива, в той последовательности, как появлялись. Из лесу приносили траву со вкусом чеснока, обдирали березовую кору – под ней съедобные слои. Выкапывали лилии, луковица у них сладкая. С новым урожаем все немного приходили в себя, потом ягоды, грибы, что-то выращивали. В первые годы, естественно, огорода у нас не было. Земля там вообще была дефицитом, я уже говорил, что село находилось в низине, так что возле дома огород не очень разводили. Следующей осенью принялись нас сортировать – семьи с подростками на заводы, на лов рыбы. Куда они попали, я не знаю. Остались мы, семья Мейстерсов, у нас было трое детей и бабушка, семья Лиепиньш с четырьмя детьми, младший умер, семья Озолс с двумя детьми, семья Боцисов – Гунарс был, можно сказать, гимназистом, Мудите осенью исполнилось 10 лет, но их не взяли. Осталось и несколько одиноких женщин. И единственная еврейка из всего Валмиерского уезда – торговка из Руиены и Мазсалацы госпожа Пере, по фамилии Шмит. Ее разыскали родственники и присылали солидные деньги. Русского языка она не знала, мама была у нее переводчиком и писала за нее письма на русском языке. Я тогда считал ее вообще безграмотной, но, вероятно, не знала она только

русского языка, а письмо не на русском языке вообще никуда бы не дошло. И племянник ей присылал. Ее соотечественники все жили в Парабели, и однажды она решила их навестить. В провожатые взяла меня – идти надо было 40 километров. Вернулись. Командант, который находился в Белке, особого интереса к нашему отсутствию не проявил. Куда-то уйти было трудно, практически невозможно. До ближайшего поезда в Томске было 400 километров. Словом, никто и не пытался уйти.

А как школа? Вы начали, и на этом все? Больше и возможностей не было. Следующей осенью мама с сестрой уходили на работу в лес. На моем попечении оставались бабушка и младший брат. Хозяйство – вода и дрова. А дров нужно было много. Там загодя дрова не заготавливали, хранить было негде, так что каждый день на санках привозил валежник и сухие деревья.

Была там смолокурня, за рекой. Летом добраться можно было только на лодке.

Через Парабель, потом по притокам. А в октябре уже все замерзло. А мимо нового места, где мы стали жить, шла зимняя дорога, по которой гнали

арестантов, не раз их видели, целыми толпами гнали. И там как раз находилась смолокурня, где добывали деготь и скипидар. Смолистые бревна рубили в щепу, засыпали в котел, в громадный котел, разводили под ним костер. И нужны были смолистые дрова. Работали втроем – госпожа Боча, мама и Айна, и так изо дня в день. И там им давали кусок хлеба. Бабушка вскоре умерла, отвезли на кладбище, похоронили где-то на краю болота. И остались мы с братом дома вдвоем.

Бабушка умерла в ноябре 1942 года. Вскоре после приезда туда у всех появились вши. Как говорится, первый спутник. Бабушка не могла с ними справиться, чахла и чахла, и умерла. У нее было семеро сыновей, и все думали по-разному. Старший погиб во время Первой мировой, следующий был, можно сказать, красный. В первый год советской власти он был директором школы в Руиене. Она хотела позвонить ему, чтобы пришел вызволить, но ее к телефону не подпустили. Сама поездка была тяжелой. Мне она как-то не очень запомнилась, как говорится, многое не брал в голову, а вот женщинам было непросто – эта дыра в полу...

Айна, Валдис, Андрис и Вилис. Латвия, 1938 год

Ну, вторую зиму в Сибири кое-как протянули, а потом началось все сначала. Смолокурню на лето закрывали, оставался сторож. Начинались полевые работы. Осенью 43-го за работу в колхозе получили целых полмешка пшеницы. Растянули на всю зиму. Попросили у местных ручную мельницу, и по горсточке добавляли в еду эту муку. Зато очень тяжелой была весна 44-го года, я до сих пор не могу понять, как нам удалось выжить, ведь нам буквально нечего было есть. Больше всех страдали дети – Лиепиньши, Мейстерсы, Озолсы, последние, в отличие от остальных, вообще были бедны, их отца арестовали и расстреляли еще раньше, у них даже с собой почти ничего не было. Запомнилось, например, как я ехал в лес за дровами, а сил совсем уже не осталось. Светило солнце, впереди деревья. И я подумал – хоть бы это дерево... Нет, о таких вещах лучше помолчать. Летом приходилось дежурить в смолокурне. Мама работала в поле, и я за нее дежурил. В 44-м году мне было 11 лет, я один уезжал туда, ночевал по несколько ночей, три-пять ночей, один, в тайге. Потому мне кажется странным, когда говорят – страшно ребенка одного оставлять. В то время у нас уже был собственный огород, что-то вырастало. Практиковали помогать русским сажать картошку, землю вскопать, там же только лопатами копали, за это угощали. А осенью, естественно, одаривали картошкой, сколько мог унести. Собирали грибы, солили капусту, зелень всякую солили на зиму. Следили за событиями на фронте. Там не было ни радио, ни электричества, вообще никакого снабжения. Не было на чем писать, вместо чернил использовали сажу, свекольный сок. Если где-то удавалось найти отгрызок химического карандаша, это уже было что-то. Письма на фронт отправляли в виде треугольников, на любой попавшейся бумаге. Когда Красная армия вошла на территорию Латвии, мама отправила письмо. И незадолго до нового, 1944 года нам первым пришло из Латвии письмо. От нас до этого ведь не было никаких известий. И тут приходит им известие о том, что брат учится в каком-то там классе, сестренка выросла. Дедушка, который остался в Латвии, мамин папа, умер еще 42-м году. А потом стали приходиться посылки, прислали деньги. Посылки пришли только в мае – на лошадях их не доставляли, только что-нибудь легкое. И только когда открылась навигация, пришли посылки и бандероли с газетами, книгами. У нас в Латвии было много друзей, родственников, они о нас заботились. В 45-м я снова ездил сторожить смолокурню. В тайгу, место нежилое. Был такой случай. Парабель река

бурная, волны большие были. Однажды побороться пришлось, лодчонка легкая, с волнами не справлялась. Но все обошлось, вернулся обратно. Мама в 45-м работала уже на свиноферме. Когда она пришла, в колхозе было четыре свиноматки. Тощие, вши ползали. Да, у свиней тоже вши были. Ну, и начался прирост, и с тех пор проблем с питанием не было, потому что свиньям варили корнеплоды, гнилую картошку, еда и для нас была лучше некуда. Как-то лошадь пала, ее тоже сварили свиньям. И мы конину ели, сколько-то досталось, никаких проблем. А вообще-то с мясом там было плохо. У местных, у каждого, была скотина, но уж такая никудышная. Им еще приходилось налоги государству платить. Выжимали все, что могли, и самим почти не оставалось. Рыба иногда была, а вот зверья почти не было. И стрелять местным было не из чего, не разрешали держать. Имели его только азиаты, однажды появился у нас такой, на широких лыжах. Обычные лыжи там не годились – снег сухой, рыхлый, проваливаешься. Утки были, пробовал я их капканом ловить, но толку почти не было. Дорогу не проложить, только тропки. Ну вот, когда стали переписываться, из Латвии присылали газеты, книги, узнавали, что происходит. Запомнилось, как происходила ликвидация Курземского котла, «Циня» об этом много писала. Учебники присылали, мамин брат учителем в разных школах работал, а в эти смутные времена пришел в Идескую среднюю школу. Присылал учебники – с 3-го по 7-й класс, и даже для средней школы. От корки до корки прочитывали. Вначале жили надеждой, что война закончится, и мы поедем домой. Но год прошел, и ничего. Писали заявления, просьбы, и никакого ответа. Пока детей собирать не стали. Семья Лиепиньш первая получила разрешение. Была уже осень, сентябрь, надежда на возвращение стала исчезать. В октябре по воде никакого сообщения, жди весны. Решили уехать сами, но не вышло. До Парабели добрались, садились уже на пароход, но милиция задержала, потом отпустили – идите, куда хотите. И мы 40 километров обратно до дома шли пешком. Родные были, конечно, огорчены нашим возвращением. Но все же дело сдвинулось, пошел слух, стали собирать в Щуке детей, кого официально, кого нет. Сестре уже было 16 лет, но решили рискнуть. Снова оказались в Парабели, ждали большой пароход. Пару дней пришлось обходиться без еды, но в Томск мы добрались. Дождались вагона, нам, в отличие от детей, которые ехали из Красноярска, надо было самим оплатить билет. Если не ошиба-

юсь, было три человека из Латвии. Пачка денег у них была, надо было вагоны купить, оплатить. И вот оказались мы точно в таком же вагоне, только без решеток. В одном вагоне девочки, в другом мальчики. Девочек всех остригли наголо. Мальчикам что, а вот девочкам – там ведь уже барышни были, в том числе и моя сестра. И вперед. Хлеб какой-то был, продукты. Такие вещи запоминаются. Цепляли нас к другим составам. Если честно, не помню, как ехали. Сидел внизу, ребята постарше заняли лучшие места, так что видимости никакой. Когда приехали в Москву, там был снег.

В Ригу приехали 25 октября, был солнечный день. Посадили в автобусы и сразу же повезли в баню – избавляться от лохмотьев. Помню, как Янису Озолсу сказали: «У нас придется мыться, так здесь жить нельзя». В вагоне ни о каком мытье не могло быть и речи, ехали дней десять, хотя время поездки нигде не зафиксировано. А потом на улицу Кулдигас, 45, этот номер у меня на всю жизнь врезался в память. Родным уже сообщили, в Риге жил дядя, он с братом приехал меня встречать, пару дней ушло на оформление документов, потом поехали в «Каусас». Встретили нас замечательно, принесли подарки. Вскоре я пошел в школу, нагонять пришлось немало.

Первый класс я окончил до войны, Айна окончила четыре класса. И вот в ноябре, дело было после Октябрьских праздников, возобновили учебу. Отправили меня в 3-й класс, проучился до Нового года. Учителем был мамин брат, его жена тоже. Весной окончил 4-й класс, летом прошел программу 5-го класса, и осенью пошел уже в 6-й. За год окончил два класса – 6-й и 7-й. И сестра за год освоила программу 6-го и 7-го классов. И в 1948 году, как только окончила, сразу уехала в Елгаву, потому что в это время те, кто здесь хозяйничал, дядю уже записали в кулаки. Вообще-то он лояльно относился к советской власти, был даже первым председателем волости, когда пришли русские, послали его в Ригу на курсы советского актива, но записали его в кулаки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он знал, что происходит, поэтому и поделил нас. Младшая сестренка жила у бабушки.

И как же отличалась жизнь в Латвии от жизни в России? Как день и ночь. Это было просто возвращение в рай! Словами не передать! Вот сейчас все говорят – трудные послевоенные годы, нищета, ничего не было, а мы вернулись в рай. И прошлое очень быстро забылось. То ли возраст, то ли что.

И дядя, его приоритетом было образование. Если других ребят посылали работать, то для него главное было – чтобы все учились. Да, младший брат, крестный и крестная которого жили в Салацкой волости и преподавали в школе, он к ним уехал.

А что с мамой, мама ведь осталась в Сибири? Свиновод, знатный свиновод из нее получился. В 1954 году маму отправили в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства. А до этого велели поклясться, что она вернется. Мы переписывались. Она спрашивала: «Что мне делать?» Запомнился текст телеграммы, которую я ей отправил: «Выезжай несмотря на все». Большинство подумало, что она сюда едет, но она ведь слово дала, потому и вернулась. В Латвию она приехала только в 1957 году, я ее встречал на перроне и не узнал. За эти годы мама так постарела, а было ей всего 55 лет. Сейчас я иногда сравниваю, как выглядит человек в 55 лет и как выглядела мама.

Об отце... Ходили всякие версии, и ложные домыслы тоже. Вдруг придет из Латвии известие, что он там работает, в хорошем месте, и тому подобное. Со временем все прояснилось. В нашем вагоне с семьями было 13 мужчин, вернулись из них двое – латыш Пога и еврей Шмит. Остальные умерли в течение года, последним умер Лиепиньш. Умирать начали в сентябре. И становилось понятно, что там происходит. Когда пришла так называемая Атмода и все были реабилитированы, я писал, искал сведения об отце, так как официально никаких сведений у меня не было. Ответ пришел: «Вы реабилитированы, ваши сестра и брат тоже реабилитированы», об отце же не было ни слова. Я продолжал интересоваться, и вот в 1992 году из Верховного суда пришло мне приглашение. Там положили передо мной личное дело отца. Я и не знал, что столько бумаг будет, что все законно оформлено. Был там ордер на арест. И в основе всего – удостоверение айзсарга, когда вступил, где служил, должность. И ему оставалось только признаваться: верно, верно, верно. Протокол допроса. За это «постановили – расстрелять». Есть какая-то 320-я «выписка из протокола», крохотный листок. И на обратной его стороне – «приговор не исполнен, так как умер». Так что, видно, от этих мучений он умер сам. Если разобраться с его коллегами... Словом, с ними была и бригада судей, из Латвии. И те, кто еще оставался жив, тех судили. И в апреле начались расстрелы. В апреле, мае, все, кто был в Соликамске, были ликвидированы. Это об отце.

ВИЛИС МЕЙСТЕРС

родился в 1935 году

Не понимаю, откуда появилось такое название, но отцовский хутор назывался «Каусас». Было нас пятеро детей. Старший брат остался дома, младшая сестренка тоже, ей был годик. Значит, было несколько команд, которые вывозили. Рута на все 100 процентов умерла бы, у брата был туберкулез.

Приехали мамины родители и сразу же их увезли. Чужаки были латыши, в синих фуражках. У меня никаких претензий не было. Я только чувствовал, что взрослые в ужасе. Следующий момент, который запомнился, – полуосвещенный вагон, нары. Была гречневая каша. Хлеб – кирпичик, впервые такой видел. Навстречу шли эшелоны. Началась война.

Выслали нас пятерых – отца, мать и нас троих. Отца уже в Риге отделили, в лагерь. И года не прошло... приговорили к смертной казни через расстрел, но он умер раньше. Все говорит о том, что собирались всех уничтожить.

Мама была учительница. Был с нами и старый человек, трое детей. Привезли в Томск, посадили на пароход. А там – Парабельский район, село Щука. Выяснил, что все, кто там жил, были ссыльные. Поэтому мама писала письма председателю. Говорят, сейчас там все заросло.

Побывали мы в разных местах. Была даже фотография... Сохранилось письмо о том, что Айна работает, Вилис ходит в лес за дровами. Летом дрова из лесу на себе не принесешь, ездили зимой.

Во время войны выжили за счет того, что с собой у нас были простыни, белье, одежда. Если бы не было, исход был бы ясен. В конце рабочего дня выдавали маленький кусочек хлеба. У

местных было несколько коров. Помню, что было мороженое молоко в мисочках. Люди бродили по селу, опустив голову, просили милостыню. Это был своего рода способ выживания.

В школу там не ходил. Андрис и Айна ходили, не знаю только, куда и как. Они еще в Латвии начали учиться. А я ждал, что приеду в Латвию и тогда пойду в школу. Помню только латышских детей. Вначале – муж, жена, дети... Когда война окончилась, мужчин было уже не видно. Возвращались с одной рукой, с одной ногой...

У русских были страшные потери. Русских детей не помню. Отношения с местными складывались через взрослых. По-русски не понимал и понимать не старался.

Начали переписываться. Учеником маминого брата Валтерса был Волдемарс Калпиньш. До нас первая группа детей в 1946 году уехала в Латвию. Мы с братом и сестрой решили тоже уехать. Но нас вернули, и 40 километров мы пешком добирались до дома.

Кто-то успел уехать раньше. Были дети разных национальностей... еврейка была, молдаванин.

Когда стали переписываться с Латвией, получать бандероли, началась совсем другая жизнь. О том, что придет бандероль, писали в письме: «Прочитайте такую-то и такую статью». Ага, внизу подклеена денежная купюра. Папин брат жил в «Каусас».

Помните, как возвращались домой? Помню, что было тяжело. Под Москвой было большое поле с обгоревшими танками, самолетами. Мне кажется, что там были и звезды, и свастика. Сначала плыли на пароходе, там были и обычные люди. Видел, что там была столовая, люди ели... А я стоял и таращился. В

Помню, что было мороженое молоко в мисочках. Люди бродили по селу, опустив голову, просили милостыню. Это был своего рода способ выживания.

Томске долго пришлось ждать эшелон, еды никакой уже не было, ходили в поле, искали картошку. Приехали в ноябре 1946 года.

Латвию помню как в тумане. Помню только, что через три дома жила семья Озол, там были три мальчика. Папин брат Карлис кормил нас только молочным супом. А у Озолсов была и картошка, и жареное мясо.

Я думал – а мы почему так не можем? Учился в 1-м классе. Карлис связался с родственниками из Коргене, и через месяц я был уже там. Если человеку больше 10 лет, он форму не теряет, а если меньше, вырастает уродом.

Когда я окончил техникум, я был самый маленький и перестал вообще расти. Если приходится фильтровать через себя огромное количество жидкости, что-то внутри нарушается. Андрис вырос нормальным, а я такой вот мелкий...

Бабушка там осталась на вечные времена... Помню – села она у окна, сквозняк... Пневмонию подхватила или что. Она умерла до нашего отъезда в Латвию. Как хоронили, не помню. Кажется, что случилось это в первое лето, не зимой. Мама с самого начала работала на свиноферме. И мы ели то же, что свинкам давали, если доставалось. Больше запомнилась крапива, лебеда, хвощ. Было вкусно. Соли не было, но на базе рыбацкой артели солили рыбу, и нам разрешали брать немного. На моей семье... поставили крест. А больше ничего не было. Кто-то остался жить, но семьи нет, а если семьи нет, каждый сражается на своем фронте. Первый раз в биографии написал о ссылке в 1973 году. До этого писал, что я сын крестьянина.

Если вспоминать первый день, то у меня сложилось впечатление, что ко всей этой трагедии больше всех приложили руку латыши...

Отец Янис и мать Герда со своими детьми

РУДИТЕ МЕЛБАРДЕ (СТРЕЛНИЕЦЕ)

родилась в 1939 году

Мои родители – Аустра и Янис Мелбардисы жили на хутор «Чуйбас» Лиелвардской волости. В семье был еще брат Андрис.

14 июня около двух часов ночи нас разбудили, отвезли на станцию Лиелварде, посадили в товарные вагоны. С нами была бабушка Анна Мартинсоне и дедушка, а также бабушкина сестра. Ее в списках не было, она пришла нас проводить, принесла к вагону какой-то узелок, но местный полицейский сказал, что все мы заодно, и велел ей садиться в вагон.

Дорогу не помню, было мне всего два года. В памяти остался покрытый инеем барак, где мы сидели, укутавшись в одеяла. Так проходил день. Зимой мама ходила работать, вытаскивала бревна из Енисея, возвращаясь с работы, пекла лепешки из мякины. Это я помню.

В 1942 году мама умерла, и нас с братом отвезли в Игарку, в детский дом. О жизни там я помню многое. В детском доме жили до 31 августа 1946 года. Конечно, жизнь текла в русской среде, детей было много. Помнится долгий, изнурительный обратный путь. Игрушкой моей было зеркальце, всю дорогу играла, других игрушек у меня не было. Зеркальце завалилось за полку, и я долго и горько плакала.

Бабушка умерла в Агапитово в 1942 году, в декабре, дедушка в Вятлаге в 1941 году, бабушкина сестра в 1943 году. Причиной их смерти мог быть только голод и холод, там же вечная мерзлота. Работать приходилось тяжело, а они люди немолодые... В Агапитово из 700 привезенных латышей в живых осталось всего 100. Наши умерли все, поэтому мы оказались в детском доме. Как умерла мама, не помню, брат помнит, говорит, что мама зашла в барак и упала.

В детском доме нас кормили, часто стригли. По-латышски ни одного слова не знали. Как ехали в Латвию, не помню. Ехали с Айной Лусе. Когда приехали в Ригу, я никак не могла понять, что это такое, ни слова не понимала из того, что говорили на улице. Отвезли на трамвае на улицу Кулдигас. Я ужасно волновалась, потому что пропал брат. А он, оказывается, просто сел в другой вагон. На улице Кулдигас провела две недели, за нами приехала наша дальняя родственница Анна Скуя, которая жила в отцовском доме. Когда ждали поезд, тетя кормила нас белым хлебом с маслом. Для нас это было как пирожное, годами ничего подобного мы не видели...

Первый год учились латышскому языку, потом пошли в Кайбалскую школу. Это был 47/48 учебный год.

Родители мои были агрономы, окончили Елгавскую академию. У отца было большое хозяйство – 100 гектаров, мама была командиром отряда айзсаргов в Лиелварде, пела в церковном хоре, была очень общительным человеком, все успевала и по дому. 14 июня 1941 года нас увезли на станцию Лиелварде, отца увезли в Ригу, мы его не видели. Они с дедушкой оказались в Вятлаге, но везли их отдельно. О судьбе отца узнала, когда тетя получила свидетельство о смерти, где было сказано, что отец умер 10 июня 1943 года в Вятлаге. Место указано не было, просто стоял прочерк. Причиной смерти было названо заболевание легких.

Когда вернулись, жили в доме родителей. Там разместились школа, директором была Круминя, она поселила нас в комнате, где жили еще семь человек, потому что надо было предоставить помещение учителям.

В Агапитово из 700 привезенных латышей в живых осталось всего 100. Наши умерли все, поэтому мы оказались в детском доме.

Увидела однажды, что возле нашей двери сидит тетя и плачет. Выселили нас из наших комнат.

После Кайбалы ходила в Лиелвардскую школу. Рано вышла замуж, в 19 лет, пошла работать. Муж мой был учитель, я работала делопроизводителем.

Я думала и поняла, что детство свое никогда не могла назвать счастливым. Детские мои ощущения связаны с тоской по родителям, с чувством одиночества, в то время я много болела, искала в людях и вокруг только хорошее, жила в рамках, которые сама себе установила; надо взять себя в руки и жить, как живется. Я долго не понимала, почему у других детей есть родители, а у меня нет. Часто забивалась в угол и плакала. Когда жила в деревне, уходила одна на лыжах, каждый день по одной и той же дороге шла в школу за шесть километров.

Поддерживали друзья, школьные товарищи, у меня была очень хорошая подруга. Тетя обеспечивала нас едой и жильем, но в душе была какая-то

неудовлетворенность. Все изменилось, когда я вышла замуж. Были проблемы с фактом моей ссылки. В 7-м классе вызывали меня в волость, допрашивали. Вызвали меня в то время, когда мне надо было сдавать экзамен. Шла туда и всю дорогу плакала. Задавали вопросы о маме, об отце, которых я совсем не помнила. Мне было 13 лет. Два раза ходила на допрос в Лиелварде, один раз в Огре. Так обидно было, что мне приходится туда ходить.

В то утро 1949 года, когда выслали, тетя уже собрала вещи. Помню, и в наш дом пришли военные, тетя их угостила, и они ушли. Потом рассказывали, что Каулиньш не отдал ни одного человека из Лиелвардской волости.

Детская травма преследовала меня всю жизнь. Порой по внешнему виду человека мы так мало можем сказать, что происходит у него в душе... Счастье, когда ты находишься в ладу с самим собой, и это спокойствие можешь передать другим. Мой сын, мои внуки делают меня сильной.

Рудите с отцом Янисом

АНДРИС МЕЛБАРДИС

родился в 1938 году

14 июня не помню, соседи рассказывали, что подняли в пять утра, я шел пешком, Рудите несли на руках. Привезли на станцию в Лиелварде, мужчин и женщин посадили в разные вагоны.

Мне было три года. Помню, в Сибири были брезентовые палатки, висели сосульки, помню обледенелые доски. Умирала люди. Каждый день. Когда умерла наша мама, в тот день стали подбирать трупы. Подъезжала телега, русский на гармошке играл «Широка страна моя родная». Трупы свозили в клуб, а потом куда-то отвезли. Меня поселили в одной землянке с калмыками, сестру в другую землянку. Так мы жили недели две. Потом нас отвезли в Игарку, в детский дом. Отчего мама умерла, не знаю. Сестру в Игарке отвезли в новый город, я остался в старом городе. Улицы были вымощены досками, быки бродили по городу с доской на рогах. Воду привозили на лошадях. Было там два кирпичных здания – детский дом и пожарное депо.

Окончилась война. Нас стала разыскивать бабушка. Присматривала за нами Зина, девочка постарше. Обрато ехали вместе, она читала бабушкины письма. Было это в 1946 году. Малышей отправлять не хотели, хотели воспитать их в коммунистическом духе. Но мы заупрямились, что без сестер и братьев не поедем, тогда и нас отпустили. Ехали на пароходе, на остановках бегали собирать ягоды. Однажды пароход загорелся. Доехали до Красноярска, три дня находились в детском доме. Глухонемой показал нам, чтобы шли за ним, можно поесть. Привел нас, а там зеленые помидоры, набрал, сколько смог унести.

Приехали в Москву, простояли там 12 суток, подъехали американ-

ские студбеккеры с одеждой, раздали, кому что годилось. Потом перевели нас на другие рельсы. Я всю верхнюю одежду продал, купил огурцы. В Ригу приехали ночью, встречал нас автобус. По-латышски говорят, а мы ничего не понимаем. Назавтра повезли в баню, избавили от вшей, накормили. Я сунул масло под рубашку, меня поймали, отвели к директору. Мне говорят: «Ешь сколько хочешь, зачем с собой набирать?» Два парнишки постарше задумали бежать, я за ними. Они видят, что от меня не избавиться, вернулись обратно. Потом приехала тетя, мы пошли в школу в Кайбале. По-латышски понимал, но отвечать не мог, говорил все: «Правда, правда». Сестра в школу пошла через год.

В Сибири выломали доску в заборе. Копали картошку, ели. Меня поймали, привели к директору, отругали. Воровали, чтобы назавтра была еда. Прислали теплые одеяла, но нам не досталось. В Москву приехали в длинных рубахах. Что такое Латвия, мы не знали. Знали, что Сталин – наш отец. Все песни и стихи были о Сталине. Когда нас привезли, я сказал сестре: «Бежим, место здесь плохое. Все старые, на чужом языке говорят». Были рабочие из России, казалось, это единственные свои люди. За лето привыкли к ровесникам, к приемным родителям. Тетя ругалась: «Ешьте, сколько хотите, зачем же вы хлеб под подушку прячете! Наносили, словно мыши». Потом уж привыкли, что еда есть каждый день.

Отец умер в лагере. В России умерла мама, умер отец, бабушка, дедушка и бабушкина сестра. Вернулись мы с сестрой. У меня было записано имя Андрей, а у Рудите – Дуня.

*Мне было три года.
Помню, в Сибири
были брезентовые
палатки, висели
сосульки, помню
обледенелые доски.
Умирала люди.
Каждый день.*

Рудите на руках у няни, рядом брат Андрис

ВИНЕТА МЕЛБАРДЕ (БАНКОВИЧА)

родилась в 1934 году

14 июня ночью приехала машина с солдатами, похожими на монголов. Мама вышла на улицу за пеленками, он со штыком следом, чтобы не убежала. Я спросила: «Поедем на экскурсию?» – «Поедем, поедем!» Я вцепилась в мамину юбку. У Содумса был брат инвалид и мама Либа. Всех нас собрали и увезли на станцию. Мужчин отделили. Мы устроились на верхней полке у окна. Это было в Даугавпилсе. Однажды ночью сбежал мужчина, была перестрелка. В полу была дыра – для надобностей.

Переезжали через реку. Оказалось, это Волга. Был Янов вечер, ехали через Урал, козы паслись. Одна женщина сказала – это сталинские коровы. Давали кипяток, давали хлеб. Слышали – война, война! Началась война. На станциях начали отцеплять вагоны.

Рано утром были на рыночной площади в Ачинске, сняли охрану, и мы пошли мыться на Чулым. Три недели не мылись! Стали приезжать из колхозов за работниками. У мамы было двое маленьких детей, старая мать мужа и брат мужа инвалид – мы остались последние. Наконец поехали, в степи цвели цветы. Вдоль улиц стояли местные, смотрели. Ехали мимо латышского поселка Апшукалнс.

Привезли нас в колхоз «Искра», поселили в детском саду. Вдоль стен были топчаны, устланные соломой. Если не пойдешь на работу, еды не будет. Отвели в поле, мама была бухгалтером, косу в руках не держала. И показать было некому, русские женщины смеялись. Вечером домой шли своим ходом, лошадей не было. Выдали кулек овсяной муки. Просеяли, затворили тесто, получились тонкие блины. Варили и кисель. Местные учили нас жить.

Детям нужно было молоко. Выменяли его на шелковое комбине. Пер-

вый год – привыкали к «чудесам». Латыши стали умирать – не от голода, от переживаний. Первой умерла Либа. У малышей поднялась температура. В селе был только ветеринарный врач, мазал всех риванолом – и снаружи, и внутри. Мертвых увозили в Апшудиемс – на кладбище. И я заболела – горела, как в огне. Уповать можно было только на Бога. Я выздоровела. Мама ушла в школу. Видели в окно, как у волков блестят глаза.

На следующее лето вместе с еще одной латышской семьей взяли половину дома. Было два окна. Зимой заделали соломой, в другом конце был хлев. Мы держали свинью. Мама ухаживала за телятами. Весной мама говорит – тебе пасти телят, я пойду пахать на быках.

Ели суп из лебеды. Ужасно хотелось есть. Попрошу у мамы хлеба – хлеба нет! Весной 1943 года мама пошла работать в конюшню, к лошадям. Родилось 18 жеребят, пасти пришлось их мне. Я сидела верхом на кобыле. Жеребята испугались волка. Кобыла тоже. Я упала, но повод из рук не выпустила. Тащила она меня по земле, я тогда лоб расскла.

И с медведем было дело. В ту сторону жеребят пускать нельзя было, но они уходили, там была хорошая трава. Испугались и побежали, я за ними на хромой кобыле.

А какие там были ягоды! Малина и черная смородина. Одна тетушка маме рассказывала – собираю малину, смотрю, с другой стороны Ваня в шапку набирает. Пригляделась – да медведь это! Ноги по-

холодели. Забрехали медведи и на овсяное поле. Задрали телянка, зато у колхозников было мясо. Ягоды черемухи крупные и сладкие. Их сушили, мололи, ели с медом – настоящее пирожное!

Уповать можно было только на Бога. Я выздоровела. Мама ушла в школу. Видели в окно, как у волков блестят глаза.

На следующий год надо было идти в школу. Окончила 1-й класс и только тогда стала понимать, что я читаю. Была молотилка, хлеб молотили. Школьники осенью должны были собирать колосья.

Лошади стояли в загоне под крышей, сено привозили. Была птицеферма. В другом конце села был хлев – для коров, свиней и овец.

Андритис умер в первое же лето. Похоронили его на Апшуканском кладбище. Брат Содумса умер в 1947 году, работал в Сибири кузнецом. Давал мне деньги на книжки. Домой попасть и не надеялась, смысла происходящего не понимала. Мала была. Не хотела ехать в Латвию. Окончила четыре класса, были у меня друзья. Перечитала всю школьную библиотеку.

В 1945 году кончилась война, пришли первые письма. Пришел приказ отправлять детей из детских домов в свои республики. И меня посадили в вагон. Дали одежду, стояли в очереди. Выдали

мне пальто, еле зад прикрыло. В Москве выпустили ноги размять.

Ночью приехали в Ригу. Автобусами отвезли в детский дом. В баню, потом накормили. Директор сказал приветственную речь. Принялись за еду, предупредили нас, чтобы не переедали, будет еще и обед, и ужин. Был карантин.

Зимой дядя заболел. Летом приехала мама. Когда Элза увидела маму, вся побелела. Она всю нашу мебель к рукам прибрала.

В руководстве волостью был человек, который когда-то был у нас в работниках. Он должен был нас расстрелять. Элза сказала, что приехала сбегавшая женщина с ребенком. Я лежала в телеге, и истребители нас не расстреляли. После этого мама хотела уехать в Ригу. Мама до самой смерти Сталина скрывалась. Работала в Клубе текстильщиков, держала корову, мне приходилось ее пасти. Окончила Рижскую 3-ю среднюю школу, поступила в Педагогический институт.

Сибирь

БИРУТА МЕЛДЕРЕ (БЕРЗИНЯ)

родилась в 1930 году

Родилась я на хуторе «Биржъяни» Тумеской волости, у отца было большое хозяйство. В семье было трое детей: я, сестра Дзидра, на пять лет младше, и брат Янис, на 10 лет младше. Отец и мать состояли в организации айзсаргов, отец был командиром волостного отряда. Великолепный организатор, певец, танцор.

И настал черный день – 14 июня 1941 года. Было туманное утро, около четырех утра стало светать, лаяли собаки. В дверь постучали. Я проснулась и сначала не поняла, что за шум. Слышала, что в комнате рядом отец разговаривает с кем-то на чужом языке, раздались крики. И тут вошла в комнату мама, будить нас, сказала, что куда-то нас повезут. Приказали взять с собой много одежды, ехать придется далеко. Один из пришедших был сосед – Фрицис Карклиньш. Он расстелил на полу одеяла и стал складывать вещи. Собирал все он, мы с сестрой перепугались, плакали, мама одевала младшего брата. Увязал два больших узла. Во дворе стояла запряженная лошадь и нас, детей, посадили на телегу. Отца вытолкали из дома, приказали идти впереди. У нас были работники, и одна из служанок принесла из клетки мясо и хлеб. Отвезли нас на станцию Тукумс 2, километрах в семи от дома. Нас поразило количество таких повозок на станции. Двери товарных вагонов открылись, и вначале мы даже не поверили, что нас могут туда посадить. Думали, что туда погрузят только вещи. В вагоны и забраться невозможно было. Солдат забросил в вагон детей, за нами забралась мама. Отца мы так и не дождалась. Сказали, что позже увидимся. Отец остался без хлеба, без вещей. Все вещи были с нами. В вагоне было темно, дощатые нары. Это был какой-то бред. Указали нам верхнюю

полку, возле окошка с решеткой. Мама плакала, побежала прощаться с отцом. Папа отдал маме свои золотые часы, которые потом пригодились. На станции провели два дня. Не кормили, давали только горячую воду. Делились хлебом.

Через два дня поехали. Матери плакали, молились. Нам было ясно, что везут в Россию, но неясно, куда именно... В пути из вагона не выпускали, двоим из вагона разрешили ходить за кипятком. За Уралом навстречу пошли эшелоны с войсками и техникой. На Лиго нас выпустили в поле, мы нарвали трав, чтобы было праздничное настроение. Случалось, сутками стояли. Мучились все без туалета – было стыдно... Дорога была ужасная. Через три-четыре дня раздали нам соленый формовой хлеб – невкусный, непривычный. Но у кого свой закончился, те ели.

В Красноярске высадили на огромное поле, полил дождь. Земля тут же стала гладкая, ноги оторвать было трудно. День промучились, обещали, что скоро повезут дальше. Привели на берег Енисея, там уже были люди, и мы по мосткам с трудом перешли. Вода внизу бурлила, мостки раскачивались, надо было нести узлы, а я еще младшую сестренку вела... Некоторые перебирались на четвереньках... Оказались там все из нашего вагона, но ведь не добровольно...

Налетели на нас тучи гнуса, невиданной мошкары. Когда добрались до места, снова пробыли сутки на берегу, пока не явились «покупатели». Быстро разобрали самых крепких, а мы чуть не остались на поросшем кустами берегу. Но вот и нас повезли в колхоз. Мальчишки встретили нас камнями, дубинками, – к ним ведь фашисты приехали, надо было их проучить. Но нас это не испугало – пережили много. Разместили

Вечерами собирались вместе и при свете лучины пели старинные латышские песни. Потом даже придумали что-то вроде театра, мамы приходили смотреть.

Бирута. Латвия, Тукумс

в доме культуры – в огромном сарае. Баржа остановилась в Енисейске, и здесь мы пробыли до осени, расселить нас некуда было, они и сами голодали. Там были огромные огуречные плантации, огурцы есть разрешалось, давали минимальное количество зерна. Мама зерно парила. В начале зимы сказали, что повезут в леспромхоз. Усадили нас, 10 семей, в телеги и повезли в 40-градусный мороз. Брата мама запихнула в мешок из овчины, а мы, сестры, спрятались в соломе. Ночевали в специальном помещении. Ехали по замерзшей реке и осенью 1942 года приехали в Заводский химлесхоз Нижнеингашского района. И там вдвоем с мамой мы жили до возвращения в Латвию. Работали тяжело, в лесу. Казалось, мы там пробудем веки вечные. Жили в трех больших бараках, которые строили заключенные. Бараки бревенчатые, потолки низкие, окна маленькие. Спали на полу, посреди барака чугунная печка. Было очень холодно, длиной барак около 20 метров, на полу солома, трава. Мама работала, мы смотрели за братом. Один раз в день давали суп и 400 граммов хлеба. Суп был с капустой, брюквой, в каждую тарелку добавляли постного масла. Такой вот была первая зима.

Мама потом стала работать подсочницей, собирала смолу. Она хорошо знала русский, часто ее звали в переводчицы, и тогда маме не надо было идти в лес, она заготавливала чурки для машин. В первые месяцы она получала 400 граммов хлеба, детям давали 200 граммов. В свои 11 лет я ходила помогать маме, чтобы досталось больше хлеба. Ну, а как я могла помочь? Но идти приходилось. Вначале у нас и подходящей одежды не было, обуви не было. Русские научили нас плести лапти. Каждое утро ходили регистрироваться у коменданта. В местной лавке можно было купить соль, спички, табак. Там же выдавали хлеб. Плести лапти научил нас муж продавщицы. В ту зиму многие старые люди и дети умерли.

Весной подрались сажать картошку, ходили в соседние села менять оставшиеся вещи на продукты. Сажали картофельные очистки. Весной появилась крапива, растения, похожие на чеснок, варили суп, и это убергло нас от болезней. Было еще растение, похожее на лилию, у него были вкусные луковицы. Обходились травяными кашами.

Младший братишка начал болеть. Думали, не выживет, ни врачей, ни фельдшера не было. Приходила фельдшерица раз в месяц обследовать условия жизни. А какие могли быть условия, если клопы с потолка падали? На следующий год появились вши. Люди смотрели друг на друга и не узнавали...

В 1942 году мне предложили работу. Снег растаял, стала собирать смолу. Приехал специалист, учил, что и как надо делать. Я должна была вбить колышек в нижний край зарубки и повесить горшочек для смолы. Горшочки были довольно легкие, некоторые как из целлюлозы, некоторые глиняные. Полные надо было сливать в ведро и носить к бочкам. Вот ведро было тяжелое, около 20 килограммов. Я работала вместе с мамой, сестренка смотрела за братом. Трудно было привыкнуть к летней жаре и зимним холодам. Мошकारа забиралась всюду, кусала до крови. На голову натягивали сетки, но это не помогало, случалось, и глаза от укусов не открывались, так распухали. Школы там не было, а детей было много. Я в Тукумсе окончила четыре класса, с собой у меня была подаренная в школе книжка. Она была вся исписана. Потом мы научились писать на бересте и такие письма отправляли даже в Латвию. Заводка была ближайшим центром, но и там школы не было. Школа была в 55 километрах. Да нас никуда и не отпускали – каждый день ходили регистрироваться. Среди ссыльных были люди, которые учили детей. Освоили кое-что на уровне 4-го класса. Старшей среди нас была Ауэстра Звирбуле, сейчас она живет в Стенде. Она поддерживала латышский дух песнями. Вечерами собирались вместе и при свете лучины пели старинные латышские песни. Потом даже придумали что-то вроде театра, мамы приходили смотреть. Когда на третий год нам в бараке выделили комнату, мы ее побелили, по крайней мере, стало чисто и клопы не так донимали.

Одежда изнашивалась. Мама из одеяла пошила мне юбку. Купить ничего нельзя было, но у нас все было хорошо – из очистков выросла картошка, только жиров не было. Позже привезли и поделили отнятую у немцев одежду, появились у нас длинные штаны и сапоги. А так как я считалась на работе, и с продуктами стало лучше. Все мы тосковали по дому. Делились полученными сведениями. Мама интересовалась судьбой отца, писала в Москву. Пришел ответ, что отец умер в Вятлаге в 1942 году. А мы и не знали, где он. В 1942 году там умерло большинство мужчин, посылали их сплавать лес по пояс в ледяной воде. Убили их голод и холод. Когда узнали, что отца нет в живых, тяжело переживали. Мы так и не знаем, где он лежит.

В 1946 году из Ингаша приехала какая-то женщина, пришла в нам в барак и сказала, что в Латвию увозят сирот. Восприняли это известие с восторгом, но надо было еще получить разрешение, хотя

в последнее время уже не было таких строгостей. Готовились к отъезду многие.

Организатором стала госпожа Рейнберга и ее дочери – Айна и Скайдрите. Она взялась доставить детей до 10 лет. Взяла под свою опеку мою сестру и Илмарса Бинавса, и на лошади отправились они в Ингаш, потом на поезде до Красноярска и – на Родину.

Я была очень энергичной, мне тоже хотелось домой, но даже мысли не было, что меня могут отпустить. Осенью узнала, что 8 ноября в Латвию отправят последний вагон. Связалась с той женщиной и сказала, что пойду пешком до Ингаша и уеду. Со мной была и 14-летняя Яутрите.

Было воскресенье. Мама собрала узелок, я надела лапти, в руке палка, на улице минус 40, мы идем, луна светит. Вечером вышли, утром уже были в Ингаше. Вечером поездом уехали в Красноярск. Билеты у нас были, но поезд был переполнен, и целую остановку от Ингаша я ехала на подножке. В

Красноярске у меня потребовали паспорт, сказали, что посадят только детей до 16 лет. Но Бог стоял рядом, и проводница впустила меня, но в списки не занесла. Спали вдвоем на одной полке. Это была замечательная поездка.

В Ригу приехали 18 ноября. Директор детского дома Делиньш встретил нас замечательным завтраком – белый хлеб, кофе с молоком. Выдали нам личную одежду, мы были бесконечно счастливы, что оказались дома. Дедушка и бабушка жили в Ирлавской волости, они знали, что я приеду. Из Тукумса до «Мазкалнуяни» 10 километров шла пешком. Оба они посидели от переживаний.

Мама вернулась легально в 1955 году. У нее в Заводовке была работа – в хлебопекарне, подрабатывала шитьем.

Я пошла в школу. В Тукумсе нас не приняли, мы с сестрой учились в Туме, потом в Буддурском техникуме садоводства. А потом я еще освоила профессию бухгалтера.

Поселок Новостройка, Сибирь. 1949 год

ДЗИДРА МЕЛДЕРЕ (ВАЛДМАНЕ)

родилась в 1934 году

Я родилась в 1934 году в поселке Туме. Родители занимались сельским хозяйством, им принадлежали коровы, свиньи, земля.

В 1941 году – я была маленькая, все были взволнованы, я плакала. Отвезли в телеге на станцию Тукумс II, отец шел рядом. Не помню, как нас в вагон посадили, помню, как спали, на самом верху. День стояли. Маленьких детей выпустили, мы там бегали. Ехали долго, иногда останавливались, нас выпускали.

Запомнилось большое здание в Красноярске – на сваях, вокруг вода. Ввели в большую комнату, там было много народу.

В семье была сестра Бирута, брат Янис, ему был год, и мама. Папу увели еще в Тукумсе.

В 1947 году мама получила свидетельство о смерти, что отец умер в 1942 году в Вятлаге от туберкулеза.

Баржи повезли нас дальше по Енисею, где-то высадили. На лошадях увезли в село, где мы прожили один год.

Мама работала свинаркой, днем ездила на луг за сеном. Дети оставались дома, в маленьком деревянном доме. Ходили за малиной, и меня укусила змея. Тетушки завязали ногу, отвезли в больницу. Оперировал латышский доктор. Нogu вылечили. Через год перевезли в другое место. Было это в феврале, ехали на лошадях, было холодно. Спали у русских, они были люди гостеприимные.

Отвезли нас в глубь тайги – Канск, Кучеровка, Новостройка. Там были бараки – большая комната. Все были из Тукумского района. Окон не было. Тем, у кого были дети, выделили комнатки. Кроватей не было. Из досок сколотили топчаны. Одежды с собой было много.

*Ходили за малиной,
и меня укусила
змея. Тетушки
завязали ногу,
отвезли в больницу.
Оперировал
латышский доктор.
Нogu вылечили.*

Летом мама с сестрой собирали смолу. Я ходила в лес, за листочками, чтобы было что есть. Собирала черемшу. Солили ее. Она поддерживала здоровье. В лесу были ягоды.

Хлеб выдавали по карточкам. В селе мама меняла одежду на мороженое молоко. Давали и яичную муку.

Начало было трудным. Чистили картошку и ели очистки. Картошку резали кружочками, жарили. Зима была суровая. Плели лапти из березового лыка. Делали втулки и лотки для подсочки смолы.

Школы там не было. В 1945 году появилась учительница финка, она начала нас учить. Взрослые учили нас петь и танцевать.

За хорошую работу стали давать одежду – платья, кофты. Устроили карнавал. Стали получать от тети из Риги письма. Она прислала посылку – там была старая фуфайка, «кирпичик» и катушки с нитками. Мама много шила, за это что-то давали. Так и обходились.

Хотелось домой, мама отправила нас. Собрались все в селе Богошет. Приехало начальство на лошадях, всех разогнали.

Второй раз приехала Ремберге из Слампе, у нее были две дочери. Решили, что надо добраться до Красноярска.

Река разлилась, два мальчика уплыли.

Наутро пошли дальше. Пешком добрались до Канска. Мы разделились по трое, чтобы не так

заметно было. Если спрашивали, куда идем, отвечали: «За семечками». Брат остался с мамой. Мы были вдвоем с подружкой Иреной. Билетов не было, нам велели залезть под скамейки. Прятались до самого

Красноярска. Пришли на приемный пункт. Ждали неделю, потом нас отправили в школу глухонемых. И там пробыли неделю. Ходили убирать картошку и морковь. Жили трудно, но природа там красивая, гуляли. По берегу Енисея, по горам. Под дождем отвезли нас на вокзал, посадили в вагон. Ехали в тесноте. Кормили. Мама дала денег, на остановках покупали лепешки и молоко.

Приехали в сентябре, было темно. Измучились. Нас вымыли, очистили от вшей, переодели. И стали мы ждать родственников. Пришла тетя с дочкой. У них пожила неделю. Одели меня, отвезли в Ирлаву к дедушке с бабушкой. Пошла в школу в Туме, в 4-й класс, было мне 12 лет. Стали спрашивать – а зна-

ний никаких. Перевели во 2-й класс. Сидела рядом с Анитой и Улдисом.

Сестра приехала через месяц. До Канска с подружкой они шли пешком. Успели в последний вагон из Красноярска. Она приехала сразу в Ирлаву. Вдвоем ходили в школу.

Мама переехала в село, работала в хлебопекарне, брат ходил в русскую школу. Оба вернулись в 1957 году. Жили в Тукумсе у тети.

В 1949 году из класса снова многих выслали. Выдали табеля и увели прямо с мероприятия. Мы тоже были в списках, но жили уже в Тукумсе. Дедушку арестовали и отправили в Вентспилскую тюрьму. Мы остались в Латвии.

Слева: Бирута, бабушка Катрине, Дзидра

МИРДЗА МИЕЗЕ (БУШМАНЕ)

родилась в 1938 году

Когда нас увезли, было нас три сестры. Отца взяли в Скрунде. В вагоне спали внизу, отец в щелку просунул нам булочки. Вот и все, что я об отце помню. Знаю, что мама просила наверху не прыгать, потому что мусор попадает детям в глаза.

Потом младшая сестра заболела, ей было 11 месяцев. Где-то в России положили нас в больницу, и вся наша одежда пропала. Там был большой парк, я забралась в гамак, а выбраться не могла, пока меня не нашли. Потом жили где-то, мама ходила подбирать колосья, люди давали очистки. Потом повезли дальше, помню, что не могла ходить. Мама несла младшего, старшей сестре было пять лет, какая-то тетюшка несла меня на руках. Мама работала на пилораме.

Жили в маленьком домике, спали на досках, спали на соломе, все под одним одеялом. Мама руками шила другим. Два раза нас обокрали. Украли сахар, украли платице.

Помню еще, как Вилнис играл на скрипке, мне очень нравилось. Мама на пилораме пилила известняк. Я бродила вдоль берега, смотрела, не разрешали ведь. Бревна сплавляли вниз по реке. Прыгала по бревнам и – бултых под бревно.

Посадили в огороде огурцы. Босиком уминала в бочке капусту.

В 1946 году мама нас с Верой отправила домой. В Риге были долго, обе заболели корью. Ехали в каком-то вагоне, больше стояли, чем ехали. Мама дала Вере пять рублей, она их хранила, пока не пропали.

В Риге сначала отвели в душ, потом в большое помещение. Там мы заболели, пробыли долго. На улице собирали желуди, жарили в печке и ели, как орехи, вкусно очень. Взрослые послали меня

в погреб за картошкой. Взрослые там ее перебирали. Стояла долго, пока не спросили: «А тебе чего, девочка?» – «Картошечку». Давали.

Изюм не ела, вынимала из молочного супа, складывала на столе горкой, все удивлялись, как это ребенок не ест изюм. Приехала за мной папина сестра, привезла домой. Печенье давала понемногу, чтобы не переела. В свой дом пойти не могли, там другие жили. Подойдем, прячась, согнувшись, и смотрим из-за елок.

В 1947 году мама вернулась домой. Была весна, коровы уже паслись. Я завтракала, смотрю – мама с сестрой идут. Закричала – мама идет! Выбежала во двор, кричу – мама дома! Побыла мама пару месяцев, потом нашла комнатушку, и мы ушли туда жить. Старшая сестра осталась с бабушкой.

В 1950 году – фьють! Обратнo!

Два года ходила в школу, дела шли кое-как. Латвийского не знала. В школу пошла в 10 лет, не успела 2-й класс окончить, как вывезли второй раз. Это мне запомнилось. Возвращались из школы с двоюродной сестрой, навстречу соседка с ведрами – тебя ждут. Взяла меня за руку, завела в дом и передала в руки русскому. Когда я его увидела, поняла – обратно в Сибирь. В 1949 году уже вывезли две семьи. Машина уже поехала к бабушке. В комнате все было перевернуто. Взяла свою сумочку, и русский повел меня к бабушке. Бабушка собиралась, дала с собой кусок мяса.

Маму взяли 2 апреля. Мы пошли к маме в Кудигу, а ее в это время уже увезли в Вентспилс. Вошли через большие ворота, мама вниз спустилась, взяла своих деток за руки и наверх. Ночью отвезли нас в Ригу. Через неделю поездом в Красноярск, в Канск. Потом

В свой дом пойти не могли, там другие жили. Подойдем, прячась, согнувшись, и смотрим из-за елок.

нас, три семьи, отвезли в Березовку. Я только о том и думала, как убежать, но убежать не могла. Когда исполнилось 16, сделать ничего не могла, а когда стукнуло 18 лет, сказала – уезжаю.

Мама не хотела, но я сказала – хоть тайком, но уеду. Меня не отпускали, я 18 коров доила, руками, четыре раза в день, нечем было меня заменить.

Написала директору, и не уходила из конторы, пока он не подписал. Я долго могу стоять. Документы подписал, а две недели еще отработать надо. Отработала, а в поезд сесть не могу, был уже октябрь. Там была гостиница для колхозников. Две ночи спали там с мамой, встретила в городе своего начальника, говорит – может, вернешься, а я ему – лучше билет помощи достать. Ехала домой семь суток. Приехала домой к папиному брату.

6 ноября 1956 года приехала в Куддигу. Остальные там остались, отмечаться надо было, я была свободна.

Русские учителя не могли прочитать мною написанное, потому что попадались и латышские буквы. В математике цифры-то одинаковые. Когда вернулась, три месяца была без работы. Потом на промкомбинат устроилась, отработала год или два. Потом 33 года отработала на фабрике «Мара». Мне было 52 года, когда я вышла на пенсию. Об отце не знаю ничего. В книге нашла, что он умер. Подробнее не знаю.

Маме один знакомый сказал, что донашивал отцовские штаны, что отец умер в 1942 году, слава Богу, не пришлось долго мучиться. Был он в Кировской области.

Третья слева Мирдза. В Сибири

АРИЯ МИКЪЯНИС (ГАЙЛИТЕ)

родилась в 1929 году

Нас в семье было четверо – отец, мама и мы с братом. Дедушка с бабушкой жили в деревне, мы в Крустпилсе.

В 1940 году жили еще в Екабпилсе, потом отца перевели в Крустпилс. Он был уголовный надзиратель. Его перевели, он работал. Может быть, им не понравилось, что он остался на той же работе, хотели кого-то другого поставить...

В Крустпилсе я окончила три класса. Отец часто болел, болела спина. Дедушка умер. Когда строил новый дом, надорвался. На основании медицинской справки его от работы освободили. Было это в конце 40-го – в начале 41-го года. Весной он один засеял все поля в Селии, жил один со своей мамой и сестрой.

Когда мы окончили школу, приехал и на лошади перевез меня и маму. Половина мебели осталась в Крустпилсе. Мы там даже еще не успели устроиться, только приехали. Прошло четыре дня, и за нами приехала машина.

В вагоне мы развязали узлы, у всех были подушки, одеяла. Был и мой школьный портфель. И это все.

При аресте присутствовали два соседа и один наш арендатор. Они были на мельнице, следили, чтобы отец не выходил из дома.

Среди милиционеров один был из Сеце, мамин одноклассник. Папиной мамы не было дома, она уехала в гости, а к нам пришла мамина мама, подоить коров. У нас было две коровы. Бабушки в списках не было, ее хотели внести в список, как и брата Гундарса, но тот, что был из Сеце, сказал – не вносите, она моя соседка, я ее знаю и за нее отвечаю. Я отвезу ее домой. Так бабушка осталась дома.

Потом машина поехала за соседями, полунемцами. У них было большое

хозяйство, самого хозяина взяли как командира айзсаргов. В семье была жена и сестра мужа.

Хозяева собрали серебро, закопали под яблоней. Мама взяла папин орден Трех звезд, положила, орден Лачплесиса тоже. У отца было пять или шесть наград, все это закопали под яблоней. Полицейские место знали, все вещи выкопали. Когда мы вернулись, одну, самую простую медаль брату отдали, но без ленточки.

Из второго дома взяли только маленькую девочку. Ее отца уже забрали, мама умерла. Отца, кажется, расстреляли, о его судьбе девочка не знала. Помню, что звали ее Саулцерите, было ей лет 12–13, фамилию не помню.

Когда нас привезли на станцию в Крустпилс, отца увели. Он был в костюме. С собой у него ничего не было. Милиционер из Сеце шепнул маме: «Что я могу для вас сделать?». Жаль, что я не знаю его фамилию. Он поехал, привез отцу полушубок, мама сказала, где лежат деньги, кольца. Все эти мелочи сунул в вагон через щель. Полушубок мама передала отцу, но он его вернул. Передал, что детям нужнее. Ему он не понадобится.

Когда ехали через границу Латвии, пели прощальные песни. Помню, как в конце спели «С песнями и музыкой из России возвращаюсь». Мама развязала один узел, там оказались только шапки, и на какой-то станции она все их выбросила в окно. Люди шли и удивлялись – шапки по воздуху летают. Больше ничего там не было. Из большого хозяй-

ства взяли хлеб, крупу, и весь вагон питался их продуктами. Все были вместе. Правда, недолго, потом их послали на Север, и о них ни слуху ни духу. Анна, кажется, покончила жизнь самоубийством, утопилась,

*Мама очень
ослабела, прямо
кожа да кости.
Она ела лебеду, я не
могла, я ела крапиву.*

сестра умерла – она была крепкая женщина, но и она не выдержала.

Мы оказались в Ададыме, потом в Таможенке. Разместили в школе. Кто-то спал на полу, нам повезло – там была русская печь, мы спали на полатах.

Отвезли в колхоз, а оттуда Гайлитисов, Грун-стеньков и Казаксов повезли еще дальше. Остались мы одни. Вначале было пять семей, осталась одна. Мама не захотела оставаться одна, и мы ушли вслед за ними. Увязали вещи, пошли пешком. Решили, что дойдем до следующего совхоза. Мама договорилась с начальником НКВД, что он не станет возражать, если мы уйдем.

В совхозе нас приняла к себе жена офицера, хорошая женщина. Меня пожалела, потому что я всем нравилась. После совхоза снова поехали в Назарово. Из Краснополянской мама два или три раза ходила менять платок и золотое кольцо на старые валенки. Ее чуть волки не растерзали, но, слава Богу, вернулась целой и невредимой. В Назарове стало жить легче. Мама работала в швейной мастерской, брат на заводе делал крахмал, возил дрова. Там выдавали картофельные очистки. Они были горькие, мы пек-

ли их на печке, переделанной из железной бочки, труба уходила в потолок. Это была наша еда. Мама очень ослабела, прямо кожа да кости. Она ела лебеду, я не могла, я ела крапиву. Мама много отдавала брату – половину хлеба, чтобы он выжил.

Потом придумали отправить нас дальше. Год на карточке не стоит, но на обороте мама написала: «Помни, дочка, что ты латышка, что Родина тебя зовет!». Собирались отправить маму и брата, я была еще мала.

Пришел представитель НКВД и сказал: «Можете не ехать. Вам за это ничего не будет. Изобразите только. Чтобы никто не знал. В вагон не заходите». Приехали мы на станцию.

Народ сидел на своих узлах. Забили соседскую кошку, мама нацедила кровь в пузырек. Когда надо была садиться в вагон, мама взяла в рот кровь и выпустила, так мы остались на наших узлах. К нам никто не подошел, когда поезд ушел, нами тоже никто не заинтересовался.

Вернулись домой, наутро мама с братом пошли на работу, словно ничего не случилось. Так это и осталось покрыто тайной.

Ария (слева). Латвия

Из той партии никто не вернулся, ни о ком ничего не известно. Должны были ехать и другие латыши, но они откупились, поэтому и хотели отпустить маму и брата.

Когда умер Сталин, стало легче. Пошли в вечернюю школу, окончили. Мы уже дружили, Гундарс поступил... вместе ходили. Мама купила корову. Я пошла ученицей в швейную мастерскую. В 1950 году поженились, жили отдельно. Родился Игорь. Я уехала в Омск – с работы направили меня учиться на закройщика. Когда я вернулась, мама Гундарса тяжело болела. Эдвардса она так и не дождалась. Она так хотела вернуться в Латвию, что нам совесть не позволила ее там оставить, оформили документы и перезахоронили ее здесь.

Детство помню плохо – как пасла коров, полола грядки, так как брат жил в основном в городе, я в деревне, потому-то и дом этот мне ближе. Приехали в Латвию, старшему, Игорю, пора было в школу. Мама все время говорила, что хочет, чтобы Игорь учился в латышской школе, хотела, чтобы мы вернулись в Латвию. Поэтому мы и вернулись, хотя Гундарс только что закончил учебу, да и я, если бы поработала на фабрике, мы вернулись бы с деньгами. Когда мы приехали, было у нас 400 рублей. Жилье найти не могли. У брата нельзя было, мама тоже жила в одной комнатке с другими.

Отправились к знакомым, так и остались в Цесисе. Первое место работы – профучилище, Гундарса принял на работу директор Эглайс. Кажется, у них мастер заболел. Гундарс обучал столлярному делу.

Я больше года не могла найти работу. Объявления были, но меня не брали, хотя у меня был диплом закройщицы, училась заочно в Москве, на 2-м курсе. Как глянут в мои документы, видят, что я из России, так сразу я не нужна. Директором в Доме культуры был Павлов. Они – трое мужчин – пели в ансамбле. Один был из Крустпилса, меня знал и сказал директору, чтобы меня принял. Так я стала вести курсы кройки и шитья в Доме культуры. Приходила домой поздно, у меня было 12 или 11 групп. Это была моя первая большая зарплата.

Потом работала в школе, и в 1-й, и во 2-й, было три выпуска. Преподавала со всеми чертежами, как меня учили. Потом пригласили технологом в бытовое обслуживание.

Детство помню плохо, больше запомнилось время, когда учились в вечерней школе. В Латвию очень хотелось вернуться, очень...

Ария с матерью Херминой. Сибирь

Первым приехал брат, он жил в Красноярске, за ним мама, мы – в 1958 году, когда Эдуарду исполнилось полгода. Крестная прописала Гундарса в Риге, а мы вынуждены были приехать в Цесис. Вначале было очень трудно, повсюду за мной тянулась ссылка. Я не стеснялась, никогда не скрывала. Боялась только за детей, когда они уехали в Ригу учиться.

Младший сын в русское время был районным архитектором, сейчас у него частная практика. Старший работает в Латтелекоме. У меня две внучки и правнук. Обе живут в Риге.

Болит сердце оттого, что имени отца нет на том камне. Если бы памятник репрессированным поместили в достойном месте... В Торнякалнс никто не приходит, не приезжает, никто его не видит. Ищут место, куда поставить памятник Петру I, а о том, что погибли тысячи... Нашли место для памятника, а людей огородов лишили. Да и как он выглядит... Даже птицы его боятся, не только люди. Сейчас, конечно, другое искусство, другие люди, другие понятия, хоть бы человечнее его сделали, и Торнякалнс не выглядел бы так плохо. Но что тут поделаешь...

Другим – евреям выложили камни, так красиво, есть все-таки разница.

Сами латыши не ценят свой народ, не берегут. Я это по себе чувствую. Стариков на санки да в лесу вывалить. Я не из оптимистов.

У меня хороший муж. Мы друг друга поддерживаем. Если бы я в России не выращивала и не продавала огурцы, он бы не смог учиться... Все выдержали, все сделали...

ВИЛНИС МИЛТС

родился в 1932 году

Вилнис Милтс, родился в Риге 24 июня 1932 года. Родители латышского происхождения. Дед моего отца был ломовым извозчиком, мать домохозяйка, было четыре брата. Отец работал кочегаром на Агенскалнских пароходиках.

И он, и дед пострадали от Бермондта, ноги прострелены, с тех времен фотография сохранилась. Когда возникла авиация, поступил в школу сержантов. Кажется, в то время начинали летать в звании сержанта, потом надо было дослужиться до офицерского звания. В авиации он попал в две аварии – первый раз въехал в грязь и сломал шасси, второй раз на Спилвских лугах перевернулся.

Это могло быть, когда к власти пришел Уманис, была сформирована авиация айзсаргов, а поскольку он был офицером, его перевели в отряд. Потом летать ему запретили доктора, якобы на нервной почве, возможно, нервы у него были не в порядке. Назначили его начальником мастерских. Было это в Спилве. Там построили новый ангар, зал для офицеров. До прихода русских успели построить еще один ангар. Когда вошли русские, ангар обокрали – залезли в окна и вынесли все инструменты. А инструменты надо было передать русским, так рабочие ходили на набережную, на блошинный рынок и за свои деньги эти инструменты покупали. Токарные станки через крышу вынести не смогли.

Всех уволили, возможно, кто-то из хозяйственников остался. Потом отец работал в Риге на складе. Приближалось 14 июня, но никто не знал, что будут забирать. Отца предупредили, но не думали, что заберут и семью, до этого по ночам забирали мужчин и то очень выборочно. Происходило это так тихо, что никто

ничего не знал. Не знали и о расстрелах в Балтэзерсе. 13 июня ночью отец отправился к знакомым, так как его кто-то предупредил. Но в ту ночь ничего не было. 14 июня была суббота, у двоюродной сестры Вилмы была свадьба, нас пригласили тоже, мама тогда уже работала – это в латвийское время женам офицеров работать не дозволялось, это было дело чести, и офицер никогда в магазине не покупал селедку, хлеб. Бутылку коньяка купить мог. Мы готовились к свадьбе, отец ночевал в Марупе у родственников. Наутро пошел на работу, он ведь не знал, что и днем могут арестовать. Около 11 часов пришел один русский, один в штатском и солдат, сказали, что надо уезжать, нас перевозят. Куда – не сказали, может, и сами не знали. Искали отца, в то время телефонов было немного, пошли в магазин звонить. Приехал отец, сказал, что на площади Победы полно машин, укомплектованы, людей увозят.

Отняли серебряные вещи. Швейная машинка, радио, велосипед – все конфисковали. Переехали через канаву, она и сейчас есть, забрали Цериньша, офицера полиции, надеть ему нечего было, так как в офицерской форме показываться было нельзя. Отвезли нас на улицу Коклес, жили на станции до понедельника. В Шкиротаве – оттуда в основном вывозили. Торнякалнс – это так, сколько вагонов можно было подогнать на одни пути... Посадили в вагон. Все происходило в Шкиротаве.

В вагоне были уже полковник Поне, Краминьш, директор банка с дочерью Маргретой и сыном Харийсом, директор Озолиньш, который жил в доме Беньяминышей, был еще актер, мы с мамой, еще Митревицс, их с компанией евреев уложили на полу.

Счастливым был, когда вернулся в Латвию. Мой отец в свое время так сказал: «Разрешите мне еще раз поднять Латвийский флаг, и тогда расстреливайте!».

В понедельник утром поехали. Первый раз двери открыли в Даугавпилсе, разрешили купить хлеб. Его нам давали, но к такому мы не привыкли, вероятно, пекли такой для армии, соленый, чтобы не плесневел.

Говорили, что едем в Москву, но объехали стороной. Полковник Поге, который вернулся с востока, смеялся, что везут нас, вероятно, на юг, но каким-то образом мы оказались в Челябинске. Всех мужчин в основном рассортировали еще в Шкиротаве. Озолиньшу было 70 лет, для шахт он не годился, у Харийса Краминьша был детский паралич, такой тоже не был нужен. Во всяком случае, его не взяли. В Кирове забрали остальных мужчин, остались Озолиньш, Харийс, сын Цериньшей Вайрис.

А что было в вагоне? Всех разделили, я попрощался с отцом. Это было в три или четыре часа ночи. Часов, кажется, ни у кого не было, бывалые вояки определяли время по компасу. Потом навстречу пошли товарняки с солдатами, на паровозах – пулеметы. Телефонов не было, но навстречу шли эшелоны с «живым грузом», и мы все поняли. Танков не видели, возможно, перевозили их по ночам.

Видели нищету, тысячи гектаров затопленных лесов, потому что когда прокладывали железную дорогу, отводных канав не сделали, вода ушла в тайгу. Подходили дети, кланчили – не конфеты.

Переехали через мост, подъехали к порту на Оби. Там стояли баржи с зерном. Не знаю, почему, но посадили нас вместе с эстонцами, видно, их прицепили позже. Началась дизентерия, возможно, из-за обской воды.

Привезли нас в Парабель, городок маленький, был прилив, другой берег не виден. Пересадили на баржу поменьше, повезли по другой реке до поселка под названием Шука. Высадили, были главным образом тетужки, женщины и дети. Из вагона были Озолиньш и Краминьш. Приехали так называемые купцы, и мы с Озолиньшем и Краминьшем оказались вместе в селе, которое называлось Белка. В телегу сложили наши вещи, у кого сколько – одним разрешили взять 100 килограммов, другим 20, а у кого-то был один только цветочный горшок, а мы пешочком за телегой – километров двадцать-тридцать.

Вначале поселили в клубе на полу, помещение большое. Местные большей частью были когда-то высланные кулаки. Мы жили в семье Яковлевых, сыновья были на фронте, хозяев не спрашивали,

подселили нас, и все. Спали на нарах – Краминьш с сестрой, госпожа Данамберга с сыном Петерисом и дочкой Ирисой, мы с мамой, Вайрис Цериньш спал один, ему было 16 лет.

Было время сенокоса, нас послали на заготовку силоса – в ямы сваливали рубленую траву и ее утаптывали. Словом, посылали на полевые работы. Осенью жали хлеб, серпами, косили, была и косиака, потом колосья вязали в снопы. Осенью что-то оставалось и в поле. Там ни одной машины, ни одного трактора не было, разве что проездом. У нас тоже молотили лошаадьми, ворочались какие-то трансмиссии, снопы укладывали в машину, через один конец высыпалась солома с мякиной.

Жили так до весны, потом лошадей взяли на фронт, женщин послали копать землю. На лопату нажимали вдвоем, на коровах бороновали. Тут уж молока не было, вообще считалось хорошо, если корова в сутки давала два литра молока, считалось, что выживет. Интересно было. Ходили в тайгу, таскали – санок у нас не было, пилу одалживали, надо было расплачиваться – отдавали платок или что. У кого вещей было больше, могли лениться. Сейчас это называется бартер – вот, я тебе шубу, а ты мне столько-то картошки, капусты, каждый день пол-литра молока. Дрова тащили на горбу, и местные тоже. И печка была странная – из навоза, глины и соломы, запах стоял, пока не просохнет, но к этому привыкли.

И зимой работали – гнули лыжи для фронта, вязали сети. Единственная плата – хлеб. Мама отработала год, и за это ей полагалось три килограмма серого гороха, остальное шло государству.

Каждый второй день надо были идти в комендатуру отмечаться. У нас было интересно – председателем был Нестеров, комендантом – Костеров, на фронт их не взяли. Люди шли за 20 километров, чтобы отметиться.

Мама работала, я уже научился подворовывать – какую-никакую картофелину. С сыном Даненберга ходили воровать турнепс, видели змею, этим все и закончилась, никогда раньше не видели красного ужа.

Рыбу удил – отвес, пуговица от штанов и удочку в воду – рыбы там было не меряно. Щук руками вытаскивали – накидывали петлю из конского волоса, когда она пригреется на солнышке. Небольшая, а все же рыба.

Самое печальное случилось следующей весной, когда мы уже обжились, посадили картошку и

нас собрали и всех увезли. До Парабели шли пешком, 40 километров. В Парабели таскали кирпичи с завода, который находился в 15 километрах. 30 километров в день пройдешь, выдадут тебе 500 граммов хлеба. Кажется и нам, детям, давали, по 200 граммов. То давали, а то не давали. Самая маленькая дневная норма наша была 150 граммов. И вода. Бесплатно. Дрова заготавливать надо было самим.

Потом посадили нас на пароходик, назывался «Максим Горький». День ждали, перевезли в порт, вода была низкая, пароход пристать не мог. Отвезли в Колпашевский район, село Былино. Пристали к берегу, выгрузили кирпичи – из них надо было сложить печь. Были две стены и крыша – наше первое жилье. Крыша плоская, да еще протекала.

Построили бараки, потом вдруг придумали женщин послать за ягодами. Подошли большие лодки на четыре весла. Тащить их надо было на бечеве, там, где не протащить, работали веслами. Отвезли в Зайкино, там надо было ягоды собирать. Обобрали эту территорию, отправили еще дальше в лес. Бруснику насыпали в ящики, бочек не было, кажется, отправляли на фронт. Зимой снова привезли в Былино. Нормы выработки стали меньше, и нас отправили в школу. Когда жили в Белке, в первый год, в школу не ходил, хотя меня посадили во 2-й класс. В 1-м мне делать было нечего. Учились параллельно 1-й и 3-й класс, 2-й и 4-й. В феврале умерла мама.

Мне сообщили об этом недели через две – сообщение летом по воде, зимой по льду. Если кто-то ехал, присылали с ним пару строчек. Так я узнал, что мама умерла. Надо было ехать на кладбище, а как добраться? И остался я один на свете, со своими 125 граммами в школе. И научился я ходить с сумой – перекрестись по-русски, давали что-нибудь, а кто-то и собак напускал. Жили в школе-интернате, спали на полу, укрывались тем, что у кого было. Умерла мама 27 февраля 1944 года.

Мне сказали, что маме стало плохо с сердцем, но кто знает, что там было. Что могло быть, если у нее ноги стали вдвое толще? Сначала человек худеет, потом начинает пухнуть...

Был такой Петерсонс с братом. Брат умер, Имантс бегом побежал, чтобы получить кусочек в 125 граммов... Имантс палкой убил мышью, испек, мне не дал. Это был голод... Единственное, что можно было грызть, – снег на улице. Обменять ничего нельзя было – зимой минус 50 градусов, куда в та-

кой одежде пойдешь, обуви не было. Кто умел шить, вязать, тому было легче. Валенки нам не дали. Когда шла уборка, что-то платили, а так гнали на работу, мы ведь были фашисты, тогда не церемонились, как сейчас.

Школа была километров за 40, там ничего не было. Были конюшни, но мы туда не ходили. Наши бараки... там ничего не было... это был остров – с одной стороны река, с другой стороны – широкая Обь. Куда на лодке доплывешь? Ну, до первого жилья, а там снова комендант, снова загребут. Какая-то связь у них была, возможно, полевые телефоны.

Зиедонис Петерсонс умер, еще один молдавский мальчик, Коля. Гробов не было, из досок сколотим какое-то подобие ящика, деревянными гвоздями забьем. Местные ребята помогали. Чтобы не делать второй ящик, мальчика этого туда же затолкали. Там смерть ничего не значила, если человек умирал, одна беда была – если умирал зимой.

Было там кладбище, в Былино, которое зимой все рыли и рыли, искали, где земля мягче, а весной, когда началось половодье, весь берег обрушился и уплыл в Северный Ледовитый океан, так что мамочка где-то на самом севере...

Весной маминой могилы уже не было. Была там такая Стаге, которая стакнулась с местным комендантом. Она организовала наш отъезд в детский дом, но нас, словно мяч, перебрасывали из одного детского дома в другой – везде полно было русских детей, лишних брать никто не хотел. В детском доме тоже были те же 300 граммов хлеба, ну и суп. В первый раз отвезли нас в Колпашево, там детского дома не было, надо было ехать в Круглово. Приехали, поместили в изолятор, продержали два месяца.

Потом сказали, что мы не те, что надо ехать в Васюган, дальше на север. Там была речка, 300–400 километров длиной. Там ждали пароход, жили в клубе, спали на полу. Давали хлеб, когда перевозили с места на место, супа не было. Воровать там было нечего, жили в Усть-Чижапке. Дождались парохода, назывался «Кабальяк», спи, где хочешь – на палубе, в машинном отделении. Отвезли в Верхний Васюган, было там село Айполово, там был детский дом. Было там около 300 детей. Надо пилить дрова. Их привозили, пилили сами, двуручной пилой. С одеждой была беда, летом раздевали до трусиков, зимой выдавали фуфайки. Ваты в них не было, набиты были льняной паклей, она скатывалась, кололась.

В школу ходили за четыре километра. Зимой при минус 50 в школу не ходили, но термометр был только в школе. Сбегаешь за четыре километра, глянешь на термометр – идти или не идти. Или возвращаешься, или сидишь до обеда. Осенью ходили на колхозное поле, таскали картошку, морковку. Украл, и тут же надо было съесть. И наступила зима 1945 года, я получил письмо...

В школе мы писали свекольным соком на газетах. Чернила были только у учительницы, она исправляла наши работы. Обычно в школе пишут черными чернилами, исправляют красными, у нас было наоборот. Тут стали давить американцы – требовали возвратить детей в Латвию, деньги выделены.

В 1946 году собрали детей, сколько можно было посадить в вагон. Эстонских детей отвезли осенью минувшего года, до нас очередь дошла только в июне, посадили в товарные вагоны и повезли. Из Томска надо было добраться до станции Тайга, а оттуда дальше. Было нас человек 80. Была среди нас девочка, парализованная, работала в лесу, ехала без документов, нелегально. Ей было 18 лет, в лесу на нее упало дерево. Мне было около 15 лет, был парень и постарше. В Томске нас переодели, приехали в Москву.

В дороге кормили американскими продуктами – пряники были, консервы. В Москве долго стояли, потом Слейнгамане сказала, что мы застряли здесь надолго, и вдруг говорит: «Нечего!», дала кому-то взятку, прицепили к какому-то поезду, доехали до Резекне. Там нас сводили в баню и повезли в Ригу, на улицу Кулдигас, там еще был карантин. За мной пришла бабушка и мамина сестра, их не выслали и на запад они не успели уйти. Бабушке меня не выдали, была она старая, и взяла меня тетя. На этом эпопея и закончилась.

В 1949 году второй раз не взяли, проблем не было. Цериньш, который убежал в Латвию, в 1949 году проделал обратный путь. Вот ему есть что рассказать. Госпожа Краминя пошла и утопилась. Нервы не выдержали. Сегодня это называется депрессия. Ее потом нашли. Краминьш живет в Иманте, если еще не умер, он был старше меня.

Потом умер директор банка Озолинш. От старости. У его Бируты был лакированный чемоданчик, браслет из Бомбея, но за это ничего не давали. За ситцевый платок можно было получить ведро картошки, а за золотые кольца и украшения – ничего.

А каковы были отношения с местными? Вначале обзывали фашистами. Когда после нас привезли туда молдаван, мы их не принимали – на них были коричневые вещи из домотканого сукна, которую окрашивали корой, шляпы. В основном были женщины, было их немного. Русским надо поучиться – мальчик Коля жил одну зиму у Поне, Андрейс и Майя живы и сейчас. Майя теперь Пруссе, живет в Курземе. Этот Коля за зиму научился говорить по-латышски, вместе жили трое детей. Я вначале знал только два слова – иди сюда! Была такая игра. В русскую школу пошел через год.

Собирали орехи и бруснику. Такую, как мы в Латвии собираем, там никто и не брал, там брусника величиной с клюкву. И по виду разные – на меленькую грушу похожие, острые с обоих концов.

Самый большой мороз, который мне пришлось пережить, – 60 градусов. Продолжался он пару дней. 40 градусов – нормальная температура. Обморозил руки, рукавиц ведь не было. В детском доме дали валенки. Надо было их обшить, научиться чинить. Мы должны были работать, чему-нибудь научиться. Я учился у кузнеца – ковать ножи. Там все с ножами ходили, в тайге без ножа никуда. Убийств не было. С местными отношения были нормальные. Они и сами были сосланные, только разница в том, что нас к ним привезли. Если в доме было две комнаты, дом считался большим. Двери не запирались, замков не было, завязывали веревкой, чтобы ветер не открыл. Замок считался богатством. И воровать нечего было. Миска, чугунок, если украдут, сразу узнают, кто.

В Рождество пекли круглый хлеб, караши, по латышской традиции, из тайги приносили красивую лиственницу. Свечек не было, достали бутылочку из-под валерьянки, получился красивый огонь. Обычно освещались огнем из печки. Рисовали карты на черной бумаге, рисовальщиком был Сленгманис. С нами в комнате жили дочери Упитиса. Достали керосин, вставили фитилек. В спальнях света не было, и в коридоре не было, только в классах и в столовой. У стены была полочка, на ней стояла лампа, без абажура, чтобы светлее было. Ну, и конечно, все время хотелось есть. Беспощадно. Голодные были, как собаки. Могли есть, и есть, и есть. Живот как будто набьешь, а есть все равно хочется.

В Латвию хотелось уехать? Как бы то ни было, но все там молились, и первое, что просили, – домой.

С мамой о Латвии разговаривали? А о чем же еще разговаривать зимой у крохотного оконца? У нас, конечно, не полярная зима была, мы не так далеко были. Географическое название этого места – Васюганское море, но Васюган от нас был в 300 километрах. Теперь я знаю, о чем писал Джек Лондон, когда описывал, как плыл по Амазонке. По Васюгану плывешь, ничего не видишь – только вода вокруг. Снег таял в мае. Детей из детского дома посылали собирать колосья. И сдавать в колхоз. Сунешь в карман, детям ничего, а если взрослого поймают, – худо, и русским грозил лагерь. Наша воспитательница из детского дома на 20 минут опоздала, – во время войны и в колхозе надо было работать, – за что получила четыре года тюрьмы. Молодая женщина. Сталин не церемонился, четыре года это еще отпуск, обычно давали восемь и больше.

Какая она все-таки, Сибирь? Хорошему человеку не пожелаю. Такой, как была, Сибирь уже не будет, многих деревень и поселков нет и в помине, раз-

бежался народ. Колючку протянуть в любое время можно, но деревень нет больше. Там, где я был, одни бомжи, все распилено на лесоматериалы. Раз уж тут, в Псковской области, народу не осталось, так близко к Балтийскому морю, к Европе и Москве, что же говорить о севере Сибири, где на тысячи километров тянется тайга, где нет дорог и будут они еще не скоро. То, что они ракетные базы понастроили на болотах, – да есть ли они еще там, рентабельны ли? Счастлив был, когда вернулся домой, в Латвию. Мой отец в свое время так сказал: «Разрешите мне еще раз поднять Латвийский флаг, и тогда расстреливайте!».

Об отце ничего не знаем... Когда ходил в чека за отцовскими документами, дали мне справку, что умер 22 июня 1942 года в Гулаге, в лагере № 6. Это по документам чека.

Кто в конце концов должен нести ответственность за то, что произошло?

Должен быть второй Нюрнберг, осудивший фашизм. Они еще есть, и в Латвии тоже...

Вилнис с матерью Элизабете и отцом Рудолфсом. Латвия

БАЛВА МИТРЕВИЦА (БАЛАШЕВА-САМАРСКАЯ)

родилась в 1926 году

14 июня я находилась улице Кастранес, где бабушке и дедушке принадлежало большое садоводство и куда я после окончания 5-го класса гимназии приезжала помогать. Около четырех утра позвонила взволнованная мама и стала рассказывать моей крестной – бабушкиной сестре, что происходят серьезные вещи и что я должна возвратиться домой на улицу Скарню. Когда ехали, крестная засомневалась, стоит ли ехать, на улицах полно машин с людьми. Я сказала, что поеду к родителям. Вошла в квартиру и увидела, как трое или четверо мужчин пакуют наши вещи, они сказали, что придется уехать и велели папе подписать какие-то бумаги. Папа подписал, – и представьте себе, в архивных бумагах упомянуты единственные вещи, имевшиеся в нашей квартире – фотоаппарат и военный бинокль... Ни что мебель у нас была, ничего...

Одежду, вещи – все уложили. Один из них сказал – берите все, пригодится. Он помогал маме укладываться. Остальные не слышали. В квартире осталась тетя. Когда папа закрыл нашу шикарную квартиру, он положил ключи в карман, тете не отдал. Он сел в машину, а меня в машину не пускают. Когда они приехали, меня не было дома, значит, ехать мне не надо. Тетя дергала меня за руку, чтобы я осталась, но я не понимала, как можно в 14 лет отказаться от своей семьи... Я запрыгнула в машину, но меня снова вытолкали. Потом согласились – раз уж так хочется ехать, оставайся. Нас повезли на станцию Торнякалнс, через Понтонный мост. Рядом ехал трамвай №10, и внутри я увидела папину сестру, которая ехала на работу. Это было около восьми утра. Она стояла в дверях, мы ей махали, но она нас не видела... Потом повезли в Шкиротаву, заперли в вагоны вместе с вещами. Мужчин на

перроне отделили. Отца в вагон пустили. Одну ночь провели в вагоне, и тогда отец обнаружил ключи. Он был в отчаянии, все, что было, больше не существовало. Завернул ключи в бумагу, написал адрес на улице Кастранес, фамилию маминой дочери – Холцмане и выбросил в окно. Вдоль вагонов ходили люди, искали близких. Кто-то подобрал ключи и передал по адресу.

Когда ехали, отец что-то предчувствовал, поэтому поделил вещи. Правильно сделал, потому что на вокзале в Кирове его вызвали, и мы не видели его целых 10 лет. Нас с мамой привезли в Новосибирск. 5 июля мы оказались в колхозе «Высокий Яр» Парабельского района, около устья какой-то реки. Нас посадили на баржу и повезли, большие пароходы там не ходили. Сидели на берегу, смотреть на нас приехали председатели колхозов, выбирали, как на невольничьем рынке. Семьи с маленькими детьми брали без особой охоты. Ребят разобрали быстро. Нас взял Горошкин и отвез в колхоз «Невага» или «Невада» – название совершенно не соответствовало тем временам. Среди нас была супруга фабриканта Кузнецова и многие другие. Горошкин водил нас по домам и приказывал местным, тоже ссыльным, брать нас на постой. Нас поселили в семье, где и так уже было много народу, в доме считались две комнаты, одна из них была кухня, позже мы переселились в другое помещение.

Ели то, что можно было получить, продавая одежду. Примерно в 30 километрах было село Парабель, там был небольшой рынок, ходили туда продавать. На полученные деньги в магазине можно было купить головку сахара, сахар был колотый, я такого раньше не видела. В лесу росла черная смородина, из нее варили

Выхожу из кабинета врача и слышу, как врач говорит медсестре: «Она больше не придет...» Это был конец! Домой идти я была не в силах...

чай, продавали муку грубого помола и картофель. Год выдержали. В следующем году отправили нас в Нарым на шпалозавод. Прямо на берегу Оби. Жили в бараках, 60–70 человек в одном помещении, среди нас было много эстонцев и поляков. Полякам было чуть лучше, их правительство установило связь с Америкой, у поляков была и одежда, была и еда. Нам же за работу не давали ничего. Была какая-то столовая, где давали суп. Все лето я проработала на заводе. Там меня два раза тяжело ранило. Руку сломала, работая со шпалами. Были шпалы и для узкоколейки – их поднимали вдвоем. Когда мне в первый раз взгромоздили шпалу на спину, я упала вместе со шпалой и получила травму позвоночника.

Осенью нас увезли в Парабель – это считался районный центр. Жилье приходилось искать самостоятельно. С муками мама продала свое обручальное кольцо, чтобы снять квартиру. Нашли на берегу реки. У нас было деревянное ведро, за водой надо было ходить на реку, вниз по склону. Шла я с ведром, на ногах огромные вязаные тапки, в них запахнуты тряпки, другой обуви не было. Чтобы добраться до воды, были вырублены ступеньки. Я и упала – на второй ступеньке, а было их 20. Спина моя стучалась о каждую, а внизу я еще упала прямо на ведро... Так и лежала – не могла подняться, это было ужасно, мама не знала. Без воды на четвереньках я добралась до дома. Врача не было. Неподвижно пролежала целую неделю. Потом потихоньку стала ходить. И так вот медленно ходила года до 59-го или 60-го. Страшное дело...

И тут начался голод. Вся крапива вокруг была съедена, ходили за три-четыре километра в поисках крапивы. Поволжские немцы вырывали и корни. За работу выдавали 200–400 граммов хлеба. Положение безвыходное. Взяла я мешок и отправилась на ближайшее болото. Увидела калужницу, ну, думаю, поедим! Сильно ими отравились. Здоровье мое все ухудшалось – от голода, пошла к врачу, и нашли у меня туберкулез легких. За два года болезнь стремительно прогрессировала. От работы меня освободили, а откуда тогда хлеб? В справке написали – «туберкулез в активной форме», у меня и сейчас эта справка хранится. Выхожу из кабинета врача и слышу, как врач говорит медсестре: «Она больше не придет...» Это был конец! Домой идти я была не в силах...

К врачам не ходила, вскоре началась «оттепель», стала приходиться помощь из Латвии, появилась еда, и одежду нам присылали.

Я стала работать счетоводом, бухгалтером в Парабели.

Мама работала в цеху, где валяли валенки. Воздух ужасный, у мамы началась астма, а работать надо было... Позже она научилась шить одеяла. Сейчас я рассказываю о самом ужасном. Голод – ничего не может быть страшнее! Однажды нам вместо сахара дали орехи в шоколаде – 400 граммов на месяц. Ах, как было вкусно! Съела я их за два или три дня. Мама свои берегла и мне отдавала. Сейчас я корю себя за это – как я могла!

Позже мама работала в артели.

Искали отца. Я часто думаю о том, как настойчиво мы – латыши, эстонцы – писали туда, где были ссыльные, мы действовали сообща, приходили письма со списками... Писали в лагеря Соликамска, там нашли нескольких мужчин, мама искала отца. Отец в лагере получил известие, что Зелма Митревица находится в Томске и написал нам. «Почта» работала замечательно. Мне даже одноклассница и учительница написали из Васюгана. Все знали, кто где находится. Были люди, которые в чудовищных условиях сумели сохранить бодрость духа, умели многое решить. Бумаги не было, пытались достать тетради, да хоть бы на газете весточку отослать! Таким образом соединились многие семьи. Сейчас такого не происходит, хотя есть интернет, компьютеры...

Самое ужасное была поездка в телячьих вагонах. Эти две простыни, которыми отгородили «туалет». Есть не давали, один кипяток. Делай что хочешь... У нас еще была колбаса и ветчина. Хлеб в вагон не приносили, а забрасывали. С нами в вагоне ехал сенатор Лаздиньш с женой Хилдой и двумя дочерьми. Анна только что родилась, у матери не было молока... Все переживали, сочувствовали. Наконец, на какой-то станции достали молоко, налили в бутылочку, грели ее на груди, чтобы дать ребенку теплого молока. Несмотря на все усилия, девочка умерла, когда они попали в колхоз, – силы совсем иссякли. Это было чудовищно, бесчеловечно, – неужели действительно нужно было увозить? Да к тому же к таким же ссыльным, у которых тоже все было отнято. Они рассказывали, что и с ними поступали так же.

Выписку о туберкулезе из своей истории болезни я отправила маминей сестре. Она добилась приема у Кирхенштейна, рассказала о нашей жизни, показала выписку. Он семью нашу знал, сказал – вы не волнуйтесь, все вернутся, нужно только есть дрожжи! Она поняла, что с ним не о чем говорить. В то время в Латвии изобрели противотуберкулезное лекарство – порошок «Pash», она купила и при-

слала нам целую коробку с припиской – я должна все это проглотить. Так я и сделал. Больше ничего не знаю. В Риге, когда я пошла на проверку, у меня ничего не нашли. Потом сделали рентген, остались только рубцы. О дальнейшей судьбе этого порошка мне ничего не известно.

Когда стали присылать деньги, мы приобрели одежду. На мне была юбка из мешковины. Все хорошее, что можно было продать или обменять, давным-давно кончилось. Юбка поистерлась, я ее все время штопала. Позже из посылки мне доставалась одежда, мед, сало, варенье. То же самое мама на сестра посылала и отцу. Отец писал, что у нее в неоплатном долгу, потому что от голода у него уже началась дистрофия. Отец делился, спасали друг друга, они и сумели выжить.

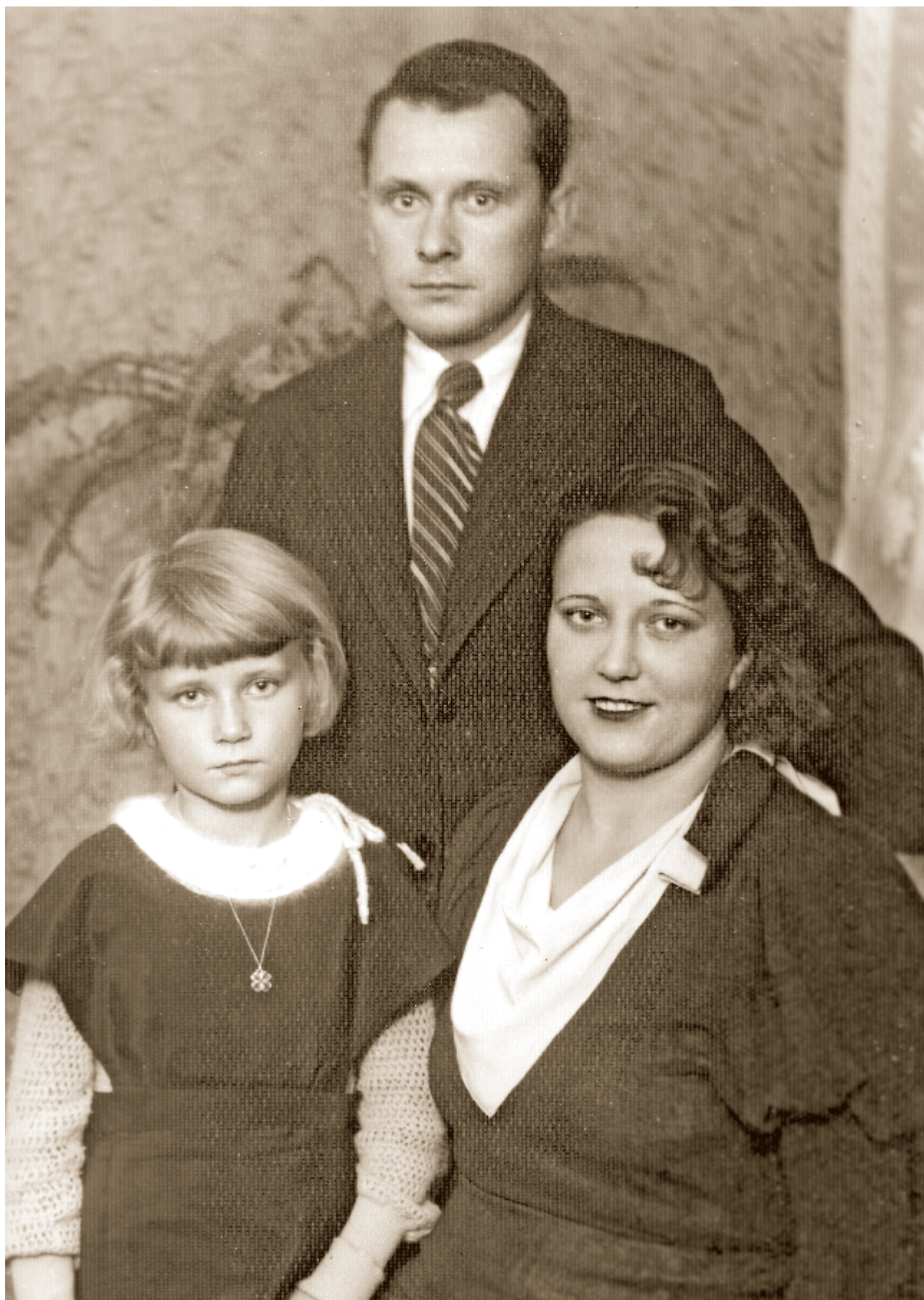
Интересная история была с паспортом. В Ригу я приехала в сентябре 1948 года, в конце августа меня вызвали в отделение милиции. Сказали, что мне вручат свободный паспорт. Мы писали в разные концы, но обычно приходил ответ: «Оставить без внимания». Я не верила, что у меня есть паспорт! Тетя звала меня в Латвию. Первый раз в жизни я ехала одна на пароходе до Новосибирска, потом в Москву. Мне было страшно, свой деревянный чемоданчик я берегла как зеницу ока – там были продукты. Спала на третьей полке, и чемодан был рядом – пассажиры в вагоне были разные.

В Москве я нашла такси, и шофер вез меня окружным путем, выставил мне большой счет, хотя вокзал находился рядом. Деньги у меня были. Были места в международном вагоне, я купила билет. Я так устала, что тут же заснула – утром проводник еле меня добудился, стал беспокоиться, не случилось ли чего. Открыл своим ключом дверь и сказал – мы в Латвии! На вокзале меня встречала тетя, поехали мы на улицу Кастранес, в дом деда, стали мы там жить. Я хотела учиться, за плечами было всего пять классов, в России я не училась. Накупила книг, пришла в вечернюю школу имени Райниса, там было много ребят, вернувшихся из ссылки. Одновременно поступила в вечернюю музыкальную школу для взрослых. Училась я хорошо, все было в порядке, пока в мае, во время экзаменов, не пришла телеграмма, что у мамы после противотифозной прививки началось заражение крови, то ли игла была грязная, то ли что... Бросились на поиски лекарств, бабушка дала деньги, чтобы я могла лететь к маме – дорог был каждый час. Наутро я уже вылетела, мама была без сознания, не разговаривала, прогноз был самый

печальный. Я настояла на своем, маме сделали уколы пенициллина. Но еще до начала курса лечения я подошла к маме, взяла за руку, глаза ее были открыты, но она ничего не видела. И вдруг она села без всяких лекарств. Вокруг стояли врачи, толкали друг друга в бок – мертвец вдруг ожил. Слава Богу, мама дождалась возвращения в Латвию. Она встретилась с отцом, он в Красноярске был заведующим магазином. Не знаю, отправили ли отца на поселение и на сколько лет. У меня в Парабели отняли паспорт, мама написала просьбу отправить ее по месту жительства отца. В Парабели я осталась одна.

Ко мне пришли домой. Вечером стали колотить в дверь, потребовали предъявить документы – кто я, откуда. Мама была уже дома. Положили паспорт к себе в карман, велели прийти в комендатуру, зарегистрироваться. Не вспомню, в каком году это было. Возможно, весной 1951-го. Заболела она в 1951 году. Осенью уехала к папе. Следующей осенью я по этапу тоже оказалась в Красноярске. Там было много интеллигентных русских людей – профессора, были литовцы, эстонцы. Потом был Долгий Мост. Какое-то время я ничего не делала. Потом стала работать в потребобществе, узнала, что в Долгом Мосту есть молокозавод, требуется бухгалтер. Набралась наглости и пошла. Меня взяли на работу. Там и остальные все были сосланные, жила, сняла комнату. Какое-то время у меня недолго жили и отец с матерью, потом вернулись обратно – магазин был большой, жуликов не счесть. Потом они работали только вдвоем.

Мое начальство находилось в Красноярске, ежегодно я возила туда балансовый отчет. Ехала сначала на машине до Канска, оттуда поездом. Можно было и на автобусе добраться. А тут подвернулся грузовик, уговорила шофера взять меня. И тут подошел еще один человек. Оказалось, и он бухгалтер, едет сдавать такой же отчет. С попутчиком мы договорились вечером осмотреть Красноярск, побывали в музее Сурикова, сходили в ресторан. Так я познакомилась со своим будущим мужем. Когда я второй раз вернулась в Латвию, мы шли по улице Дзирнаву, смотрю – вывеска «Мясо-молочный трест». Ребенка и мужа оставила на улице, трудовая книжка у меня была с собой, главный бухгалтер знал главного бухгалтера в Красноярске. И принял меня на работу на Молочный комбинат. Из Красноярска надо было дождаться документов. Впоследствии меня перевели в Майори, на молочный завод. Всю оставшуюся жизнь заведовала Отделом труда и зарплаты.

Отец Арвидс, мать Зелма и Балва

ВАЛЕРИЯ МИЦКАНЕ (ЗУТИС)

родилась в 1930 году

Родилась я в Резекне в 1930 году, и до 1941 года жили мы на улице Дзирнаву, в очень красивом месте. Недалеко была замковая гора, и в детстве мы катались с нее на санках. Когда мы жили в Сибири, мне казалось, что нет на свете места красивее... Детство было прекрасное, семья наша была зажиточная. Нас в семье было четверо, я самая младшая. Старшие братья научили меня кататься на коньках, вообще до высылки у нас все было хорошо. По вечерам отец играл с нами в разные игры, учил играть в шахматы и в шашки. Отец меня очень любил.

В Резекне я окончила три класса. В школе разговаривали только по-латышски, латгальского языка не было. В семье с отцом разговаривали на латгальском языке, с мамой по-русски, так как мама была русская. А мы, дети, говорили между собой по-латышски.

Потом долгие годы я жила в России, сюда вернулась – здесь тоже русская среда, на работе все документы надо писать на русском. Так что в какой-то степени я обрусела, но свой латышский язык люблю, люблю свою Родину.

Отец жил не дома, с работы его уволили, так как он служил в полиции, уехал в Гайгалаву, работал в конторе лесничества. Домой приезжал в конце недели.

По соседству с нами жил ветеринар Юрмалиетис. Его жена пришла к нам и сказала, что уже увезли семью учителей, которые жили напротив нас. Мама сказала: «Возьмут и нас». Послала брата на велосипеде в Гайгалу за отцом. Вернулся брат, сказал, что отца уже взяли... Брат хотел уехать к бабушке, но мама сказала, что семья должна быть вместе. Она и мысли не допускала, что мы не будем вместе с отцом.

14 июня приехали к нам. Обыскали дом, не знаю, что они искали. В комодке нашли флаг Латвии, ходили в сарай, что-то искали и там. Переписали все ценные вещи, сказали, что когда все продадут, пришлют деньги. С собой много не брать, если будет много вещей, на станции их выбросят. Сказали, чтобы больше на себя надевали и взяли еды на 10 дней. У мамы с собой были сухари, сало и клюквенный сок.

Были солдаты, все с оружием, говорили по-русски, посадили нас в машину, повезли в НКВД, оттуда на станцию Резекне II ехали вместе с папой. Мама пошептала с отцом, и он отдал ей обручальное кольцо и часы.

На станции нас разделили. В вагоне было полно. Утром пришли проводить брата его друзья... он учился в гимназии. К вагонам никого не подпускали, через оконную решетку я видела, что на перроне собралось много народу, пришли и наши родственники, но близко не пустили никого.

Днем повезли в Даугавпилс, там вагоны с мужчинами отцепили, а нас повезли в направлении Москвы. В пути узнали, что началась война. На какой-то станции нас загнали в тупик, очень долго стояли. Не хватало воды, было очень жарко, нам разрешили пойти за водой, но ведер-то у нас не было! На весь вагон было всего одно. Мама ходила за водой, так как хорошо говорила по-русски. Нам она давала по капельке клюквенного сока. Давали какую-то еду, баланду и хлеб. Кирпичики хлеба были похожи на кашу, но мы его ели.

Мама пошла за едой, и проводник сказал, чтобы она бежала. На что мама ответила, что у нее четверо детей в вагоне, и она, конечно, вернулась... Старшие братья были уже взрослые, их потом перевели в другой

Маму отправили на работу. Надо было убирать сено, а у мамы были только туфли на высоких каблуках. Она каблуки обрубала и пошла.

вагон. Туалет был в вагоне, такая дыра в полу... Мама переживала, что мальчиков, как и отца, увезут в другом направлении. Везли нас долго, навстречу шли эшелоны с военной техникой и солдатами.

В Канске высадили на площади, потом пришли за нами и стали выбирать, как выбирают товар. Искали ребят посильнее. Попали мы в Макарово. Везли на лошадях километров 100, не знаю, где и как спали, сказали нам только, что колхоз этот бедный. Что поделать... Дома там были черные, мне казалось, что там бушевал пожар, ни огородов, ни кустов, только где-то вдалеке лес. Ехала я и молилась Богу, чтобы далеко не увезли. Думала – завезут в лес, что тогда будем делать...

Поселили в доме у хозяина, мама готовила еду на улице, на кирпичках, из того, что взяли из дому. Потом стали жить отдельно. Жили вместе с Турлайсами из Лудзенского района. Их трое детей были еще младше нас. У нас была большая комната с печью посередине, была и маленькая железная печка, которую все время топили. Спали на топчанах, подушек не было, только одеяла. У тети Шуры Турлайс была какая-то кастрюля, а у нас только дорогие

ножи и ложки, которые вскоре распродали, потому что нечего было ими есть.

Маму отправили на работу. Надо было убирать сено, а у мамы были только туфли на высоких каблуках. Она каблуки обрubiла и пошла. Света не было, керосина не было, щипали лучины, ими освещали. Мама и тетя Шура пели, у них были красивые голоса.

С едой в колхозе было плохо... Мужчин в селе не было, все на фронте. Мама ездила на коровах. Свою одежду обменяла у местных на простую. Я ходила в школу, но валенок у меня не было. Там было всего четыре класса, потом ходила в Шеломки, за пять километров, а на ноги надеть было нечего. Нашлись старые папины сапоги, мама напихала внутрь каких-то тряпок, так я и ходила в школу.

Старших ребят хотели отправить на Север, и мама пошла к председателю сельсовета, отнесла какую-то папину одежду. Помню, однажды отнесла дорогие ложки, и наших мальчиков на север не отправили. Весной сестру послали на лесосплав, и опять мама пошла к председателю. Вера была уже в Дзержинске, но ее отпустили. Так вот и держались.

Валерия с матерью Анной и старшей сестрой Верой в Латвии

У мамы был рак. На груди выросла опухоль величиной с яйцо, в Канске ее прооперировали, сказали, что через год может вырасти снова. Так и было. Прооперировали в Дзержинске, но не помогло, и в 1946 году под мышкой снова выросла опухоль... В Томске была специальная больница, но нужно было разрешение, паспорта ведь не было. Мама уехала, и долго от нее не было известий. Когда она вернулась, надежды уже не было – в феврале 1947 года мама умерла.

В 1946 году дети могли уехать в Латвию, но мама сказала, что мы должны быть все вместе, и за мамой надо было ухаживать. Так мы и остались.

Маму нам помогли похоронить, морально нам очень помогала госпожа Навдушевича. Она жила с нами по соседству, у нее у самой умер мальчик.

В Шеломках мы познакомились с латышкой, которая давно жила в Сибири, муж ее – русский – был директором маслозавода. Он взял Яниса на работу – сколачивать ящики. Он получал небольшой паек, немного хлеба, приносил нам пахту... Они нам очень помогли, когда умерла мама. Был там кузнец, старик Дрич, взял к себе молотобойцем Виктора.

Виктору давали муку, немного молока, и стало нам немного легче.

Земля там плодородная, но вначале нам не разрешали ничего сажать. Разрешили, когда война кончилась, только копать землю надо было лопатой. Выращивали картошку, а пшеницу и рожь сеять не разрешали. Когда Виктор работал у кузнеца, председатель выписал нам телочку. Мама к тому времени уже умерла. У нас было молоко.

Позже Виктор и сам выучился на кузнеца, а брат мастерил бочки, но с едой было трудно. Собирали травы, варили супы, пекли лепешки. Я хозяйничала, собирала траву, случалось и не ту, что надо, братья ругали, но что поделаешь...

Когда ходили в школу, дети обзывались, и фашистами называли. Учиться было трудно. Ни еды, ни одежды не было, и все-таки в 1949 году я школу окончила, мама, умирая, наказала братьям, чтобы меня выучили. Старший брат сказал, что пора на работу, и устроил меня приемщицей на молочный комбинат. Голова работала, я делала анализы. Варила козеин. Все шло гладко, но осенью приехал управляющий из района и надо было сдавать отчеты. Как узнал, что я

Валерия (справа) в Сибири

ссылная латышка, сказал: «Немедленно снять, как вы смели ссылную ставить на такую продукцию», мое место, мол, лед рубить и деревья пилить. Была там еще одна латышка, и мы с Турлайс валили лес, рубили и жгли сучья. Как могли, так и работали. Что-то нам платили. В лес ходили мимо пекарни... запах хлеба... Думали – хоть бы дожить до такого времени, когда хлеба можно будет есть столько, сколько хочется...

А разве вы не могли вернуться в Латвию, когда умерла мама? Тогда уже нельзя было. Можно было только в 1946 году... У нас ведь не было никаких документов, каждый месяц надо было отмечаться, что не сбежали. Когда стали переписываться, узнали, что все папины братья погибли. Петериса, который тоже был полицейским, но которого не вывезли, расстреляли партизаны, похоронен он в Дрицаны. Один брат заболел и умер. Мама в семье была одна, близких родственников у нас не осталось.

Был ветеринар, тоже сосланный – Белов, он взял меня на работу в амбулаторию. Потом работала в МТС, в конторе, но во время ревизии меня отстранили – почему здесь работает ссылная?

В 1956 году нас вызвали в Дзержинск и сказали, что можем получить паспорта, что с нас сняты все ограничения. Вызвали в августе, а в октябре я приехала в Резекне. Вначале с работой было трудно. Родственники устроили меня в Управление буфетами железной дороги. Вначале работала уборщицей, потом отправили на курсы кондитеров, и всю жизнь я проработала в общепите железной дороги кондитером, удостоилась звания мастера.

Сестра приехала из Сибири позже, когда в Маслеево ликвидировали Химлесхоз и уже можно было уезжать. Вера вернулась в Резекне и с мужем и дочерью жила сначала у нас. Я здесь вышла замуж. Сестра успела еще помянуть внучку и умерла в возрасте 67 лет.

Братья остались в Сибири. Старший сначала хотел уехать один, сын его учился уже в институте, второй в школе. Жены у братьев были местные, все ждали, когда дети закончат учебу. Так и остались. Муж и брат умерли в 1995 году, у брата был рак желудка, похоронили его рядом с мамой, хотя в Макарове они уже не жили. Мы все собрали денег, и Виктор поставил маме памятник, а я приписала «Жертва сталинских репрессий». Виктор живет в Дзержинске. Заочно окончил техникум лесной промышленности, плохо было с сердцем, сейчас занимается пчелами и на сердце не жалуется. Часто приезжает в гости. Был и минувшей зимой. Хочет,

чтобы его похоронили на родине, но кто его повезет так далеко... похоронят рядом с женой...

А что произошло с отцом? Говорили, что их вагон отцепили, но точно мы ничего не знаем. Как будто приходил кто-то оттуда и мама пошла пешком, чтобы узнать адрес и написала письмо в Вятку. Ответил папин знакомый Бекерс – отец умер от воспаления легких, а на самом-то деле умирали от голода и дизентерии, и скидывали всех в одну яму. Бекерс выжил, но в Латвию его не пустили, жил в Казахстане. Пока мама была жива, они переписывались. Отец умер 22 или 23 апреля 1942 года. Потом я писала в Вятку, и мне ответили, что он «осужден как нацист». Я читала, что там все ликвидировали, что остались прежние охранники, что там нет ни кладбищ, ничего... Там поставили белый крест. Мало кто оттуда вернулся, а мой отец был сильный человек...

Мама бы тоже не заболела, если бы так не нервничала. Как вы думаете – четверо детей, и всех накормить... Помню, что не было соли, и я не могла ничего проглотить, тонюсенькая была, как ниточка, мама, что ни достанет, все нам... Мы с детьми Турлайс по ягоды ходили, по грибы... Нести тяжело было, приносили, солили. Мы с мамой собирали бруснику, и когда она болела, я брусникой ее кормила. Во сне видела – Резекне красивый, а когда в 1956 году приехала... Послевоенные развалины, город уже не казался таким красивым, как в детстве. Но я люблю Резекне, нигде лучше не бывает.

Помните ли Рождество в Сибири? Первое... Жили мы вместе с Турлайсами. Принесли елку, и из бумаги мы наделали колец – чистой бумаги не было... Свечек не было, но нам все равно нравилось. Пели рождественские песни, пух из початков рогоза был у нас снег, пухом от початков набивали подушки. Помню, мама из мешка сшила мне сарафан...

Можно ли простить то, как поступили с вашей семьей? Простить надо, но невозможно... Если бы остались в Резекне, все остались бы живы, все бы выучились. Все мы хорошо учились...

Мне дороги все латышские обычаи, латышские песни.

Встретили меня тут дальние родственники. Вначале собиралась уехать, потому что никого тут у меня не было. Работала уборщицей в конторе. Все думала – ну зачем приехала? Потом послали на курсы. Пожила у двоюродного брата в Риге, среди латышей, и уже не захотела уезжать обратно. Здесь я нашла мужа, выросла и дочка, и внук уже взрослый.

ВЕРНЕРС МИШКЕ

родился в 1929 году

14 июня 1941 года к нам явились милиционеры и чекисты, которые сразу же арестовали отца, разбудили меня... Сначала что-то искали в комнатах, потом сказали, что нас высылают и можно взять с собой до 100 килограммов... Надо было собраться за час, но куда нас вышлют, не говорили. Во дворе ждала автомашина. Посадили нас и повезли за следующей семьей. Это был заместитель командира айзсаргов волости, там же, в нашей волости... Отец сказал: сейчас я мог бы спокойно улизнуть. Потому что все окружили дом, возле машины остался только шофер. Но куда я один, а с вами что будет... Забрали вторую семью и повезли нас в Цесис.

На путях стоял эшелон с пустыми вагонами. Внутри нары. Женщин и детей посадили в один вагон, мужчин – в другой, но сказали, что когда приедем, снова будем все вместе. Но этого никогда больше не случилось... И начался наш путь в Россию, который длился дольше месяца, но когда прошло недели две, стали замечать, что нам навстречу движутся русские военные эшелоны, и нам пришлось подолгу стоять, потому что пути были заняты военными эшелонами.

Приехали мы в город Ачинск, нас высадили, мужчин уже не было, только женщины, дети и старики... С площади отвезли на берег Енисея, загрузили в баржу и повезли по реке Чулым вниз, высадили в Березовском районе. Туда съехались покупатели из колхозов, забирали тех, кто покрепче да посильнее, как говорится, рабочую силу. Кого на быках, кого на лошадях развезли по деревням. Жизнь была скудная, и местные жили плохо. Оставались в деревнях в основном женщины, мужчины были на фронте. Очень бедный колхоз, запущенный...

Латышей посылали окучивать картошку, косить, убирать хлеб. Зимой женщины возили домой валежник... Так вот и прожили до весны. Жили в домах у русских – в одном конце русские, в другой конец, в угол, пускали нас. Распределял на постой председатель колхоза. Кто-то из латышей рыл землянки – кто не хотел так жить. Мы вдвоем с мамой и еще одна семья жили в пустовавшей русской избе. Зимой ходили в лес, срубим два дерева, ствол под мышку и тащим домой. Мы, дети, в первую зиму не учились, да и одежды не было – морозы минус 40, минус 50 градусов...

В колхозе давали иногда хлеб, но в основном женщины ходили за 14–15 километров, там были латышские деревни, еще с 1915 года, а то и раньше. Меняли простыни на молоко или яйца. С продуктами было плохо. Не платили... пару буханок в месяц дадут... Следующим летом всех здоровых и годных для работы собрали и увезли в Красноярск, оттуда за Полярный круг, была там такая деревня – Горошиха. В Красноярске посадили на большой пассажирский пароход «Мария Ульянова», по пути в каждой деревне высаживали группу. Там немцы были, латыши были, и мы попали за Полярный круг... Колхоз Молотова, деревня Горошиха...

На другом берегу, как раз напротив, Курейка, куда в свое время Сталин был сослан. Над тем домом, где он когда-то жил, построили каменный дом под стеклянной крышей. Все пароходы, шедшие мимо, останавливались принудительным образом

и принудительным образом пассажиры отправлялись смотреть музей, зимой, когда ничего не происходило, это сооружение тоже охраняли, а сейчас этот музей разрушен, а Сталина сбросили в Енисей.

Там немцы были, латыши были, и мы попали за Полярный круг... Колхоз Молотова, деревня Горошиха...

И вот поселили нас снова в домах у русских, мама зимой рыбу ловила... рубила проруби, вначале рыбу домой приносить не разрешали. Там были карточки, и в магазинах можно было что-то купить. Тем, кто работал, выдавали, кажется, по 600 граммов хлеба, детям 400 граммов. Так что первую зиму жил я за мамин счет. Были и такие, кто в мороз ходил за дровами и замерзал в дороге, потому что одежды не было. Мама днем работала в колхозе, а по профессии она была портниха, сошьет что-нибудь, за прокорм, а норму мне отдавала... Той зимой надо было ходить в русскую школу. В Латвии я окончил четыре класса, там пошел в 5-й, вначале плохо получалось, потому что половину я не понимал, но год окончил с осенним экзаменом по русскому языку.

Когда школа закончилась, и я пошел работать в колхоз, ловил в Енисее рыбу с лодки и сетями, тогда рыбу уже и нам можно было есть. Осенью, пока река не стала, ссыльных в школу не пускали, появлялся лед, и мы голыми руками тянули по льду сети. На берег не выйти, ноги замерзали. Казалось, что в воде немного теплее. Зимой снова учились, когда окончил семь классов, отправили меня в лес с профессио-

нальными охотниками... Это твоя работа, должен идти в лес и там жить. Хорошо, если есть охотничья сторожка, а то в палатке, с печкой. Пока топишь, тепло, перестал топить – мерзнешь. Но тогда колхоз давал уже спальный мешок... Ночью ухо высунешь, замерзает, сломать можно.

В 1945 году я окончил 7-й класс, а в 1948-м мне посчастливилось сбежать из этой деревни в районный центр Туруханск, так как мама была профессиональная портниха и им нужны были работники в швейную мастерскую. Там мама была заведующей и закройщицей, а я попал на флот. Первое лето проплавал матросом. Зимой изо льда надо было выбивать все эти баржи и суденышки. Поставили меня помощником капитана на один пароходик – в России семь классов в то время считалось очень много, капитана не нашли и назначили капитаном меня... Вначале всякое случилось... посадил пароходик на мель, но быстро научился, а то, что сам узнаешь, остается на всю жизнь. Когда я потом учился в школе, практика мне давалась легко. Считался уже неплохим специалистом...

В 1955 году послали меня на Черное море на курсы переквалификации – на морские суда, две недели

Вернерс. Латвия

пробыл в Новороссийске... После войны города еще лежали в развалинах. Перевели нас на Азовское море, там мы окончили морское училище. Было нас четверо латышей – двое из Дудинки и Усть-Порта и двое из Туруханска. И в тот год, когда мы учились, латышей стали отпускать... Вернулись с учебы – изволь три года отработать (смеется), но я стал искать пути освободиться по здоровью – не могу, мол, в этом климате работать. Дождася, пока не получил на работе диплом, и приехал в Латвию.

Мой отец был полицейским – их всех расстреляли... Сообщили, что он якобы умер. Выслали в июне, а в октябре уже умер, а по другим сведениям, все полицейские были расстреляны. Из Вентспилса ездили в Киров исследовать эти лагеря, и у них такие вот данные, но бумаги они достать не смогли. Ездил такой Пушкевич, он тоже был сослан в Усть-Порт, за Дудинку. Он вернулся, когда могли вернуться дети. Он окончил здесь среднюю школу, поехал в Ленинград, поступил в военное училище.

В 1946 году, когда увозили детей, мама и мне предлагала уехать, но я с мамой расставаться не хотел. Было смешно – там я получал 3000 рублей, а

здесь меня взяли третьим помощником капитана и получал я 380 рублей. Через месяц назначили вторым помощником, через два месяца – старшим помощником, почти на четыре года, потом русских стали брать в армию, и назначили меня капитаном, временно, но так я и остался...

Ясно, что в Латвии ссыльным нечего было делать. Пахать землю я не собирался, стал искать работу на воде. Хочешь устроиться на работу, должен прописаться, а прописаться мог, только если у тебя была работа. Не приняли меня в Риге, и я уехал в Вентспилс, здесь в порту было трудно с кадрами, и меня моментально приняли и прописали, так я и начал работать.

В порту работал с 1957 по 1962 год, потом отправили меня на пенсию, а через год пришли и позвали работать в другую организацию, и еще пять с половиной лет проработал я в Морской администрации.

Мама некоторое время еще жила там, приехала она в Вентспилс, когда я уже работал и имел прописку, и мы купили вот этот домик и сами до конца достроили.

Вернерс. Сибирь

КАРМЕЛА МОРДХЕЛЕВИЧ (БЕРКОВИЧ)

родилась в 1938 году

В 1941 году мне было два с половиной года. Тогда уже чувствовалось, что вот-вот начнется война. Отец работал в магазине – ему принадлежала часть этого магазина. Его забрали и отправили в Соликамск, где было много латышей и евреев, большинство сосланных мужчин умерли от голода. Нас – меня, старшую сестру и маму – выслали в Сибирь. Оказались мы в Канске. Мама по профессии была шляпница. Это была элитная профессия, и благодаря этому мама в Сибири смогла содержать семью. В Сибири работа ее была необходима, зимы там холодные. Об отце мы ничего не знали. В 1944 году маме неожиданно сказали, что с ней хочет увидеться один человек, передать привет от отца, они были с ним вместе... Когда мама встретила с этим человеком, – а это был отец, – она его не узнала. С приездом отца жить стало легче. Мама ходила работать в лес, а мы собирали ягоды и этим жили. Папа вернулся страшно ослабевший. Раньше, каким я его помнила, это был веселый, жизнерадостный человек... Папа рассказывал о том, как существовали они в сталинских лагерях. Если человек находил крысу – это был самый большой праздник. Тем, кто убирал трупы, давали кусок хлеба. Люди умирали от голода. Мой отец – один из тысячи – остался жив.

В 1948 году мы вернулись в Ригу. В Риге и сейчас живет мой дядя, он был членом партии, воевал. Так вот, он прибежал к нам и сказал, чтобы мы спешно уезжали, потому что снова будут выславать. И мы троим вернулись в Сибирь. В Сибири родилась сестренка. Мы уехали сами. Знали место, где жили до этого, туда и вернулись. За тысячи километров...

Когда я в 1956 году окончила 5-й курс медицинского университета, мы вернулись в Ригу. Отец купил дом,

жили мы в Засулауксе. Я продолжала учиться, потом вышла замуж, у меня родился сын Марк. Ему сейчас 44 года, у меня двое внуков. Они живут в Галилее. Мой сын тоже врач, стоматолог.

Когда я окончила учебу, в Риге на работу меня не принимали, так как в Сибири я не отработала положенный срок. Я долго мучилась, пока не написала письмо Хрущеву, что из меня хотят сделать тунеядца, что я не могу оставаться, что мне трудно. Я устроилась во 2-ю больницу в Слоке, проработала там до апреля 1971 года. В 1969 году начался Ленинградский процесс о захвате самолета. В самолете находился и мой второй муж (или просто друг, потому что тогда мы еще не были женаты). Он и еще девять евреев – Кузнецов, Залмансон, Кнорр и другие, которым я помогала... Мы не знали, что они собираются пойти на такое дело. Однажды вечером они полетели в Ленинград отдохнуть. Назавтра в дом явились представители власти, начался обыск, искали и нашли разные записки о том, как уехать из России. Сыну моему было девять лет, меня вызывали на допросы в КГБ – и всегда поздно вечером. По ночам не вызывали. Я ничего не знала, они нам ничего не рассказывали, так как боялись за нас. Процесс длился полтора года. 24 декабря 1970 года зачитали приговор: двоих приговорили к смертной казни. План был следующий – связать летчика, оставить в каком-нибудь селе и продолжать полет. Их выследили, возможно, был и провокатор. О Ленинградском процессе узнали за рубежом, и иностранцы принялись кричать – как можно выносить смертный приговор? Россию упрекали – как на такой шаг могли пойти люди только для того, чтобы покинуть страну? И смертную казнь двоим заменили на 10 лет тюрьмы. И моего друга посадили, дали ему шесть лет. У него в

смертный приговор? Россию упрекали – как на такой шаг могли пойти люди только для того, чтобы покинуть страну? И смертную казнь двоим заменили на 10 лет тюрьмы. И моего друга посадили, дали ему шесть лет. У него в

Тем, кто убирал трупы, давали кусок хлеба. Люди умирали от голода. Мой отец – один из тысячи – остался жив.

Израиле жила мать, и посчитали, что причиной могла быть тоска по матери. И нас – всех членов его семьи – в течение недели выслали из СССР. Так я в 1971 году оказалась здесь, в Израиле.

Я была маленькая, другой жизни не знала. В Сибири был голод, но голод был везде. Русские относились к нам хорошо. Если у них был кусок хлеба, они делились им с нами. Голод вынуждал искать под снегом гнилую картошку.

Жили мы в Канске. Мы побывали в Канске несколько раз, любопытно, что там до сих пор нет канализации. Помню, как тяжело работала мама, мы должны были приносить воду на коромысле. До воды надо было идти минут 15. А мороз бывал и до минус 50. Антисемитизма там не было – дети просто не знали, что это такое! Взаимоотношения между людьми были хорошие.

Известно, что из 15600 высланных только в одном вагоне ехали семьи. Но в Сибири и их разлучили. Очень редко люди оставались вместе. И что ваш отец вернулся к семье, тоже очень редкий случай. Я всегда завидовала тем, у кого были дедушка и бабушка. Мои дедушка и бабушка погибли в Румбуле, кажется, в 1942 году, когда начали расстреливать евреев. Мы считаем, что высылка в какой-то мере помогла нам выжить. Фашисты же были против нас... Когда нас выслали, мама хотела, чтобы я осталась с бабушкой, понимала, что с двумя детьми будет совсем трудно... К маме подошел русский солдат и шепнул: «Я тебя очень прошу, возьми ребенка с собой». Останься я дома, меня бы не было в живых... В таком вот разрезе – то, что нас выслали в Сибирь, было плохо, но те, кто вернулся, остались живы.

Небольшая часть евреев Латвии спаслась, их прятали латыши. Прятали в подвалах.

Другого мира мы не знали. Мама ничего не рассказывала, боялась. Помню, как говорили: «Сталин – наш отец!». Когда Сталин умер, мы стояли и плакали. На улице стояли люди и плакали. Мама с папой спросили: «Чего вы плачете? Вы же не знаете, какой он был...». Мы были напичканы пропагандой, родители боялись говорить нам правду, потому что мы случайно в компании сверстников могли проговориться. А за это грозила тюрьма...

Разобралась я в ситуации, когда Сталин умер. Но все равно мы ничего не знали. Наши родители встречались, разговаривали, мы знали, что были лагеря, была высылка. До этого не знали ничего. Поняли мы и то, что говорить об этом нельзя. Так нас воспитывали – нам ничего не рассказывали, в школе говорили

Сибирь

совсем другое. И папа не рассказывал, говорил так, словно в лагерь попал, потому что началась война. Сразу сочтут тебя врагом народа, как только начнешь рассказывать, разговаривать.

После лагеря отец работал, энергии в нем было много. Он работал в пуговичном цехе, потом стал начальником, у нас был дом, огород. Отец скопил денег и купил дом в Риге. Было это в 1960 году, а я оставалась в Кемерово, продолжала учиться. Так они тут жили.

В 1949 году мне было 10 лет. За год или полтора до этого мы приехали в Ригу. Я привыкла к Сибири – там остались друзья. В Риге нас ждали перемены – другая школа, другие друзья. Училась я в русской школе.

После Канска Рига казалась удивительной, но мы чувствовали себя неловко, мы больше походили на деревенских детей. Город был красивый. Но пробыли мы здесь недолго. Помню, как забрали меня из школы, ехать обратно. Было тяжело. Ехали мы с вещами, ехали ночью. Потом дядя сказал, что наутро нас искали.

Почему второй раз выслали? Посчитали, что из Сибири мы приехали незаконно. Это одна причина. Вторая причина – надо было в Латвии освободить места для людей, которые приедут сюда из СССР. Выслали не только евреев, выслали латышей. В 49-м году выслали более 42 тысяч человек. Люди не хотели вступать в колхозы, появились различные движения – «лесные братья» и т.п. Советская власть нуждалась в лояльных людях.

ЯНИНА МУСКАРЕ (ТИММЕРМАНЕ)

родилась в 1933 году

До 13 июня 1941 года мы жили в своем доме «Тигери», в Куправе. Ясно, очень ясно помню тот вечер – все мы работали в саду, вымылись и уже собирались спать. Разбудил нас страшный шум, прикладами выбили дверь. Вломились солдаты и штатские. Произнесли по-русски «Стой!» и никого больше не выпустили из дома. Думали, видно, что кто-то может убежать – старшим братьям было 17 и 18 лет, сестре – 19. Папа держал нас, хотел нас обоих с младшим братом уберечь. Не знаю, но папа держал нас, и папу стали бить прикладом по спине, но папа все равно нас не отдал. Приказали нам собираться. Дали полчаса на сборы, взять с собой все, что мы хотели, не разрешили. И хлеб не успели испечь, тесто осталось в квашне. Дома было полкаравая хлеба, копченый шпик, еще что-то. Отвезли нас полуголых, словом, в том, в чем стояли.

Как везли, не помню, вероятно, заснула. Очнулась только в вагоне. На нижних нарах разместились мы впятером, все было занято. Удобства – дыра в полу вагона. Воспользоваться не могли, пока кто-то не предложил сделать из одеял кабинку. Воды не было. Ехали очень медленно. Стояла жара, в вагоне было душно. На окнах решетки и еще какие-то запоры. Двери закрыты. На станциях подолгу простаивали. Только через щели вагона видели, как навстречу движется русская армия: танки, пушки, военная техника. И солдат полные вагоны. Они кричали: «Фашисты! Фашисты!», так как ехали мы под охраной.

Через три недели нас привезли на место, какие-то вагоны отцепили, нас привезли в Назарово Красноярской области. Из Назарова на быках повезли далеко-далеко, целый день везли, называлось это село Красная Поляна. Вы-

кинули на открытое место со всем скарбом. Самые сообразительные сразу стали рыть землянки. Не было ничего, ни одного дома, ничего не было. Стали зарываться в землю, как кроты. И стали ждать зимы. Становилось холодно, пришли и сказали: «Выселяйтесь!». Разместили в старом клоповнике, в бараке, где раньше жили калмыки. Грязь была несусветная. Отапливали чугунками, но все равно было очень холодно. В первую зиму многие умерли. Где их хоронили, не знаю, ребенку знать этого не полагалось.

Сестра в дороге заболела, слава Богу, случилось это в Латвии, ее высадили, и она пешком вернулась домой. Но в дом ее не пустили.

Что с ней было? Дизентерия. Сестра была очень больна. Мы боялись, что она не выживет, но обошлось. Об этом я расскажу позже.

Чем занимались взрослые в Красной Поляне? За счет чего вы жили? Было там село, у русских были... коровами их нельзя назвать, были козы. Меняли одежду, обувь, игрушки на продукты. Научились и траву есть. Там растет очень хорошая, полезная трава – черемша. Вкус как у чеснока, как у лука. В первое же лето научились. Зимой жили в этом бараке. Оба брата и мама работали. Братья в механической мастерской, мама сторожила ферму. Им давали по 200 граммов хлеба. Детям ничего не давали. Мама еще работала сторожем в детском саду, на второй работе. Так что получалось 400 граммов, и мы, по крайней мере, в то время не умерли с голоду.

В то лето землю нам не выделили. Мама была очень практичным человеком, знала русский язык, она нас как-то вытянула, а рядом с нами слева и справа люди умирали. Из всех семей, которых привезли в Красную

Не знаю, но папа держал нас, и папу стали бить прикладом по спине, но папа все равно нас не отдал.

Поляну, в живых осталось три или четыре. Следующей весной мама все-таки умудрилась вскопать кусочек земли, посадили картофельные очистки. Выросло у нас немного картошки. Но хватило ее ненадолго. И обокрали нас тоже.

Мы, малыши, тоже работали – пасли гусей. Исхитрялись собирать колоски, что делать не разрешалось. После комбайна в поле оставалось много колосьев пшеницы, запихивали в кармашки, несли домой, запекали на железных кругах. Очень вкусно было. Весной, когда таял снег, ходили подбирать картошку. Она была белая, мама ее толкла и пекла лепешки на железных кругах. Тоже было вкусно. Критичной была вторая зима. Хлеб давать перестали, есть было нечего. Братья мои очень хваткие, работающие. Мама обучила их русскому языку. Из Назарова приехал представитель по фамилии Попов. Высокий, крепкий мужчина. Присмотрел и взял старшего брата себе в помощники. И старший, Таливалдис, уехал в Назарово. Там он работал, зарабатывал, но помогать нам не имел права. Но мы все же как-то связывались, сказали, что на грани голодной смерти, и Попов дал брату лошадь, запряженную в сани, полушубки, которые там называют тулупами, он приехал ночью и увез нас в Назарово. Все это было ужасно. Младший братик был уже без сознания, я напоминала пирожок – так распухла. Но он нас спас.

И вот мы в Назарово. Это я помню: первый завтрак был такой вкусный! Я даже не знала, что это такое. Оказывается, маме дали ржаной муки и она сварила кашу на воде. Но давала нам понемногу, чтобы не разболелись. Так старший брат, спасибо ему, спас нас от верной смерти. И средний брат в Назарове стал работать, обучился кузнечному ремеслу, стал очень хорошим кузнецом. Старший брат работал на тракторе, на комбайне, умел обращаться с любой техникой. Но работать долго не пришлось. Его взяли. Помню, было это летом. У нас уже был огородик, все зеленело. Приехали какие-то, забрали Таливалдиса, увезли. Ничего не сказали – ни почему, ни куда. Мы, конечно, плакали, но никто ни слова не сказал. Осенью, примерно через месяц, вернулся. Измученный, без сил. Допрашивали его об оружии, о том, что он собирался устроить бунт. Есть, мол, точные сведения, что он является организатором среди латышей... В Назарове латышей было много, но ни оружия, ни чего-нибудь подобного не было. Вероятно, его вину не смогли доказать. Прошло совсем немного времени, его опять взяли,

и долгие годы мы ничего о нем не знали. Оказалось, его судили по 56-й статье, отправили в Кемерово на шахты.

Мы остались вчетвером. Мы, младшие, тоже пошли работать. Летом пасли гусей, поросят, пасли и коров. Это было страшно: коровы сердитые, с огромными рогами. Средний брат работал на конферме. Там были красивые степные лошади. Он пас лошадей, а мы с младшим братишкой пасли коров. Коров сгоняли со всего села, и гнали мы большое стадо на пастбище. А заблудиться там было просто – огромные пространства. Коровы сами знали дорогу, мы не знали. Не один раз коровы выстраивались вокруг нас кругом, страшно мычали, а мы сидели под кустом. Оказывается, приближались волки. И коровы выставляли свои рога, а телята и маленькие пастушки прятались за их спинами. Так мы спаслись не один раз. Но однажды случилось хуже. На жеребят, которых пас брат, напали волки. А лошади выстраиваются наоборот – выставляют копыта, чтобы лягнуть волка, а головы прячут. Брат ориентировался хорошо, примерно знал, где мы с коровами. Волки в нашу сторону бегут. И брат со своим табуном. Мы только слышим, как земля гудит под копытами. Так брат нас спас. Волчья стая большая, наши коровенки не справились бы. Страху натерпелись! Если волки их потревожат, коровы сами бегут домой. Случалось, нас ругали за то, что коровы рано домой вернулись. Старые люди, вероятно, понимали, в чем дело, потому что у коров могло пропасть молоко. Так случалось не один раз.

Старшего брата мы так и не дождались. Средний брат познакомился с русскими, достал какие-то горбыли и принялся возле конюшни строить себе будку. Для всех нас будку. Всем нам спать места хватало, а в одном углу устроил загородку для картошки. Раз уж мы заговорили о картошке... Мама привыкла, что под картошку землю надо удобрять. А так как были и коровы, и лошади, она собралась класть навоз. Местные сибирячки отговорили. Они поступали так: поднимают дерн лопатой и бросят картофелину, и так все время. Какая картошка у них вырастала, не знаю. Мама все ж велела нам землю вскопать, и только тогда мы сажали. Это была наша работа на лето. Пололи, окучивали. Картошка вырастала, что твой поросенок, без навоза. Земля там была очень хорошая, плодородная.

Так вот мы выбрались из барака. В Назарове нас снова поселили в бараке, но он, по крайней мере, был чистый. Делали дезинфекцию, клопов не

приходилось кормить, как раньше. И уже ни холод, ни голод нам не угрожали. В Назарове в чем было преимущество – топливо прямо под ногами. Уголь. Чуть-чуть снимешь верхний слой земли и вот он, уголь. Конечно, не везде. Делать это запрещалось, но потихоньку все так поступали. Дерн снимут, угля нагребут и снова дерном прикроют. Все углем топили. Так что было хорошо.

Потом серьезно заболела мама. Весной 1945 года она была уже очень больна. Она исхудала, но никто не знал, что у нее опухоль. В ноябре она умерла. Похоронили мы ее на кладбище, место это только условно можно было так называть. Брат сколотил из ящичков гроб, и мы маму похоронили.

И остались мы в этой будке втроем.

А как там хоронили? Может быть, вы что-то больше помните? Мама все время была дома, а потом ее отвезли в больницу. У мамы были очень красивые волосы, длинная коса. Ее отвезли в больницу, и в тот же день она умерла. Мы привезли ее домой. В той самой будке на лавочке она и лежала. У мамы еще сохранились вещи из Латвии. Мы ее одели. У нее было очень красивое синее платье. Пришла к нам жена того самого Попова, сказала, чтобы платье это мы на нее не надевали, выруют. Оставьте нижнюю юбку, белую. Так в этой юбке и похоронили. Никаких похорон не было. Все, кто знал маму, пришли. Брат и его друзья вырыли могилу, в ноябре земля уже глубоко промерзла. Всю зиму мы с младшим братом стерегли могилу, потому что могилы разрывали. И весной мы посадили на этом месте черемуху, чтобы никто не знал, что это могилка, чтобы только мы знали.

А почему могилы разрывали? Вандалы. Для них не было ничего святого. Это не было кладбище, это было место, где хоронили людей. Повсюду бродили коровы. Но мы знали, что мама лежит под черемухой.

Приближался 1946 год. Зимой к брату стали приходить начальники – во что бы то ни стало хотели нас отправить в детский дом. Брат ни за что не отдавал нас. Помню, как он сказал: «Мы не голодаем и голодать не будем». Ни за что не хотел нас отдавать. Его даже силой принуждали. Так мы и остались. Слухи всякие ходили о детских домах, латыши рассказывали, кому случилось там быть. Разные ведь люди были, эти русские, – были хорошие, но были и страшные. И крапивой нас стегали, и камни в нас кидали. Брат вообще меня одну куда не отпускал. Сказал: «Без меня куда, если

хочешь пойти куда-то, только за руку с младшим братом». Там много девочек пропало. Тогда я не знала, почему, теперь-то понимаю.

Почему? Ну, их насильовали и убивали. Это был 1945 год... все годы такое случалось. В 1945 году, когда кончилась война... вообще-то новость эта до тех мест и не дошла, как будто война все еще продолжалась, приходили инвалиды, без рук и без ног. Они и были самые злые. Местные с нами смирились, увидели, что мы мирный, трудолюбивый народ, не воры. Там воровали все, как говорится, глаза выцарапают. Солдаты эти были ужасные: «Костылем убью фашистскую тварь!». Все там было. Какие мы фашисты, мы немцев и в глаза не видели. Нас увезли, и только потом началась война.

В 1946 году узнали, что сирот увозят в Латвию, но брат был старше, и уехать никак не мог. Из Красноярска приехали люди и стали собирать детей, приехали и в Назарово... я очень хорошо помню. Кажется, это были Лиепиньш и его жена. Они могли забрать 100 детей, не больше. В Назарово съехались со всех концов в надежде уехать. Взяли только тех, что жили в Назарово и ровно 100, не больше. Хотя какая-то старая женщина, а может, и не старая, и девочка старше 16 лет спрятались под полкой, в багажном ящике. Нелегально все-таки двоих привезли. Довезли до Москвы. Трудно было с братом расставаться, он оставался. Мы тоже хотели остаться, мы, между прочим, и не очень хотели уезжать.

В Москве нас переодели – в одинаковые коричневые пальтишки, девочкам выдали платья. Все удивлялись нашему маленькому росту. Но за эти годы мы не подросли ни на сантиметр. Прожили там пять лет. Кусочка сахара не видели. Я сказала, что та каша вкусная была. Попробуйте сегодня дать ее ребенку. Лебеду ели, травы всякие, ягоды, все подряд, лишь бы с голоду не умереть.

В Москве нас хотели расформировать, оставить там, но Лиепиньш сопротивлялся, и всех нас по счету посадили в вагон и повезли в Ригу. Помню, как нам сказали, что мы еще в Азии и скоро будем в Европе. Приближались Уральские горы, чтобы дети не испугались. Ехали днем, и вдруг стало темно – проезжали через туннель. И когда стало светло, нам сказали, что мы уже в Европе. И вот рано утром нас будят – въехали в Латвию. Тогда еще стояли пограничные ворота. Ощущение было неповторимое. Наконец мы вернулись на родину. Когда миновали границу, женщина эта сразу же вышла и исчезла, чтобы не въезжать в Ригу с лишним человеком.

В Риге нас трогательно встретили. Отвезли на улицу Кулдигас в детский дом, вымыли, избавили от вшей, хотя еще в Красноярске нас обработали, состригли мои светлые косички, которые мама так берегла. Насекомых не было, но сказано было постричь всех. Велели написать адреса родственников, я знала только адрес маминой сестры, его и написала.

Адрес родственников отца из Лимбажи, из Стиене я не знала. И тетя Анна из Вецуми за нами приехала. Я следила из-за угла и подумала: мама идет. Так они были похожи. Мы оторопели: мама или не мама? Она смотрит на меня и глазам своим не верит – ничуть за эти годы не выросла. Тетя Анна забрала нас, хотя у самой было четверо. Может быть, надо было, может, нет. Так и росли мы в семье. Они были католики. Отправили нас в школу. Между прочим, в Сибири я тоже ходила в школу.

Расскажу об одном эпизоде из жизни в Сибири, о котором забыла рассказать. Во вторую зиму пошла я в школу, мама меня подготовила, и пошла я во 2-й класс. Все было хорошо, но вдруг грянул мороз, а на мне шнурованные ботиночки, все дети стали прятаться, а я не поняла, почему. Оказывается, приближалась пурга. Ну, меня повалило и засыпало снегом. Пурга кончилась, все дети вернулись домой, а меня нет... А там были специально обученные собаки, которые находили человека под снегом. Руки, ноги – все обморозила.

На этом учеба моя той зимой и закончилась. Табель мне дали, что я окончила три класса, учила меня мама, она ведь была учительница. Так же и брата учила. Конечно, на русском языке, не на латышском. Латышский я знала настолько, насколько усвоила от мамы. Такое у меня было образование – три класса в русской школе, вместе с ругательствами и всем прочим. Но отметки у меня были отличные. Лучше, чем у некоторых, кто посещал школу регулярно.

В школе словесно нападали? Да. И даже учителя нас не защищали. И мы, латыши, стали ходить в школу компанией, человека три-четыре. Им ничего не запрещали – мы были фашисты и оставались ими. Были и хорошие русские, не могу ничего сказать. Но преобладали агрессивные и – необразованные. Просто темный народ. Оказалось, что были там дети каторжников или сосланных в 30-е годы. Злые они были. Высланные из Татарстана и из других республик Советского Союза.

А теперь я расскажу о том, как забрала нас к себе тетя. Пошла я в школу, в латышскую школу. Быстро

освоилась, все было хорошо. Училась хорошо. Школа была далековато, а обуви подходящей не было. Ходила я, ребенок, в дядиных больших танках. Чиненая шубка, книжки увязаны в платок. Так я ходила в школу, очень хотела учиться.

Наступил 1949 год, грозила высылка. И тут я заболела. Видно, из-за обуви. Что-то случилось с ногой, потребовалось хирургическое вмешательство. Лежала в Вияльской больнице. В палате со мной лежала девочка моего возраста, после операции аппендицита. Ее зашел проведать отец. И так он на меня зло смотрел, что мне стало страшно. А тут вошла тетя, увидела его и сказала: «Я хочу забрать тебя домой». Потом рассказала, что это тот самый человек, который велел вас вывезти. «Это он подписал документы об аресте твоего отца». Но человек этот не мог успокоиться, писал в ЦК или еще куда, что дочка Мускарса, дочь врага народа, живет в Латвии, что ее необходимо выслать. Ему ответили, что ребенок не отвечает за грехи отцов, и меня не тронули. Но под угрозой оказалась семья, где я жила. Приближался 1949 год, все знали, что будут опять вывозить. Что-то надо было делать. Дом тети Анны, где она жила с мужем и с четырьмя детьми, стоял на краю болота. Что-то надо было делать. И они построили бункер в болоте, и все мы там прятались. Там и картошка была, все богатство было там. Знали, что увезут, но не знали, когда.

А скота у них не было? Была скотина. На лугу стоял сеной сарай, там ее и прятали. Дом стоял пустой. Но трудились напрасно, за ними не пришли. Недалеко там станция, и мы слышали, как людей привозили, плач, причитания. Поезд ушел. И только тогда мы выбрались с болота. А тут другая напасть – всех сгоняли в колхозы. Еще до колхозов крестьян замучили непомерными налогами. Они каждый год выводили из хлева корову в счет налогов. Яйца сдавали, молоко сдавали. Продуктов не было, питались обратом, который привозили с молокозавода. Тетя списалась с родственниками отца – не могут ли они чем-то помочь?

Крестная моя, папина сестра, написала, чтобы обоих нас привозили в Стиене. Там условия были получше. Снова пошла в школу, училась с братом вместе. Все было хорошо. Там было не так строго, как в Вецуми, где у тети Анны спрашивали – а это кто такие? И тетя врал, что мы не высланные дети, а эвакуированные. А муж крестной был коммунист, работал в Стиене снабженцем, потом ему предложили место директора Лимбажской вальцовочной

фабрики. И вместе с женой они переехали в Лимбажи. Снова мы остались без крова. И хотя по годам мы были как бы взрослые, но росточка я была маленького, девчужка, одним словом. Потом организовался колхоз, и меня на попечение взяла одна женщина, я работала у нее дояркой и училась в школе.

Все бы ничего, если бы не мой упрямый характер. Партийный секретарь, комсомольский секретарь, такая Вия Вавере, агитировали меня вступить в комсомол, тогда, мол, меня в школу отправят, еще куда-то. Но папины родственники сказали: «Если вступишь, отец твой в гробу перевернется». Я тоже не была уверена в том, что надо вступать. И я не пошла. И осталась работать в колхозе. Но у меня пропала сестра, нет сестренки. Был уже 1950 год, говорили о какой-то амнистии, что можно выходить из леса. А мне и в голову не приходило, что она в лесу. Все эти годы сестра жила в лесу. Тогда говорили – бандиты, сейчас говорим – партизаны. И не она одна, много было единомышленников. И вот она вышла из леса. Когда сестра нашлась, у нас началась совсем другая жизнь. Оба с мужем они устроились

в Саулкрасти. Муж ее был армейский портной. Тоже лесной брат, в латвийское время шил офицерскую форму, был очень хороший портной. Уехали они в Саулкрасти и взяли к себе нас с братом. Места для жилья было немного, но все свои.

Младший брат как перестал расти, так и перестал. Парню 18, в армию пора, а в нем метр тридцать. Служил тут же, в Баложи, а когда приехал в отпуск, я его не узнала – рослый, красивый, стройный юноша.

Потом я вышла замуж. Казалось, такая же семья, и сами пострадали, отец мужа был кавалер ордена Лачплесиса, но от меня держались на расстоянии. Я понять не могла. Оказалось, что тогда в ходу были репрессии и против тех, кто имел дело с репрессированными. А если еще и семью завел! А Янис Тиммерманис женился на мне! Но жизнь текла своим чередом, все было хорошо. Я десять лет проработала директором пансионата «Ригхиммаш». Вдруг кто-то узнал, что я была репрессирована. «Человек с таким прошлым не может руководить коллективом», – сказал на собрании генеральный директор.

Янина (вторая слева) в Сибири

Десять лет могла, и вдруг – не могу. Так мое прошлое перечеркнуло жизнь. Я должна была уйти с работы, с которой хорошо справлялась. До сих пор мое прошлое не дает о себе забыть. У меня трое детей. Старший сын Янис окончил восемь классов. Музыкант. Хотел продолжать музыкальное образование.

Поступил в техникум работников культуры, делал успехи. Из анкеты было известно, где была мать. И вот во время демонстрации он сказал: «Опустите этого Володьку пониже!». А вокруг полно было доносчиков. Тут же крестик возле его фамилии появился. В общезитии на Рождество он пел рождественские песни, какие мы дома пели. А на Новый год его отчислили. Как он плакал! Когда задали вопрос, за что отчислили, в ответ прозвучало: «А как вы думаете? Он будет дирижировать духовым оркестром. И когда ему скажут исполнить гимн, не начнет ли он играть «Боже, благослови Латвию!»?» Второй сын окончил среднюю школу, собрался поступать на факультет механизации Сельскохозяйственной академии в Елгаве. Документы приняли, пошел сдавать экзамены. Все сдал, документы вернули. И дети репрессированы. Так и не получил он высшего образования. Взяли в армию.

А что случилось с вашим отцом? Нас сразу поместили в разные вагоны. Их вагоны, кажется, было их два, прицепили в самый конец нашего состава. Однажды утром все стали плакать, кричать. Пропали вагоны с мужчинами. Их отцепили и отправили в неизвестном направлении. Мы ничего не знали. Абсолютно ничего не знали до 1991 года, когда нам сообщили, что они реабилитированы. Умер отец в Томске, в 1942 году. Его замучили. Оттуда живым никто не вернулся. Не было никого, кто бы вернулся и рассказал. Абсолютно ничего не знаем. Просто сообщили, что умер. А как – неважно. Безусловно, замучили. Папа был очень сильный, крепкий человек, если его били прикладом, а он нас держал и не отпускал. Но и такого его замучили.

В 1962 году я приехала в Назарово к брату своему Константину. И конечно, к маме. Брат все это время ухаживал за могилой. Я очень хотела, чтобы брат вернулся. Но женился брат на сибирячке, а она ехать не хотела. У них было двое детей, и она не поехала. Брат приезжал, дважды жил по месяцу. Она писала жалостливые письма, и он вернулся. В 1983 году он умер.

А что случилось со старшим братом? В 1952 году он вернулся из Кемерово. Конечно, по-

давленный, покалеченный, но живой. Осел в Салкарести, где жила старшая сестра. Латыши остаются латышами, вытягивали друг друга. Ему было сказано – в отцовский дом и не показывайся, а то снова вышлют.

У брата были золотые руки. После Сибири любую работу может сделать. Пошел работать на стройку. До войны учебу не закончил. Начинал в Даугавпилсском педагогическом институте. Об институте больше и не думал, хотел поступить в строительный техникум. У него было свидетельство об окончании вечерней средней школы. Но не приняли. И он стал изучать все самостоятельно. Всю жизнь проработал прорабом. До самой пенсии. Несмотря на то, что учиться не дали. И у него бывали случаи, когда его вызывали, допрашивали. Старался ни одного лишнего слова не произнести, чтобы не сфабриковали очередное дело и не отправили обратно. Очень сдержанным человеком был мой брат.

И в конце хочу так сказать: зла у меня ни на кого нет. Те, кто это совершил, уже получили за все, а другие в этом не виноваты. Те же русские, кто живет здесь, среди них есть и хорошие люди. Пусть молодежь узнает хоть что-то, они ведь ничего не знают. 14 июня 1987 года, когда группа «Хельсинки-86» пришла к памятнику Свободе с флагами, мой старший сын тоже там был. Он приехал домой и сказал мне так: «Мама, там говорили о детях Сибири, ты же тоже там была, почему ты нам ничего не рассказываешь?». Я ответила: «Сынок, что я тебе могу рассказать? Если я тебе расскажу, а ты какого-нибудь русского избьешь и в тюрьму угодишь. Лучше, если ты ничего не будешь знать». Я с детьми об этом не говорила, ничего не рассказывала. Вспоминать нелегко. Переживать можно, а рассказывать – это ведь не сказка. Было трудно, но как-то пережили. Благодаря заботе старшего брата, мама была очень заботливая, очень, очень хорошая была у нас мать. И средний брат меня защищал. Хочется, чтобы все семьи были такими же.

Господь нас хранил. Мама научила нас читать молитвы, когда мы были еще маленькими. Дома мы каждый вечер сложим ручки и молимся. Особенно по вечерам, когда солнышко садилось. Посылали привет Родине. Нам всегда казалось, что солнышко придет на родину и передаст от нас привет. Не дай Бог если что-то подобное случится, люди теперь не такие крепкие, какими были мы. Мы были здоровые, очень крепкие. И все же многие погибли.

ЯНИС МУЦЕНИЕКС

родился в 1936 году

Жили мы в Вецлайценской волости, родители учителя, отец был командиром айзсаргов.

В 1941 году нас репрессировали, отца увели отдельно, последний раз видел его в окошке поезда. Нас с мамой арестовали ночью. Дорога длинная, в поезде было много народу. Доехали до Томска, потом на барже по рекам Томь, Обь, Парабель. В дороге один умер. Потом по речке Чужик до Пудино. Мы оказались в селе в 18 километрах от районного центра. Поселили к старой тетушке. Электричества не было. Транспорт – быки и лошади. Была там артель, изготавливали кедровое масло, деготь. У местных были коровы. Мама работала в лесу, питание было плохое. Была картошка, собирали весной, меняли на еду одежду. У мамы было воспаление легких, она обменяла обручальное кольцо на килограмм масла. За мной присматривала русская женщина. В нашем селе, кроме нас, других латышей не было.

Когда мне исполнилось девять лет, стал ходить в школу, за шесть километров. Мама договорилась с русской хозяйкой, она сдавала мне койку. Это было в 1945 году. В субботу уходил к маме. В школе было нетрудно, учился хорошо. С ребятами отношения были хорошие. Отучился четыре года, потом поступил в Пудинскую среднюю школу. Жил в латышских семьях. Окончил среднюю школу, летом работал в поле, полон сорняки. Заготавливали сено, драг березовую кору – для смолокурни.

Потом купили корову, жизнь наша поправилась. Жил у латышки, у парикмахерши. В 1953 году умер Сталин, по-

сле этого нам разрешили учиться. В 1955 году после средней школы полетел в Томск. Каждый месяц надо было регистрироваться в комендатуре, в районном центре. Был пионером, был комсомольцем, но все равно регистрироваться надо было.

Мама называла Сталина кровавым псом. Когда Сталин умер, многие плакали, а мы не должны были радоваться.

В Томске нас было 80 абитуриентов в одной зале. Позже меня сняли с учета. Учился отлично. Жил у латышки, муж у нее был русский. На третьем курсе дали общежитие. В 1956 году мама вернулась в Лоде, в дом своего отца. В 1957 году я приехал в Латвию на каникулы. Ощущение было странное. Из Руиены шел 17 километров пешком до дома.

В Томске было речное сообщение. Не было ни машин, ни тракторов. Привозили кино и запускали движком.

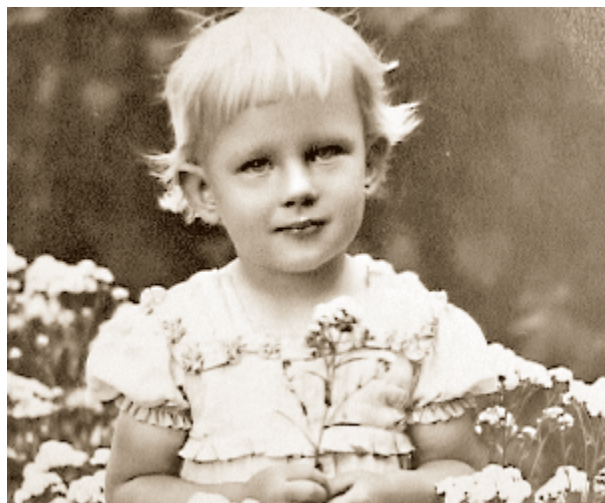
Об отце никаких сведений не было. Потом получили известие, что он умер в 1942 году в Вятлаге, в лагере. Мама выплачивала государственные облигации. Помогала нам мамина сестра, присылала посылки, дедушка тоже присылал сало. Ели суп из лебеды и крапивы. Картошку – со временем у нас появился огород. Научился косить, сушить сено. Зимой даже при 50-градусном морозе ходили в школу за 18 километров.

В Латвию вернулся в 1960 году после высшей школы – инженером, дорожным строителем. Языки давались. Дома говорили по-латышски. Годы войны были самые мрачные. Мама умерла в 1979 году.

У мамы было воспаление легких, она обменяла обручальное кольцо на килограмм масла. За мной присматривала русская женщина.

ВИЯ МУША (ПРОНЕНКОВА)

родилась в 1936 году

Я Вия Проненкова, урожденная Муша. Родилась я в Талсинском уезде, на хуторе «Ролавас» Валгалской волости. Хутор был большой, с 1934 года принадлежал моему отцу. Отец, Фрицис Муша, был очень энергичный человек. Маму звали Анна Милда Катрина. В семье я была единственным ребенком.

Отец учился во Владивостоке, в военном училище. Вначале он был с красными, потом присоединился к Колчаку. Впоследствии сражался за свободу вместе с Калпаксом.

14 июня 1941 года приехала машина с русскими солдатами. Один из них оказался очень отзывчивым, сказал, чтобы брали с собой как можно больше вещей, помогал все укладывать в мешки.

Привезли нас на станцию Стенде. Мужчин и женщин разделили. Пару раз всех досмотрели. Охраняли нас 16-летние латышские ребята. Чтобы нас могли сосчитать, пришлось стоять на коленях. Потом запихнули в вагоны, оказались мы возле дыры в полу. Нас было трое – мама, бабушка и я. Вагон был переполнен. Рожали на свет детей.

Когда на станции Великие Луки открылись двери, вошел отец, попрощался, забрал вещи. И мы остались ни с чем...

В Красноярске под ветром и дождем погнали нас в большой барак. Потом посадили на пароход и отвезли в Галанино. Там нас ждали повозки из колхозов. Три семьи загрузились, и повезли нас из Казачинска в деревню Мингали. Мы, госпожа Канберга с приемной дочерью Гунтой и третья семья, фамилию не помню. В деревне было всего 16 домов. Встретили нас как больших артистов и поселили в недостроенном доме. Там была и финская семья Пуки. Анна была моей

первой учительницей. Жили там и сосланные в 30-е годы кубанские казаки, позже привезли две семьи поволжских немцев.

Нас не обзывали. Днем русские принесли нам продукты. Детей никто не обижал.

В 1942 году открылась школа, учила нас ссыльная Анна Пуки. Там все были безграмотные, школы там никогда не было. Там я окончила четыре класса.

Жили в маленьком доме у хозяйки. У нее было три сына. Все воевали. В доме была одна комната, посередине печь. Мы благодарны за то, что первую зиму смогли там выжить.

Мама начала работать на ферме. Было там шесть дойных коров. Когда мама сказала, что у нее было 30 коров, все были страшно удивлены. Коровы были мохнатые, потому что стояли под открытым небом. Мама стала наводить порядок и пользовалась авторитетом. Председатель Куликов, беззубый старик, на колхозном собрании произносил: «Говори, Нюра!». Так там звали маму. И размахивал кулаками, потому что мама говорила: надо сделать это, это и это.

Канберга учила нас петь. Мама устроила новогодний праздник, все собрались. На бумаге было написано: «1945-й год». Все старались что-то узнать.

Рижские родственники прислали нам латышские книжки. Одна из них «Приключения мышки Пикстите». У тети Маши, где мы жили, собирались латышские дети, мама читала и переводила на русский. Потом приходили все, и старики тоже, рассаживались на полу, много собиралось народу. Каждый день спрашивали, когда мама снова будет читать. Такое было зимой.

О Латвии мало что помню, мама и бабушка что-то рассказывали. За сосной солнце садилось, и бабушка говорила, что там Латвия...

Вия с матерью Анной и отцом Фрицисом в Латвии

Окончила четыре класса, и мама сказала, что надо собираться домой. Она пыталась достать фальшивые документы. Нас провожала вся деревня, везли на лошадях, надавали продуктов, плакали. Мама раздала свои вещи, которые не могла взять с собой.

Приехали в порт Галанино на Енисее. Поселились у латышей, там же собрались и остальные дети. Помню Мару и Петериса Бриедисов, Гунту и Эдвинса. Вместе нас было девять, остальных не помню.

Везли нас на пароходе «Мария Ульянова», оказались в самом низу, народу было очень много. Обзавелись вшами. В Красноярске встретили Валдиса Кляву. Измучились. Мама боялась, что будут требовать документы. Достался нам переполненный товарный вагон.

Эдвинсу было 13 лет, на вокзале он пытался что-нибудь украсть, потом мчался в вагон. Это было ужасно, но иначе нам бы не выжить. Однажды проехали уже кусок, а Эдвинса все нет. Мама в волнении бегала по вагону. На следующей остановке он появился. Измучившись, добрались наконец до Москвы. Там нас избавили от вшей, и дальше ехали мы в нормальном вагоне.

В Риге мама распределила детей по родственникам. Приехали в Ригу 13 октября 1947 года. Добирались домой полтора месяца. Мы были нелегалы.

Жила в Риге у родни, ходила в 46-ю основную школу на улице Кандавас, второй раз пошла в 4-й класс, так как по-латышски писать не умела. Мама жила у сестры в Пастенде и на другой год 1 сентября ее забрали и второй раз выслали в Березовку. Там она пробыла до 1957 года.

Отец был в списке Шнейдерса – умер в феврале 1942 года. Диагноз – менингит. Он никогда не болел...

Маму гнали по этапу, она была в угольных шахтах в Кемерово, потом на кирпичной фабрике в Березовке, босиком носила кирпичи, испортила здоровье. Она все умела.

В колхозе старик написал заявление, и мама получила медаль за героизм во время войны.

Вернусь в то время, когда мне было 11 лет, в начале друзья из Сибири писали мне письма. Там в 1946 году умерла бабушка, было ей 73 года.

Сибирь и сейчас вспоминаю, даже в цвете. Место, где жили, было красивое, горы поросли желтыми лилиями. Мы их ели. Каждый год – февраль, март, апрель – это были самые голодные месяцы. Когда начиналась черемша, приходило спасение. В колхозе все голодали. Нас никто не обижал, у мамы был авторитет. Труднее приходилось немецким семьям – сельские работы им не поддавались, приспособиться никак не могли. Докторов не было, у меня было воспаление легких. Сбежалась вся деревня, мазали меня медвежьим жиром, все меня лечили. О Латвии мало что помню, мама и бабушка что-то рассказывали. За сосной солнце садилось, и бабушка говорила, что там Латвия...

В «Ролавас» мы не попали, там было много чужих и враждебных людей. Нам много помогали мамини сестра и братья, присылали посылки. Однажды в бандероли с газетами прислали маленький красный ароматный шарик, мы думали, что это конфета, оказалось, мыло. Присылали муку, мама пекла оладьи. Сбегалась вся деревня, и каждому доставалось по кусочку. Все друг с другом делились – так было заведено.

Зимой мама ловила зайцев петлей, зимой забивали старую лошадь, ела вся деревня. Латвию не помню, но после маминых и бабушкиных рассказов стала как бы и сама все видеть – качели, собачку, коров. Помню отцовские руки. Когда я родилась, ему было 43 года, он меня так любил...